

Латинская Америка

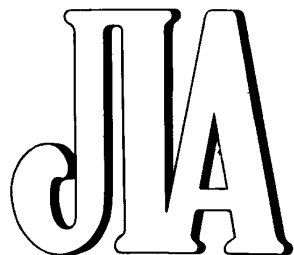
ISSN 0044-748X

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
НАУЧНЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

9

2023

Основан в 1969 году

Учредители: Академия наук СССР, Институт Латинской Америки

Латинская Америка № 9/2023

Ежемесячный научный и общественно-политический журнал РАН

Издается под руководством Отделения глобальных проблем

и международных отношений РАН

Включен в список ВАК

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science

ISSN 0044-748X Индекс 70497 Москва

Главный редактор В.Л.ХЕЙФЕЦ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АЛЬКАНТАРА САЭС М. (Ун-т Саламанки (Испания), Боливарианский Папский ун-т Медельина, Колумбия); БАТТЪЯНИ К. (Ун-т Республики (Уругвай), Генеральный секретарь Латиноамериканского совета по общественным наукам; ДАВЫДОВ В.М. (ИЛА РАН, Москва); ЖЕБИТ А. (Федеральный ун-т Рио-де-Жанейро, Бразилия); ИВАНОВСКИЙ З.В. (ИЛА РАН, МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва); КОВАР-РУБИАС ВЕЛАСКО А. (Колехио де Мехико, Мексика); КОНСТАНТИНОВА Н.С. (ИЛА РАН, Москва); КОФМАН А.Ф. (ИМЛИ им. А.М.Горького РАН, Москва); MARTINEС PERES X. (Национальный автономный ун-т, Мексика); МАРТЫНОВ Б.Ф. (МГИМО МИД России, Москва); МАССОН СЕНА К. (Кубинский ин-т культурных исследований им. Хуана Маринельо, Куба); НОЛЬТЕ Д. (Немецкий ин-т глобальных проблем, Германия); ОКУНЕВА Л.С. (МГИМО МИД России, Москва); РУВИНСКИЙ В. (Ун-т ИСЕСИ, Колумбия); СЕРБИН А. (Региональный центр координации экономических и социальных исследований, Аргентина); СУДАРЕВ В.П. (ИЛА РАН, Москва); ТИКНЕР А. (Ун-т Росарио, Колумбия); ХЕЙФЕЦ В.Л. (главный редактор журнала «Латинская Америка», Москва); ХЕЙФЕЦ Л.С. (СПбГУ, Санкт-Петербург); ШЕСТОПАЛ А.В. (МГИМО МИД России, Москва); ШКОЛЯР Н.А. (ИЛА РАН, Москва); ЩЕЛЧКОВ А.А. (ИВИ РАН, Москва); ЩЕТИНИН А.В. (МИД России, Москва); ЯКОВЛЕВ П.П. (ИЛА РАН, РЭУ им. Г.В.Плеханова, Москва); ЯНКЕЛЕВИЧ П. (Колехио де Мехико, Мексика)

КОРРЕСПОНДЕНТЫ: И.М.КУРГУЗОВ — В САНТЬЯГО, kim-la@mail.ru

МАНУЭЛЬ ЛОЙОЛА — В САНТЬЯГО, manuel.loyola@gmail.com

А.Ю.ЧУРИКОВ — В КАРАКАСЕ, achurikov@list.ru

Над номером работали: С.Е.АЛЕКСАНДРОВ, К.Э.ДАБАГЯН, А.Б.НОВИКОВА, А.Э.САЛТАИС (зав. редакцией)

Адрес редакции: 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21

Телефон: 8-495-951-01-67; электронная почта: revistala@mtu-net.ru

© Российская академия наук, 2023.

© Составитель: Редакционный совет журнала «Латинская Америка», 2023.

Latinskaya Amerika N 9/2023

(Latin America)

Founded in 1969

Established by

Academy of Sciences of the Soviet Union

Institute of Latin America

Scientific, social and political journal of Russian Academy of Sciences

Issued monthly

Published under the authority of the Global Problems

and International Relations Department of the RAS

Included in the list of the Higher Attestation Commission

Included in Science Index, Russian Science Citation Index on the base of Web of Science

ISSN 0044-748X Index 70497 Moscow

Chief Editor VICTOR L.JEIFETS

EDITORIAL BOARD:

ALCANTARA SAEZ M. (Salamanca University (Spain), Bolivarian Pontifical University of Medellin, Colombia); BATTHYANY K. (University of Republic, Uruguay), the Latin American Council of Social Sciences; DAVYDOV V.M. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); COVARRUBIAS VELASCO A. (College of Mexico, Mexico); ZHEBIT A. (Federal University of Rio de Janeiro, Brazil); IWANOWSKI Z.W. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); KHEIFETS V.L. (editor in chief, Russia); KHEIFETS L.S. (Saint-Petersburg State University, Russia); KONSTANTINOVA N.S. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); KOFMAN A.F. (Institute of World Literature and Arts, RAS, Russia); MARTINEZ PEREZ J. (National Autonomous University, Mexico); MARTYNOV B.F. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); MASSON SENA C. (Cuban Institute for Cultural Studies Juan Marinello, Cuba); NOLTE D. (German Institute of Global Affairs, Germany); OKUNEVA L.S. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); ROUVINSKY V. (ICESI University, Colombia); SCHELCHKOV A.A. (Institute of General History, Russia); SCHETININ A.V. (Ministry for Foreign Affairs of Russia, Russia); SERBIN A. (Regional Coordinating Center for Economic and Social Studies, Argentina); SHESTOPAL A.V. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); SHKOLIAR N.A. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); SUDAREV V.P. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); TICKNER A.B. (University of Rosario, Colombia); YAKOVLEV P.P. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); YANKELEVICH P. (College of Mexico, Mexico)

Correspondents: I.M.KURGUZOV — in SANTIAGO, kim-la@mail.ru

MANUEL LOYOLA — in SANTIAGO, manuel.loyola@gmail.com

A.Yu.CHURIKOV — in CARACAS, achurikov@list.ru

The present issue of journal by S.E.ALEKSANDROV, K.E.DABAGIAN,
A.B.NOVIKOVA, A.E.SALTAIS (managing editor)

Editorial address: 21 Bolshaya Ordynka Str., 115035 Moscow, Russia

Phone number: +7 495 951 01 67; *e-mail:* revistala@mtu-net.ru

© Russian Academy of Sciences, 2023.

© Compiler: Editorial Board of «Latinskaya Amerika», 2023.

В НОМЕРЕ:

- 6 В.Л.Хейфец. **Обращение к читателям**

ЧИЛИЙСКИЙ «ПУТЬ К СОЦИАЛИЗМУ» — ВЗГЛЯД ИЗ 2023 ГОДА

- 8 Л.А.Косичев. **Вспоминая Сальвадора Альенде**
29 А.А.Щелчков. **1973 год — драматическая развязка чилийской революции. По материалам архива ЦК КПСС**
44 М.Лойола, Л.Тилеманн. **Повседневная жизнь народной власти: Совет по снабжению и ценообразованию в поселении Габриэла де Пуэнте-Альто (Чили) в 1973 г.**

ПОЛИТИКА

- 58 В.А.Голинёй. **Влияние внутренних и внешних факторов на государственность в Латинской Америке**
71 Н.С.Константинова. **Культурная политика Луиса Инасиу Лулы да Силвы (2003—2010)**

ОБЩЕСТВО XXI ВЕКА

- 83 В.А.Кузнецова. **Деятельность организаций гражданского общества Бразилии в социальной сфере**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- 98 О.Н.Старжинская. **Беспорядки в губернаторстве Рио-де-ла-Плата в 1750—1754 гг. Взгляд иезуитов на перенос семи миссий**

SUMARIO

- 6 Víctor Jeifets. **Mensaje a los lectores**

EL “CAMINO AL SOCIALISMO” CHILENO, UNA MIRADA DESDE 2023

- 8 Leonard Kósichev. **Recordando a Salvador Allende**
29 Andrey Schelchikov. **El año 1973, un dramático desenlace de la revolución chilena. En base a los materiales de los archivos del CC del PCUS**
44 Manuel Loyola, Luis Thielemann. **La cotidianidad del poder popular: una JAP en la Población Gabriela de Puente Alto. Chile, 1973**

POLITICA

- 58 Vladímir Goliney. **La influencia de factores internos y externos en la estatalidad en América Latina**
71 Natalia Konstantínova. **La política de Luiz Inacio Lula da Silva en la esfera cultural, 2003—2010**

LA SOCIEDAD DEL SIGLO XXI

- 83 Varvara Kuznetsova. **La actividad de las organizaciones de la sociedad civil del Brasil en la esfera social**

PAGINAS DE LA HISTORIA

- 98 Olga Starzhinskaya. **Los motines en la provincia Río de la Plata en 1750—1754. La transmigración de siete misiones en visión de los Jesuitas**

CONTENTS

- 6 Victor Jeifets. **Message to readers**

THE CHILEAN “PATH TO SOCIALISM”, A VIEW FROM 2023

- 8 Leonard Kosichev. **Remembering Salvador Allende**
29 Andrey Schelchikov. **1973— the dramatic collapse of the
Chilean revolution. Viewed by the materials of the
Archive of the Central Committee of the CPSU**
44 Manuel Loyola, Luis Thielemann. **The daily life of popular
power: a JAP in the Gabriela neighborhood of
Puente Alto. Chile, 1973**

POLICY

- 58 Vladimir Goliney. **The influence of internal and
external factors on statehood in Latin America**
71 Natalia Konstantinova. **The cultural policy of Luiz
Inacio Lula da Silva, 2003—2010**

THE SOCIETY OF 21ST CENTURY

- 83 Varvara Kuznetsova. **Activities of civil organizations of
Brazil in the social sphere**

HISTORY PAGES

- 98 Olga Starzhinskaya. **Riots in the governorate of the Rio
de la Plata in 1750—1754. Transmigration of the seven
missions according to the Jesuit sources**

Дорогие читатели!

Перед вами — сентябрьский номер журнала «Латинская Америка». Он выходит в год 50-й годовщины трагических событий: 11 сентября 1973 г. военный переворот в Чили поставил, казалось, точку в споре латиноамериканских революционеров о том, возможен ли мирный путь к социализму или правы сторонники вооруженной борьбы. Хунта во главе с генералом Аугусто Пиночетом оборвала социалистический эксперимент, начатый правительством Сальвадора Альенде. Президент-социалист погиб, защищая Конституцию с оружием в руках. Но спустя долгие годы военной хунте пришлось уйти и вернуть власть политикам, избранным в ходе демократических процедур. Сегодня Чили управляет левая коалиция во главе с Широким фронтом. В девятом номере журнала сразу три материала посвящены истории далеких дней и переключке тех времен и сегодняшних событий. Известный журналист Леонард Косичев, находившийся в Сантьяго накануне и во время переворота, вспоминает последнее выступление Сальвадора Альенде, рассказывает о своем видении провала «социалистического проекта» Народного единства и сопоставляет подходы Альенде и нынешнего президента Габриэля Борича. Ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН Андрей Щелчков анализирует чилийскую революцию под новым углом зрения, опираясь на ранее недоступные исследователям документы ЦК КПСС, и одновременно показывает отношение Москвы к нараставшему кризису, а также взгляды на возможные способы выхода левых сил из драматического положения. Наконец, чилийские ученые из Университета *Finis* Тераес Мануэль Лойола и Луис Тилеманн обратились к конкретному историческому сюжету — функционированию Совета по снабжению и ценам города Габриэла де Пуэнте-Альто с мая по август 1973 г., созданного в рамках деятельности Народной власти и в контексте процесса социалистического строительства в Чили. Исследователи убедительно показывают, что совет — вопреки мифам — не занимался политическими вопросами, а сосредоточил свою деятельность на решении управленческих задач в социально-экономической сфере.

Представители Института Латинской Америки РАН Наталья Константинова и Варвара Кузнецова в своих статьях обращаются к другому левому эксперименту, но уже не столь давнему. Предметом их исследований стали культурная политика бразильского президента Луиса Инасиу Лулы да Силвы (в период его первых двух мандатов) и деятельность организаций гражданского общества страны в социальной сфере. Лула и его кабинеты известны осуществлением масштабных проектов по социальной поддержке, серьезно поменявших облик Бразилии. Но удастся ли сегодня повторить успехи той политики? В.Кузнецова в своей статье показывает, что в современном обществе противостоять социальному неравенству и бедности можно лишь, применяя комплексные подходы, задей-

ствуя дополнительные образовательные и культурные элементы. Вопрос о том, как изучение прежнего опыта Лулы и осознание накопленного потенциала и проблем в социальной сфере помогут соединить государственную политику и работу некоммерческих и неправительственных организаций, станет темой новых исследований.

Сотрудник ИЛА РАН Владимир Голиней анализирует понятие «государство» с точки зрения внутренних (каудильизм, неоднородность развития, внутриполитическая борьба) и внешних (межгосударственные войны, интеграционные процессы, политика регионализма и наднациональные институты) факторов, влияющих на его формирование в Латинской Америке. Главный аспект его статьи — определение ряда моделей регионализма, способных повлиять на вектор развития стран региона, что важно как для правых, так и для левых правительств Латинской и Карибской Америки.

Наконец, ведущий научный сотрудник Национального исторического музея Республики Беларусь Ольга Старжинская подробно рассмотрела череду событий, связанных с переходом в руки Португалии территорий иезуитских миссий в губернаторстве Рио-де-ла-Плата в XVIII в. Этот период ознаменовался сохранением идентичности коренных индейских народов и укреплением их сил, что позволило им противостоять внешним угрозам. Историков этот анализ заинтересует с точки зрения изменения взгляда на образ иезуитов, ученые же, занимающиеся проблемами современного индихенизма, наверняка смогут провести параллели между событиями XVIII и XXI вв.

В целом в журнале традиционно собраны работы ученых из разных учреждений и стран, что демонстрирует успешность научного сотрудничества и возможности обеспечивать широкую дискуссию между исследователями. Оценить итоги трудов наших авторов — уже задача читателей.

Главный редактор журнала, профессор РАН

ХЕЙФЕЦ В.Л.

ЧИЛИЙСКИЙ ПУТЬ К СОЦИАЛИЗМУ — ВЗГЛЯД ИЗ 2023 ГОДА

Л.А.Косичев

Вспоминая Сальвадора Альенде

Статья посвящена 50-летию со дня гибели президента Чили Сальвадора Альенде, который первым в мире предпринял попытку продвижения к социализму мирным путем, в рамках представительной демократии. Автор рассматривает причины неудачи «социалистического проекта» в Чили. Читатель узнает о том, как на репортерский магнитофон записывалось последнее обращение С.Альенде к чилийцам, прозвучавшее по *Radio Magallanes* из осажденного путчистами президентского дворца *La Moneda* в день военного переворота 11 сентября 1973 г. Автору удалось сохранить эту магнитофонную запись в те драматические дни в Сантьяго. То выступление стало политическим завещанием С. Альенде.

Ключевые слова: Сальвадор Альенде, «чилийский путь», Народное единство, Социалистическая партия, военный переворот.

DOI: 10.31857/S0044748X0027276-2

Статья поступила в редакцию 16.03.2023.

В 1970 г. в Чили впервые в истории к власти демократическим путем и без поддержки извне пришел политик-марксист. Президентские выборы выиграл известный социалист Сальвадор Альенде. Он представлял блок Народное единство (*Unidad Popular, UP*), в котором объединились шесть левых партий при ведущей роли социалистов и коммунистов. Для многих чилийцев оказалась привлекательна провозглашенная коалицией программа мирного продвижения к социализму в рамках существовавшей тогда Конституции. Но реальной ли была эта программа?

В 1971 г., в дни своего визита в Чили, кубинский руководитель Фидель Кастро сделал С.Альенде необычный подарок — автомат Калашникова с памятной гравировкой. Это был недвусмысленный намек кубинского революционера чилийскому другу на то, что возглавляемая им «мирная революция» должна быть готова себя защитить. Принимая дар из рук Фиделя, Альенде выразил надежду на то, что этот автомат не будет использован по назначению. Но чилийский президент ошибался.

Леонард Анатольевич Косичев — журналист-латиноамериканист, заслуженный работник культуры Российской Федерации (РФ, Москва, lkosichev@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-0532-8982>).

ПОСЛЕДНЕЕ ОБРАЩЕНИЕ АЛЬЕНДЕ К ЧИЛИЙЦАМ

В Сантьяго я приехал в качестве корреспондента советского радио и телевидения, когда у объединенных левых еще не прошла эйфория от недавней победы. Однако прожив в Чили всего пару недель, я ощутил, что противники социализма вовсе не собираются «мирно» сдавать свои позиции. С самого начала новое правительство столкнулось с саботажем, заговорами, диверсиями, разгулом экстремизма.

Открывшаяся возможность прихода к власти марксиста вызвала переполох в стане чилийских правых. Доставляла она головную боль и руководству США. На совещании в Белом доме президент Ричард Никсон (1969—1973) сказал, что «режим Альенде неприемлем для США», и поручил ЦРУ организовать военный переворот [1, с. 23].

Два месяца со дня выборов и до вступления Альенде в должность президента 3 ноября 1970 г. прошли в обстановке невиданной ранее психологической войны. Именно в эти напряженные дни впервые заявила о себе ультраправая организация *Patria y Libertad*, устроив шествие по улицам столицы под лозунгом: «Тревога, чилиец: русские стоят у порога!». На протяжении трех последующих лет эта организация будет ударной силой в нагнетании насилия в стране. Уже после свержения Альенде в докладе специальной комиссии сената США *Patria y Libertad* характеризовалась как «правая военизированная группа», которую финансировало ЦРУ [1, с. 31].

Угрозы в адрес Альенде не прекращались на протяжении всего периода его правления. Однажды, отвечая на них, президент сказал: «Пусть они знают: я оставлю дворец *La Moneda*, только когда закончится мандат, врученный мне народом ... только изрешетив меня пулями, они могут помешать осуществлению моей воли» [2, с. 253]. Этими словами Альенде предупредил своих ярых врагов и заверил тех, кто проголосовал за него на выборах, что не отступит ни перед каким смертельным испытанием. И оно пришло 11 сентября 1973 г., когда до истечения президентских полномочий оставалась половина конституционного срока — три года.

В тот день утром, я, как всегда, слушал популярную музыкальную передачу, вместе с которой для многих чилийцев начинался новый день. И вдруг в эфир вторгся бравурный марш и голос незнакомого диктора: «В эфире — объединенная радиосеть вооруженных сил и карабинеров». Затем последовало сообщение: «Сформированная ночью правительственная военная хунта потребовала от президента немедленно сложить свои высокие полномочия». Нетрудно представить, какие тяжелые чувства охватили Альенде, когда он узнал, что переворот возглавил генерал Аугусто Пиночет, располагавший полным доверием президента. За 18 дней до этого, при назначении командующим армией, Пиночет клялся в верности Конституции. Глава государства оказался перед лицом невиданного вероломства.

Лихорадочно кручу ручку радиоприемника, присоединив к нему магнитофон. Когда на волнах *Radio Magallanes* я услышал голос Альенде из осажденного путчистами президентского дворца, у меня перехватило дыхание. Он говорил с поразительным самообладанием, хотя в глаза ему уже

Последние часы жизни С.Альенде в осажденном мятежниками *La Moneda*. 11 сентября 1973 года

пристально смотрела смерть: «Соотечественники! Наверное, это — моя последняя возможность обратиться к вам... Перед лицом этих событий мне остается сказать трудящимся только одно — я не уйду в отставку! На этом перекрестке истории я готов заплатить жизнью за доверие народа» [2, с. 378].

Я слушал президента в оцепенении и одновременно записывал на магнитофон его последнее обращение к чилийцам. В радиоприемнике были слышны взрывы и автоматные очереди. В гудевшем эфире не все слова были слышны четко, а то и заглушались совсем. Это усиливало драматизм речи главы государства. Альенде говорил сдержанно и лишь один раз за все свое выступление воскликнул: «Да здравствует Чили! Да здравствует народ! Да здравствуют трудящиеся! Таковы мои последние слова». И вдруг после короткой паузы президент добавил: «...Я уверен: моя гибель не будет напрасной. Я уверен, что она будет, по крайней мере, моральным уроком и наказанием вероломству, трусости и предательству» [2, с. 380].

Президент успел закончить выступление за считанные минуты до того, как военные захватили радиостанцию *Radio Magallanes*. Радио смолкло, и в эфире наступило безраздельное господство «радиосети вооруженных сил и карабинеров». Так закончился проводившийся в Чили на протяжении трех лет необычный социальный эксперимент по созданию предпосылок для мирного перехода к социализму.

В последнем обращении к чилийцам президент не призвал своих сторонников дать отпор хунте и сказал, что «народ не должен приносить себя в жертву». Глава государства не хотел толкать безоружные массы людей против вооруженной до зубов армии. Он ясно отдавал себе отчет в том, что ни одна дивизия, ни один полк не выступили на его стороне. Преданный генералами, Альенде принимает решение: он не допустит бессмысленного кровопролития народа, но сам будет до конца сопротивляться в *La Moneda*, отстаивая свой конституционный мандат. Президент с презрением отверг предложение хунты покинуть страну вместе с семьей на самолете. С горст-

Президент и первая леди Ортенсиа Бусси де Альенде

кой соратников и личной охраной Альенде вступил в бой, зная, что у него нет никаких шансов выиграть его. Но Альенде был уверен, что, защищая президентский дворец, одержит моральную победу и, как показало время, оказался прав.

Потом станет известно: президент занимал боевую позицию у окна на втором этаже и стрелял по атакующим мятежникам из автомата, подаренного ему Фиделем. И лишь после того, как самолеты хунты начали бомбить президентский дворец, и в бой вступили танки, в *La Moneda* ворвалась пехота. В Салоне независимости солдаты нашли бездыханное тело главы государства. На следующий день хунта сообщила о самоубийстве Альенде. И хотя утверждения военных властей было трудно поверить, это оказалось горькой правдой. Как это произошло? Защитники *La Moneda*, находившиеся на втором этаже, готовились снова встретить огнем путчистов, уже закрепившихся на первом этаже. Но произошел неожиданный поворот. Чтобы избежать «бойни» — именно это слово употребил Альенде, — он приказал своим соратникам прекратить сопротивление и с белым флагом спуститься друг за другом. Президент сказал, что пойдет последним. Он действительно встал замыкающим. Но вдруг свернул в сторону и стремительно направился к Салону независимости. В помещении, в котором уединился Альенде, раздались выстрелы.

За считанные минуты до падения *La Moneda* президент покончил с собой короткой очередью из автомата. Так в последний раз ему послужил подарок Ф.Кастро. Смерть наступила мгновенно. Чтобы не остаться раненым и не стать пленником хунты, Альенде стрелял в себя наверняка — под нижнюю челюсть. Врач по образованию, президент знал, что надо сделать. Он поступил как человек чести: капитуляции перед путчистами предпочел мученическую гибель в президентском дворце. Поборник мирного пути к социализму погиб с оружием в руках. «Его смерть в *La Moneda* достойна трагедии Шекспира», — писал чилийский писатель и публицист Э.Лабарка [3, с. 305].

Альенде похоронили скоропалительно, на следующий день после переворота и подальше от Сантьяго. Погребение прошло под завесой секретности на кладбище Санта-Инес около города Винья-дель-Мар на берегу Тихого океана. В оцеплении стояли вооруженные военные. Офицеры не решились поставить на могиле плиту с именем того, кто здесь покоится. После того, как прах предали земле, вдова Альенде Ортенсия Бусси не выдержала и заговорила. Никто не осмелился прервать эту женщину, по словам Пабло Неруды, «вобравшую в себя всю скорбь мира». «Не забудьте, — сказала она, обращаясь к рядовым военнослужащим, — вы хороните президента Чили. Здесь не произнесено ни одного слова, не проявлено ни одного знака, чтобы отдать дань уважения покойному президенту. Расскажите своим детям то, что вы видели сегодня. Пусть этот трагический час для нашей родины никогда не забудется» [4, с. 18].

Правительство *УР* оказалось совсем неподготовленным к противодействию военному перевороту. Оно пожинало плоды того, что за три года своего правления так и не смогло создать себе надежную опору в вооруженных силах из-за чрезмерной веры в их приверженность Конституции, поколебленной лишь в последние месяцы. По мнению бывшего министра иностранных дел Клодомиро Альмейды, требовались реорганизация или настоящая нейтрализация армии. А власть ошибочно исходила из того, что вооруженные силы не следует трогать и давать им повод для вмешательства. В результате в неприкосновенности остались старые военные структуры и командные звенья. В вооруженных силах было немало скрытых и явных противников Альенде. Но за три года правления *УР* так и не появился ни один революционно настроенный генерал. Немногочисленная группа генералов, убежденных конституционалистов, поддерживала правительство не потому, что оно стремилось к социализму, а потому, что то было законно избранным. Однако накануне переворота эти высокопоставленные военные предпочли уйти в отставку, чтобы избежать участия в надвигавшихся драматических событиях. Среди этих генералов был и Карлос Пратс, который на протяжении трех лет правления *УР* был командующим армией и отстаивал принцип «Вооруженные силы — это не альтернатива власти» [5, с. 91]. Ценой своей отставки он надеялся избежать раскола в вооруженных силах и удержать их от военного переворота. По рекомендации К.Пратса глава государства назначил начальника генерального штаба А.Пиночета на высшую армейскую должность. Оба считали его достойным преемником, но не могли представить того, что этим назначением подписали себе смертный приговор. Внешне Пиночет всегда демонстрировал свою лояльность правительству, а на самом деле участвовал в тайном заговоре группы генералов. Потом диктатор откровенно признает: когда 23 августа 1973 г. он принял командование армией, решение о перевороте сформировалось окончательно.

После захвата власти военной хунтой в стране было введено осадное положение. Но уже с 13 сентября на полдня отменялся комендантский час. Люди хлынули на улицу и в магазины. Я поехал в центр Сантьяго, чтобы своими глазами увидеть президентский дворец после бомбардировки. На всякий случай прикрепил к переднему стеклу своего автомобиля табличку

с надписью «иностранный пресса». Несколько раз пришлось предъявлять документы военным патрулям.

Когда я оказался на месте разыгравшихся 11 сентября трагических событий, около *La Moneda* уже было много людей. Репортеры фотографировали дворец (возобновлялся выпуск только оппозиционных Альенде газет). Некоторые чилийцы не могли сдержать слез при виде того, во что превратилось это массивное, словно крепость, старинное здание: развороченные, обугленные окна, искореженные решетки балконов второго этажа, поврежденные бомбами, снарядами и пулеметными очередями стены. Дворец, свидетель гибели Альенде, казался безмолвным олицетворением обрушившейся на страну трагедии.

Около *La Moneda* появился человек почтенного возраста в сопровождении двух крепких молодых парней, которого все узнали сразу. Это — бывший президент Хорхе Алессандри (1958—1964 гг.). На последних выборах он тоже выставлял свою кандидатуру, но проиграл Альенде с минимальным разрывом голосов избирателей. «Дон Хорхе» тоже пришел посмотреть, на то, что стало с президентским дворцом. Не обращая внимания на преследовавших его репортеров, он молча вышагивал вдоль северного фасада, который больше всего пострадал во время штурма. Никак не прореагировал экс-президент и на вопрос одного из журналистов: «Наверное, такого не произошло бы, если бы Вы снова были избраны президентом?». Опытный политик быстро удалился, так и не проронив ни слова.

В стране продолжались облавы, обыски и аресты, и я беспокоился за сохранность моей магнитофонной записи последнего обращения президента к чилийцам. 13 сентября я отвез этот ценный документ в наше посольство и оставил его там на хранение. Моя предосторожность не была напрасной: 16 сентября шестеро вооруженных автоматами полицейских ворвались в мою квартиру, устроили настоящий погром и арестовали меня без всяких объяснений. С завязанными глазами меня отвезли в тюрьму. Там среди ночи меня допрашивал некий «инспектор Паредес». На его столе рядом с кипой бумаг лежал автомат. Он объяснил мне, что я арестован как корреспондент Московского радио, которое в передачах на испанском языке ведет «античилийскую пропаганду». Не знаю, на какое время затянулся бы мой допрос, но к утру наше посольство добилось моего освобождения.

Я улетал из Сантьяго через две недели после переворота вместе с группой наших дипломатов и специалистов. В аэропорту начались проверка документов и осмотр багажа. Но чилийские таможенники и полицейские не осмелились прикоснуться к дипломатической почте нашего посольства. А именно в ней и была запись выступления Альенде из осажденного дворца *La Moneda*. Эта запись прозвучала в Москве в программах радио и телевидения и вошла в золотой фонд документальных звукозаписей. Последнее обращение Альенде к чилийцам стало историческим документом, политическим завещанием президента.

ДОЛГОЕ ВОСХОЖДЕНИЕ НА ОЛИМП ВЛАСТИ

Драматическое завершение большого жизненного пути чилийского президента Альенде являлось ничем иным как самопожертвованием революционера. Человек благородных и чистых помыслов, он всей своей жизнью был подготовлен к выпавшему на его долю 11 сентября 1973 г. тяжелому испытанию. Его политическая биография началась с того, что еще в университетские годы, проведенные в Сантьяго, студент медицинского факультета Альенде увлекся революционными идеями и стал читать марксистскую литературу. Сильное впечатление произвел на него «Манифест Коммунистической партии». Тогда же Альенде ознакомился и с некоторыми разделами «Капитала». В 1932 г. молодой врач возвращается в свой родной город Вальпараисо и на могиле отца клянется посвятить себя борьбе «за освобождение страждущих».

Хотя в Чили уже давно и активно действовала Коммунистическая партия (*Partido Comunista, PC*), он не вступил в ее ряды. Что-то удерживало его от этого шага. В 1933 г. Альенде присоединился к учредителям новой левой партии — Социалистической (*Partido Socialista, PS*). В отличие от ориентировавшейся на Москву *PC* эта партия создавалась как чисто чилийская политическая организация. Новое политическое объединение стало полюсом притяжения для левых групп и течений, которые не воспринимали ортодоксальность коммунистов. Чилийские социалисты провозгласили своей идеологией марксизм, но обогащенный другими достижениями человеческой мысли и опыта, «методом объяснения действительности» [6]. Одновременно они заявили о своей независимости от «гегемонистских» идеологических центров, имея в виду III Интернационал («оплот сталинизма»). Чилийские социалисты не повернулись и в сторону созданного в 1938 г. IV Интернационала («детище Троцкого»), хотя в их рядах ощущалось сильное влияние троцкизма. Обе эти международные организации были антиподами. *PS* Чили не стремилась войти ни в III, ни в IV Интернационал, так как, по мнению ее членов, эти структуры вели борьбу друг с другом, а не за социализм. Альенде с симпатией относился к русской революции, но говорил о нежелании социалистов быть чьими-то «интеллектуальными колоннами». В то же время он признавал «ценность революционного интернационализма» [7, сс. 125-126].

Новая левая партия представляла собой пестрый конгломерат идеологически разнородных социалистических групп и течений — от реформистских до леворадикальных. Альенде примкнул к умеренному крылу. Молодому политику было поручено организовать отделение *PS* в Вальпараисо. В то время страну охватили забастовки и антиправительственные выступления. Альенде руководил в Вальпараисо отрядом «социалистической милиции», созданной для защиты рабочих демонстраций.

В *PS* изначально были сильны антикоммунистические настроения, но Альенде являлся сторонником союза с коммунистами. Он на протяжении многих лет выступал за совместные действия, видя в этом путь к успеху в политической борьбе. Отношения между двумя партиями, каждая из которых претендовала на то, чтобы руководить рабочим движением в стране, нормализовались только после Второй мировой войны, хотя разногласия

порой давали о себе знать и в последующие годы. Наладившееся сотрудничество между социалистами и коммунистами стало основой для создания широкой левой коалиции. Это и привело кандидата *UP* Альенде к победе на президентских выборах 1970 г.

Впервые левые силы выдвинули Альенде кандидатом в президенты в 1952 г. Во время той предвыборной кампании произошло сенсационное событие: претендент на пост главы государства стрелялся на дуэли. Я был знаком с другим участником того громкого поединка, тоже известным чилийским сенатором Раулем Реттигом. В голове не укладывалось: С.Альенде дрался на дуэли не в молодости, а когда уже был зрелым политиком, сенатором республики. На мой вопрос «Неужели Вы думали тогда стреляться насмерть?» Реттиг ответил: «Мы оба были настроены решительно».

Конфликт между Реттигом и Альенде произошел не на светском рауте или вечеринке, а в ходе дискуссии в комитете по труду, заседавшем в сенате. Обсуждался вопрос о социальной поддержке горняков, больных силикозом. Реттиг выступал от правящей Радикальной партии (*Partido Radical, PR*), Альенде — от оппозиционной *PS*. Во время выступления Реттига Альенде бросил несколько язвительных реплик. Реттиг не остался в долгу и ответил не менее резко. Выдержка и хладнокровие изменили обоим, и они поддались эмоциям. Короткая словесная перепалка завершилась тем, что Реттиг вызвал своего оппонента на дуэль.

Руководители социалистов не отговаривали Альенде от дуэли. Наоборот, поддержали его позицию в защиту своей чести. Но среди коммунистов предстоящий поединок вызвал переполох. Ведь поддержанный ими кандидат в президенты рисковал своей жизнью за месяц до выборов. А если бы жертвой дуэли стал Реттиг, то арест Альенде был бы неминуем. И том, и в другом случае левые силы оставались без кандидата в президенты. Как ни старались коммунисты, они не смогли предотвратить поединок, который, к счастью, завершился бескровно: пули не задели ни одного из соперников. То ли оба стрелка намеренно промахнулись, то ли в последний момент у каждого из них дрогнула рука... Все это осталось загадкой. Считается, что это была последняя дуэль XX в. в Чили.

Альенде по-философски отнесся к упрекам в том, что аристократическое понимание чести не может быть выше народных интересов. Спокойно реагировал он и на обвинения в непростительной для революционного ли-

С.Альенде в форме социалистической милиции. Вальпараисо, конец 30-х годов прошлого века

Глава государства выступает на митинге Народного единства

дера политической ошибке. Дуэль он считал своим частным делом. Соратник президента К.Хоркера позже напишет: «Альенде ревниво относился к своей чести. Он был революционером и человеком с рыцарским характером» [5, с. 10]. Выборы 1952 г. «дуэлянт» проиграл.

Восхождение Альенде на Олимп власти было долгим и трудным. Он четырежды побеждал соперников на выборах в сенат и четверть века заседал в верхней палате. В парламентских баталиях сенатор завоевал репутацию стойкого борца за правду. И все это время он параллельно боролся за пост президента. В отличие от парламентских выборов в этом Альенде не везло, но он не сдавался и упорно продолжал «штурмовать» президентский дворец. Не каждому даны такая поразительная воля и целеустремленность. Кандидатура Альенде на пост президента от объединенных левых сил выдвигалась в 1952, 1958 и в 1964 гг. И каждый раз, проигрывая, он не падал духом, не считал себя «отыгранной картой» — от выборов к выборам за него голосовало все больше чилийцев. Важно было и то, что в 1966 г. Альенде избрали председателем сената. А в 1970 г. после бурных обсуждений в блоке *UP* он в четвертый раз выдвигается кандидатом на очередных выборах. И он снова мчит на всех парусах к заветной цели — стать президентом Чили.

После продолжавшегося 18 лет «электорального марафона» невероятное упорство политика-социалиста наконец было вознаграждено: в 1970 г. по числу поданных за него голосов избирателей Альенде занял первое место (36,3%), с небольшим преимуществом опередив представителя правой Национальной партии (*Partido Nacional, PN*) Хорхе Алессандри (34,9%). Но это еще не было победой Альенде. По чилийской Конституции того времени, второй тур выборов не проводился. В случаях, когда ни один кандидат не получал больше половины голосов избирателей, судьба прези-

дентского кресла решалась в Национальном конгрессе (*Congreso Nacional*). А там бал правила оппозиция, у которой было большинство депутатов и сенаторов (120 против 80 у *UP*). Вопрос о том, кому достанется президентский мандат, зависел от того, за кого проголосует многочисленная фракция реформистской Христианско-демократической партии (*Partido Demócrata Cristiano, PDC*). После острых дискуссий христианские демократы решили поддержать Альенде, хотя и стояли на разных с *UP* идеологических позициях. Взамен они потребовали признать подготовленный ими «Статус конституционных гарантий» (*Estatuto de Garantías Constitucionales*). Левая коалиция проголосовала в Национальном конгрессе за «Статус», в соответствии с которым новый глава государства обязался строго соблюдать действующее законодательство и не выходить за его рамки. При этом Альенде предупредил: «Народное единство, давая эти гарантии, не изменит ни одной запятой в своей программе, не откажется ни от одного положения, так как за эту программу проголосовали чилийские трудящиеся» [8, с. 263].

Блок *UP* начинал свою деятельность, не обладая всей полнотой власти. В его руках был лишь исполнительный орган — правительство. Исключительное право на утверждение его состава принадлежало президенту. Но оппозиция, контролировавшая законодательный орган — Национальный конгресс, — могла свести на нет любые реформаторские усилия правительства.

Альенде сознавал, что конфронтация неизбежна. Но как человек глубоко демократического склада, президент был далек от того, чтобы стремиться к авторитарной системе правления. Он говорил, что *UP* не собирается подражать ни Советскому Союзу, ни Китаю, ни Кубе. Диктатуру пролетариата Альенде считал неприемлемой для Чили как для страны с развитыми демократическими институтами, которые и позволили ему прийти к власти мирным путем. Однако он не был «непротивленцем», как его порой пытаются изобразить. Альенде считал неизбежным и оправданным путь вооруженной борьбы в тех странах Латинской Америки, где не осталось иной возможности. Он восхищался Кубинской революцией и ее героями. Однако для своей родины правильным он считал другой путь: Альенде хотел бескровных перемен, полагаясь на право и мораль, дискуссии и убеждения.

В своем первом послании Национальному конгрессу президент сформулировал особенности «чилийского пути». Он провозгласил, что Чили — первая страна на земле, призванная претворить в жизнь вторую модель социалистического переустройства общества — без применения насилия и в условиях плюрализма и свободы: «Эта задача необычайно сложна, ибо еще не было прецедента, который мог бы служить для нас примером. Мы идем по новому пути, мы идем по неизведанному пути, и у нас нет проводника; единственным нашим компасом является верность идеям гуманизма всех эпох, включая марксистские идеи гуманизма... Народ Чили продолжает борьбу за политическую власть в условиях, когда нет необходимости прибегать к оружию... Наш народ закономерно стремится пройти этот переход к социализму так, чтобы не обращаться к авторитарным формам правления» [2, сс. 113, 119, 120].

Президент говорил, что верит в основы марксизма — в исторический материализм и классовую борьбу, но не считает себя крупным теоретиком этого великого учения. Когда Альенде спросили, как одним словом он мог бы охарактеризовать себя, он ответил: «Социалист». Видный деятель *PS* Карлос Альтамирано утверждал: «Альенде не был убежденным марксистом-ленинцем ни в силу своей интеллектуальной подготовки, ни в силу склада своего ума. Марксистом он действительно был» [9, с. 45]. Наверное, К.Альтамирано прав в своих оценках личности Альенде. Но к этому следует добавить, что чилийский президент высоко ценил Ленина и считал, что революция в России, которую тот возглавил, «поистине имела историческое значение», так как оказала огромное влияние на мир.

Когда 1 мая 1973 г. стало известно о присуждении Альенде Международной ленинской премии «За укрепление мира между народами», мне в тот же день благодаря президентской службе печати удалось взять у него короткое интервью. «Сегодня я испытываю глубочайшее удовлетворение, — сказал Альенде. — Это необыкновенно высокая честь — получить Ленинскую премию мира. Награда носит имя великого Ленина и потому ко многому обязывает. Мне представляется, что присуждение Ленинской премии отражает признание не моих личных заслуг. Я считаю, что это — признание народа Чили и прилагаемых им усилий в борьбе за преобразования в своей стране, за независимость родины и мирное сосуществование. И это признание исходит от народа и правительства Советского Союза».

АЛЬЕНДЕ В МОСКВЕ

В декабре 1972 г. Альенде направился в Москву. Он оказался первым чилийским президентом, посетившим Советский Союз с официальным визитом. Став главой государства, он взял курс на развитие отношений с СССР. Альенде высоко ценил самоотверженные усилия советского народа, сделавшего за короткое время колоссальный рывок в развитии своей страны и деле превращения ее в великую державу. Он неоднократно отмечал большую значимость поддержки, оказываемой Советским Союзом освободительным движениям и особенно Вьетнаму, мужественно сражавшемуся против американской агрессии. Однако в политике Кремля Альенде одобрял далеко не все. В 1968 г. войска стран Варшавского договора при решающем участии Советского Союза вторглись в Чехословакию. По миру прокатилась волна протестов против действий СССР, достигла она и Чили. Тогда чилийские коммунисты организовали круглосуточное дежурство вокруг нашего посольства в Сантьяго для защиты его от нападений и провокаций. В отличие от коммунистов симпатии к Советскому Союзу не подавили в Альенде независимого, самостоятельно мыслящего политика и человека. Он выступил в верхней палате парламента с жесткой критикой военного вмешательства Москвы во внутренние дела Чехословакии, где идеологи «пражской весны» провозгласили курс на «обновление социализма и «придание ему «человеческого лица». Для Альенде не могло служить примером и то, что в СССР ограничены гражданские права людей и разрешена деятельность лишь одной партии — коммунистической. В Чили

Встреча Леонида Брежнева и Сальвадора Альенде. Москва, 1972 год

Альенде хотел совместить социализм и свободу, продвигаться к созданию нового общества в условиях идеологического и политического плюрализма, соблюдая существующие законы.

В Москве чилийского президента принимали очень тепло. Были достигнуты важные договоренности о многостороннем содействии Советского Союза в развитии экономики Чили. В дни визита Альенде случился казус, не замеченный в Москве, но получивший громкий резонанс в Чили. Альенде выступил с речью на обеде в его честь в Большом Кремлевском дворце. В распространенном по миру сообщении ТАСС отмечалось, что он назвал Советский Союз «старшим братом Чили». Мне тогда довелось наблюдать за поездкой Альенде в СССР из Сантьяго. Помню, как все оппозиционные СМИ обрушились на главу государства за его высказывание. Скандал разросся до такой степени, что служба печати и информации президента была вынуждена дать опровержение. В нем говорилось: при переводе речи Альенде на русский язык была допущена ошибка; на самом деле он назвал Советский Союз «старшим братом социалистических стран». Но в изданном в СССР сборнике речей и статей Альенде «История принадлежит нам» в тексте выступления чилийского президента в Кремле Советский Союз назван «старшим братом Чили» [2, с. 361].

Помощь Чили со стороны «старшего брата» не была такой же щедрой, как та, что оказывалась коммунистической Кубе. Москва занимала осторожную позицию в отношении правительства Народного единства, так как не было ясного представления о том, к чему может привести чилийский мирный путь к социализму. Весной 1973 г. аналитики из советской разведки информировали Кремль о своем неблагоприятном прогнозе развития

событий в Чили, где могущественные внешние и внутренние силы перешли в тотальное наступление против конституционной власти. Генерал-лейтенант КГБ Николай Сергеевич Леонов отмечал: «Сальвадор Альенде наивно думал, что противостоять всему этому напору можно, не выходя из конституционных рамок» [10, сс. 125-126]. За чрезмерную веру в парламентский путь к социализму одни называли Альенде «идеалистом», другие — «доверчивым гуманистом». Одержимый идеями социальной справедливости, искренне желавший людям добра, Альенде действительно заблуждался в оценках возможностей «представительной демократии» в своей стране.

Неизвестно, делились ли советские руководители с чилийской стороной своими сомнениями, высказывали ли предостережения. В Пекине же открыто выражали свое отношение к событиям в Чили. Руководитель Государственного совета КНР Чжоу Эньлай, принимая чилийскую делегацию, прямо заявил: «Вы выбрали непреодолимый путь. Хотя вы настаиваете на самобытности истории Чили, прийти к социализму в условиях демократии и свободы абсолютно немыслимо. Вас выбросят за борт, грянет переворот, и вы будете ликвидированы. Идея построить социализм в условиях демократии — это иллюзия» [9, с. 68].

ТЕРНИИ «ЧИЛИЙСКОГО ПУТИ»

Правительство *UP*, вопреки всем поджидавшим его опасностям, с самого начала энергично приступило к выполнению своей программы. Причем в ускоренном темпе, что породило немало проблем. Альенде смог осуществить полную национализацию чилийской меди, что П.Неруда назвал решением «титанически трудной задачи». «Красное золото Чили» — ее основное богатство, находившееся в руках компаний США, — было возвращено законному хозяину — чилийскому народу. В честь национализации меднорудной промышленности, угольных шахт и селитряных разработок президент провозгласил 11 июля Днем национального достоинства. Правительство взяло под контроль государства значительную часть промышленности и все банки. Уровень безработицы упал до самого низкого за всю историю Чили. Началось строительство жилья для рабочих. Ускоряя аграрные преобразования, правительство *UP* покончило с крупными латифундиями.

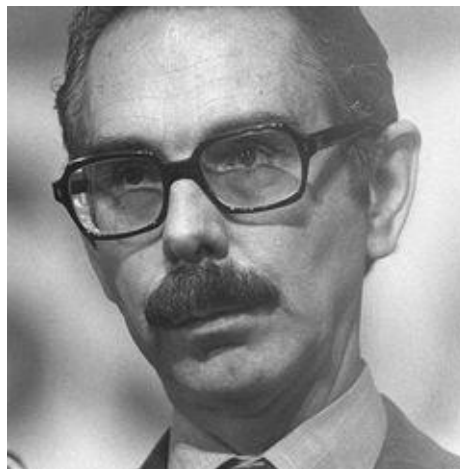
Да, Альенде успел сделать немало, но ему не дали возможности продолжить выполнение программы *UP*. По существу, в Чили тогда установилось «двоевластие», которое проходило по линии противостояния правительства и оппозиционного парламента. Вскоре это привело к экономическому хаосу и дестабилизации политической жизни, постепенно загоняло страну в тупик, усиливая недовольство в военных кругах. Оппозиционное большинство в Национальном конгрессе блокировало многие важные президентские декреты и решения правительства, принимавшиеся на основе старых актов и юридических норм. Власть так и не смогла провести через парламент законопроект о создании в стране трех секторов экономики — государственного, частного и смешанного, который окончательно определял бы правовой статус предприятий. В то же время оппозиция добилась

принятия закона, требовавшего парламентского одобрения по каждому факту взятия под государственный контроль того или иного завода или фабрики. Из-за противодействия оппозиционного большинства в Национальном конгрессе деятельность, связанная с преобразованиями, со временем оказалась парализована. Видный эксперт по юридическим вопросам Эдуардо Новоа уже в середине 1972 г. констатировал: «Наступил момент, когда не осталось никакого правового механизма, с помощью которого можно идти дальше» [11, с. 150].

Начинался период, когда страна порой казалась неуправляемой. Особенно это ощущалось в дни забастовок Конфедерации владельцев грузовиков, финансировавшихся ЦРУ. Экономика задыхалась из-за срыва снабжения предприятий, что привело к дефициту продуктов и товаров. В результате правительство растеряло поддержку весьма многочисленных в Чили средних слоев, его деятельность вызвала разочарование также у части трудящихся. Трудности усугублялись торгово-экономической войной, развязанной Вашингтоном против Чили.

Исполнительная власть так и не смогла укрепить свои позиции в законодательной сфере, ибо все ее попытки провести через Национальный конгресс конституционные поправки наткнулись на глухую стену оппозиционного большинства. Надежды левой коалиции на постепенное привлечение на свою сторону Национального конгресса не оправдывались. На последних выборах в марте 1973 г. *UP* несколько увеличило свое представительство в сенате и палате депутатов. Но это практически не изменило расклад парламентских сил: левая коалиция по-прежнему оставалась в меньшинстве в Национальном конгрессе. Затянувшийся конфликт между двумя ветвями власти оставался нерешенным и был чреват новыми потрясениями. Битву с оппозицией в рамках действующей Конституции *UP* явно проигрывала. Левая коалиция так и не смогла изменить соотношение политических сил в стране в свою пользу, привлечь большинство народа на свою сторону.

Роковую роль в развитии событий в Чили сыграл раскол в самом *UP*, который не удалось преодолеть. Между партиями левого блока не было единства, в том числе между ее основными силами — социалистами и коммунистами. В *UP* не существовало полного согласия по вопросам о темпах, путях и методах завоевания всей полноты власти, не было и общего представления о социализме. Положение осложнилось еще больше, когда в январе 1971 г. на волне революционного подъема на съезде социалистов победил сенатор К.Альтамирано, лидер радикального крыла партии.

Оппонент С.Альенде генеральный секретарь Социалистической партии К.Альтамирано

Новый генеральный секретарь считал, что «революция не делается с помощью голосования». Он выступал за ускоренное продвижение к социализму, в первую очередь опираясь на революционную инициативу масс, а не на существующие буржуазные институты. На пресс-конференции Альтамирано шокировал журналистов своим заявлением: «В ходе революционного процесса партии, участвующие в нем, имеют право нарушать любые существующие в стране законы и даже отступать от положений собственной программы» [8, с. 331].

Это были не просто слова. В рабочих предместьях и кварталах Сантьяго и других городов возникли не предусмотренные конституцией самостоятельные органы управления — промышленные кордоны и общинные комиссии. Они позиционировали себя как параллельную власть на местах, независимую от «реформизма» правительства». Одной из причин появления этих органов было разочарование немалой части рабочих в возможности *UP* достичь целей в рамках буржуазного государства. Этим обстоятельством пользовались радикальные функционеры *PS* и активисты не входившего в *UP* Левого революционного движения (*Movimiento de Izquierda Revolucionario, MIR*). При их участии промышленные кордоны сами определяли, какие предприятия изъять у хозяев и передать рабочим. Порой это были небольшие производства. Все это сеяло панику в средних слоях общества. Президент категорически опровергал противопоставление самостоятельных органов управления официальной власти. По словам советника правительства Эдварда Бурстина, «промышленные кордоны и общинные комиссии нередко действовали во вред правительству, поскольку способствовали созданию в стране желанной для путчистов атмосферы» [11, с. 246].

В некоторых городах дело заходило еще дальше. В Консепсьоне региональный комитет *PS* объявил о создании «народной ассамблеи» в противовес «буржуазному и контрреволюционному парламенту». В поддержку выступили местные организации других левых партий, за исключением коммунистов. Альенде отверг попытки создать «параллельную власть» как «опасный прецедент».

Большой урон правительству *UP* наносила деятельность «революционеров» разного толка в сельской местности. Они подталкивали обездоленных и отчаявшихся людей на захваты земель, не дожидаясь, когда до них дойдет очередь по закону об аграрной реформе. Парламент требовал пресечения подобных действий. Но исполнительная власть во главе с Альенде не хотела применять силу против бедных крестьян, боровшихся за справедливое отношение к себе.

Радикальные группы в *UP* и вне его действовали вопреки позиции президента, но основной удар за их акции пришелся на Альенде. Христианские демократы стали обвинять главу государства в попустительстве экстремизму и анархии, в нарушении «Статуса конституционных гарантий». Чтобы найти хоть какой-то выход из парламентского тупика, правительство вело переговоры с христианскими демократами. Но их не раз срывало руководство *PS* во главе с Альтамирано: он отвергал компромиссы с христианскими демократами, которые, по его мнению, могли «затормозить революционный процесс» в стране. В труднейшие для прези-

дента дни Альтамирано не исключал возможности выхода социалистов из правительства и даже из блока *UP* в случае возобновления переговоров с *PDC*. Альенде вел постоянную дискуссию с деятелями радикального крыла *PS*, не верившими в мирное развитие революции. В отличие от них президент считался с неблагоприятной для *UP* расстановкой политических сил в стране.

Альтамирано и его сторонники все больше ориентировались на кубинский опыт борьбы. Они утверждали, что и в Чили пришла пора решительных действий и создали в *UP* «революционный полюс» в противовес «реформистскому», к которому относили президента и коммунистов. На Альенде постоянно оказывалось давление. Главу государства призывали распустить оппозиционный Национальный конгресс. Радикальные круги в *SP* и *UP* требовали от президента «решительных действий», не считаясь с «буржуазной конституцией». Альенде был страстным борцом, но революционер никогда не побеждал в нем законника. Соратники президента знали, что в силу своих убеждений он не пойдет на радикальные революционные меры, которые могли бы привести к гражданской войне. Его поддерживали умеренные группировки в левой коалиции, в том числе коммунисты. Чилийские социалисты еще в 1967 г. на съезде партии в Чильяне провозгласили своей идеологией марксизм-ленинизм, занимая более левые позиции, чем коммунисты. Что касается тактики *PS*, то один из принятых съездом тезисов гласил: «Мирные и легальные формы борьбы сами по себе не ведут к власти. Социалистическая партия рассматривает их как ограниченные инструменты действия, включенные в политический процесс, который ведет нас к вооруженной борьбе» [12]. Политический курс руководства социалистов подрывал позиции *UP*, провозгласившего в своей программе мирный путь к социализму в рамках закона.

В июне-августе 1973 г. противостояние между правительством и парламентским большинством, сопровождаемое разгулом правого и левого экстремизма в стране, дошло до критической точки, вызвав опасное брожение среди военных. В накаленной до предела политической обстановке лидеры христианских демократов прекратили переговоры с правительством об урегулировании ситуации. 22 августа 1973 г. фракции *PDC* и *PN* принимают в палате депутатов резолюцию, которая обвиняла Альенде в «нарушении Конституции» и содержала призыв к вооруженным силам «не подчиняться правительству». Этот акт не имел юридической силы, так как его одобрили простым большинством, а для отрешения президента от должности необходимы были две трети голосов, которыми оппозиция не располагала. Но резолюция оказала большое влияние на генералов и офицеров, все еще занимавших нейтральную позицию, и была воспринята заговорщиками в армии как парламентское благословение на переворот.

Верный себе, президент Альенде продолжал искать конституционные пути урегулирования ситуации. Он решает обратиться к стране и объявить о проведении референдума. Альенде надеялся на народное волеизъявление как на правовую возможность бескровного преодоления опасного кризиса власти. Глава государства рассчитывал с помощью референдума разре-

шить острый конфликт между ним и Национальным конгрессом вокруг создания трех секторов экономики (государственного, частного и смешанного). На самом же деле на всенародное голосование выносился вопрос о доверии президенту. «Пусть народ решает, хочет ли он, чтобы я ушел» [3, с. 387], — говорил Альенде своим соратникам. Руководители *PS* выступили против проведения референдума и сняли свои возражения лишь в последний момент — в ночь накануне переворота. Президент допускал, что он проиграет, но для него было важно соблюсти демократическую процедуру и тем самым, как он надеялся, избежать гражданской войны. Однако официально объявить о проведении референдума глава государства не успел. Путчисты в вооруженных силах действовали на опережение: 11 сентября 1973 г. военные свергли правительство *UP*.

Конечно, перевороту в Чили, совершенному с невиданной жестокостью, не может быть ни юридического, ни морального оправдания. Но в то же время нельзя сводить позицию военного командования только к вероломству и предательству президента и Конституции. Вооруженные силы выступили в критические дни, когда другие государственные институты и политические партии оказались не в состоянии поддерживать порядок в стране. Генералы сочли, что плебисцит, предложенный Альенде, не решал проблемы. По их мнению, надо было покончить с «безответственной игрой политических партий». Военные отказались передать власть гражданским силам, на что так надеялось руководство христианских демократов.

Годы спустя после переворота *PS* и *PDC* признали «взаимную ответственность» за драматическое развитие событий в стране. Прозрение досталось дорогой ценой — почти 17-ю годами военной диктатуры. Когда-то непримиримые соперники, христианские демократы и социалисты в 1988 г. выступили вместе на референдуме о продлении полномочий Пиночета. Обращение диктатора к народу за поддержкой обернулось провалом. С декабря 1989 г. обе партии, действуя в рамках «Объединения партий за демократию» (*Concertación de Partidos por la Democracia*) и «Нового большинства» (*Nueva Mayoría*) пять раз выигрывали президентские выборы и смогли удержать и укрепить демократию.

При первом же после диктатуры демократически избранном президенте Патрисио Эйльвине (христианский демократ) прах Альенде перевезли из Винья-дель-Мар в Сантьяго. 4 сентября 1990 г. наступил день прощания с бывшим главой государства. Оно прошло при огромном стечении народа. Прах Альенде с почестями был погребен в специально построенном семейном мавзолее на Центральном кладбище Сантьяго.

Пиночету, наверное, в самом кошмарном сне не могло привидеться, что он доживет до того времени, когда около *La Moneda* торжественно откроют памятник Альенде (26 июня 2000 г.). Как сказал тогда один политик, это — вердикт и предупреждение истории всем диктаторам и гонителям свободы.

ПОСЛЕ ТОГО, КАК УТИХЛИ БУРИ

В январе 1973 г. я брал интервью у Альенде для журнала «Латинская Америка». На вопрос «Каким Вам видится будущее Латинской Америки?» президент ответил так: «Жизнь показывает, что капитали-

стическая система не дает возможности развивающимся странам решать назревшие проблемы. Мы избрали формулу, соответствующую нашей действительности. Каждая латиноамериканская страна должна найти свою формулу, наиболее отвечающую ее политическим, экономическим и социальным условиям...» [13, с. 6-10].

Сегодня латиноамериканские страны снова оказались на перепутье. Они ищут свои, национально ориентированные пути развития. Из-за не-

стабильности и нерешенности социально-экономических проблем в ряде государств Латинской Америки возникают условия для прихода к власти левых политиков. Эти политики отдают предпочтение демократическим методам борьбы, парламентским решениям трудных задач, стоящих перед обществом. Даже Ф.Кастро еще в 2003 г. на встрече с будущим президентом Боливии Эво Моралесом советовал ему: «Не делай того, что сделали мы: делайте демократическую революцию. Времена изменились, народы хотят глубоких изменений без войны» [14, с. 70]. Именно к этому стремился Альенде.

С тех пор левые движения на континенте прошли через периоды подъема и спада. В последние годы маятник снова сильно качнулся влево. К странам с демократически избранными президентами левой ориентации прибавились самые крупные латиноамериканские государства — Бразилия, Мексика, Колумбия, Аргентина. При этом левые режимы на континенте обладают разной степенью умеренности или радикализма.

В 2022 г. президентом Чили стал молодой политик левого толка Габриэль Борич. Впервые за три десятилетия после победы на выборах Сальвадора Альенде Г.Борича привело к власти объединение, сформировавшееся в 2021 г. из левых партий, организаций и движений. Оно было названо «Одобряю достоинство» (*Apruebo Dignidad*), и по своим концептуальным подходам и устремлениям отличается от *UP* намного большей умеренностью. Но в ходе предвыборной кампании Борич решительно утверждал, что покончит с неолиберальной моделью экономического развития в своей стране.

В идеологически разношерстную коалицию *Apruebo Dignidad* вошли и коммунисты. *PS* не присоединилась к ней, но во втором туре выборов поддержала кандидатуру Борича. Президент сформировал

В 2022 г. президентом Чили снова стал левый политик — Габриэль Борич

Избрание младшей дочери С.Альенде сенатора Исабель Альенде Бусси генсеком Социалистической партии (период 2015—2017 гг.)

многопартийное правительство с участием коммунистов, социалистов и независимых политиков.

Конечно, личность нынешнего президента неоднозначна, противоречива. Г.Борич по-разному относится к своим левым коллегам, правящим в других странах Латинской Америки. Ратуя за демократию, он критиковал власть в Никарагуа, Венесуэле, на Кубе за нарушения прав человека. В то же время чилийский президент выступает против экономических санкций в отношении неугодных США латиноамериканских правительств. Он отвергает включение Кубы в американский список государств, поддерживающих терроризм. Г.Борич говорит о том, что Латинская Америка не должна зависеть от США. Свои позиции он подтвердил на саммите Евросоюза и Сообщества государств Латинской Америки и Карибского бассейна, состоявшемся в Брюсселе 17-18 июля 2023 г.

Еще до своего президентства Г.Борич избирался независимым депутатом, а теперь состоит в партии с названием, говорящим само за себя, — «Социальная конвергенция». Она создана в 2018 г. при активном участии Г.Борича. Цель партии — «общество социалистическое, демократическое, либертарианское и феменистское», путь к которому лежит через «укрепление и углубление демократии» [15]. Что касается отношений с PS, то ранее Г.Борич не был связан с ней. Но Альенде остается для него признанным авторитетом. Прежде чем впервые войти во дворец *La Moneda* вновь избранным президентом, Борич подошел к памятнику Альенде, положил руку на сердце и поклонился. А министром обороны в своем правительстве он назначил внуку погибшего главы государства — социалистку Майю Фернандес Альенде. До этого она была депутатом и председателем палаты депутатов. Другая представительница семьи Альенде, его дочь Исабель Альенде Бусси, стала первой за всю историю PS женщиной, избранной ее генеральным секретарем (период 2015—2017 гг.). Она также возглавляла палату депутатов и сенат. С 2018 г. остается сенатором.

Майя Фернандес Альенде — внучка С.Альенде, министр обороны в правительстве Г.Борича

Чилийские социалисты давно пересмотрели свою политику, обновив программы в соответствии с современными реалиями. Это уже совершенно другие социалисты по сравнению со временем правления *УР*. После критического осмысления опыта «мирной чилийской революции» и «реального социализма» в СССР и восточноевропейских странах *РС* прошла период раскола на марксистов-ленинцев и «обновленцев». Потом она восстановилась, эволюционировав в сторону умеренной социал-демократии, и присоединилась к Социалистическому интернационалу. Причем бывший лидер социалистов Альтамирано, требовавший от Альенде «решительных действий», отказался от своих радикальных взглядов в пользу «обновленцев». Ныне *РС* неоднородна, в ней уживаются разные течения и группировки. Но современные чилийские социалисты выступают за социально ориентированную рыночную экономику и за такие преобразования, которые не расшатывали бы основы чилийского общества. Пожалуй, мало кто в Чили хотел бы снова столкнуться с дилеммой «капитализм или социализм», которая в сентябре 1973 г. привела к военному перевороту.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Covert Action in Chile, 1963-1973: Staff Report of the Select Committee to Study Governmental Operations with Respect to Intelligence Activities. U.S. Government Printing Office, 1975, 62 p.
2. История принадлежит нам. Речи и статьи / Альенде Сальвадор. М.: Политиздат, 1974, 382 с. [Allende S. Istoria prinadlejit nam [The History Belongs to Us]. Moscow, Izdatelstvo Politicheskoy literaturi, 1974, 382 p. (In Russ.).
3. Лабарка Э. Любовь и смерть президента. М.: Изд-во «Художественная литература», 2016, 544 с. [Labarca E. Lubov y smert prezidenta. [Love and Death of the President]. Moscow, Judojestvennaya literatura, 2016, 544 p. (In Russ.).
4. Alegria F. El paso de los gansos. New York.: Ediciones Puelche, 1975, 215 p.
5. Косичев Л.А. Многоликий мир Латинской Америки. М.: Изд-во «Икар», 2005, 312 с. [Kosichev L.A. Mnogoliki mir Latinskoy Ameriki. [The Multiplicity of Latin-American World]. Moscow, Icar, 312 p. (In Russ.).
6. Historia del Partido Socialista de Chile I. Available at: http://www.archivochile.com/Izquierda_chilena/ps/del/ICHdelps0003.pdf (accessed 12.04.2023).
7. Jorquera C. El Chicho Allende. Santiago, Ediciones BAT, 1990, 348 p.
8. Уроки Чили. (Ред. И. Е. Рыбалкина). М.: Наука, 1977, 408 с. [Uroky Chili [The Lessons of Chilean Events]. Moscow: Nauka, 1977, 408 p. (In Russ.).
9. Косичев Л. До самого смертного часа. М.: Изд-во «Восточный экспресс», 2019, 320 с. [Kosichev L. Do samogo smertnogo chasa [Till the Very Last Hour]. Moscow, Izdatelstvo Vostochniy express, 2019, 320 p. (In Russ.).
10. Леонов Н. Лихолетье. М.: Изд-во «Международные отношения», 1994, 308 с. [Leonov N. Lijoletie [Hard Times]. Moscow, Izdatelstvo Mejdunarodnie odnoschenia, 1994, 308 p. (In Russ.).
11. Бурстин Э. Чили при Альенде: взгляд очевидца. М.: Политиздат, 1979, 278 с. [Burstin E. Chile pri Allende [Chile under Allende's Rule: an eyewitness look]. Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literaturi, 278 p. (In Russ.).
12. Acuerdo de Chillan del Partido Socialista de Chile (1967). Available at: http://www.josepinera.org/libros/libros_resolucion_socialista.htm (accessed 12.04.2022).
13. Косичев Л.А. Интервью с президентом Чили Сальвадором Альенде. М., *Латинская Америка*, 1973, № 2, с. 6-10 [Kosichev L.A. Interviu s presidentom Chile Salvadorom Allende

Леонард Косичев

[The Interview with Salvador Allende, the President of Chile]. Moscow, *Latinskaya Amerika*, 1973, № 2, с. 6-10 (In Russ.).

14. Боливия - время левоиндигенистского эксперимента. М.: ИЛА РАН, серия "Саммит", 2009, 75 с. [Bolivia - vremia levoindigenistskogo experimenta [Bolivia. The time of Left Indigenism Experiment]. Moscow, ILA RAN, 75 p. (In Russ.).

15. Principios del Partido Convergencia Social. Available at: <https://convergenciasocial.cl/principios/> (accessed 12..05.2023).

Leonard A. Kosichev (lkosichev@gmail.com)

Journalist specializing in Latin American issues, Honored Culture Professional of the Russian Federation

Remembering Salvador Allende

Abstract. The article is dedicated to the 50th anniversary of the death of Salvador Allende, the President of Chile, who was the first in the world to attempt to move towards socialism by peaceful means, within the framework of a representative democracy. The article explains the reasons of the failure of Chilean "socialist project". The reader will learn how Salvador Allende's last message to the Chilean people was putting on a journalist's tape recorder on "Radio Magallanes" from *La Moneda* Palace, besieged by the putschists on the day of the military coup on September 11, 1973. The author managed to keep this tape recording during those dramatic days in Santiago. That last Allende's call to the nation became his political testament.

Key words: Salvador Allende, Chilean way, Popular Unity, Socialist party, Military coup.

DOI: 10.31857/S0044748X0027276-2

Received 16.03.2023.

А.А.Щелчков

1973 год — драматическая развязка чилийской революции

По материалам архива ЦК КПСС

Чилийская революция является одним из важнейших событий латиноамериканской истории XX в. Ее опыт и уроки на долгие годы оказались в центре внимания политиков, обществоведов, историков. Поражение революции, драматические обстоятельства и жестокость репрессий военного режима превратили ее в символическое событие, знаменовавшее собой крах иллюзий мирного, демократического перехода к социализму. Помимо чилийских действующих лиц, партий, политиков, представителей общества в этой драме косвенно и напрямую принимали участие внешние политические силы. Одной из таких сил был Советский Союз, где внимательно наблюдали за чилийскими событиями и анализировали их. С открытием советских архивов стали доступны документы, раскрывающие многие малоизвестные или скрытые сюжеты короткой, но интенсивной истории правительства Народного единства. В данной статье рассмотрены отношение СССР к нараставшему в Чили кризису, взгляды на возможные варианты его разрешения, а также поиски выхода из тяжелого положения, в котором оказались чилийские левые силы. Автор опирается на документы ЦК КПСС, в которых отражено видение советскими властями событий чилийской революции в самый драматичный период ее развития — в последний год правительства Сальвадора Альенде.

Ключевые слова: чилийский путь к социализму, Народное единство, Сальвадор Альенде, СССР, военный переворот, Чили.

DOI: 10.31857/S0044748X0027279-5

Статья поступила в редакцию 03.04.2023.

Советские дипломаты и партийные работники международного отдела ЦК КПСС внимательно следили за развитием политической ситуации в Чили, оценивая ее как с точки зрения перспективы чилийской революции,

Андрей Аркадьевич Щелчков — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (РФ, 119334 Москва, Ленинский пр-т, 32а); Санкт-Петербургский государственный университет (sch2000@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7780-781X>).

Статья выполнена при поддержке гранта РНФ №19-18-00305 («Коминтерн в Латинской Америке: исторические традиции и политические процессы»).

успеха близких СССР сил в стране, так и исходя из необходимости реалистичной оценки ситуации для развития внешнеэкономической деятельности Советского Союза в Чили. Первый год правления Народного единства (*Unidad Popular, UP*), ставший весьма успешным в социально-экономическом плане, вызывал большой оптимизм. Но с середины 1972 г. кризисные явления начали нарастать, что сочеталось с обострением общеполитической ситуации, усилением давления на правительство Сальвадора Альенде как слева, так и справа. 1973 г. стал временем полномасштабного кризиса в Чили, драматическая развязка которого наступила 11 сентября того же года.

Исторический опыт чилийской революции и уроки ее поражения привлекали и продолжают привлекать внимание обществоведов и историков во всем мире. За полвека, прошедшие после сентября 1973 г., написано очень много литературы, в которой важное место занимают события именно этого драматического года чилийской истории [1], [2], [3], [4], [5], [6], [7], [8], [9], [10], [11], [12], [13]. В данной работе эти события будут описаны с точки зрения того, как за ними наблюдали советские дипломаты и партийные функционеры ЦК КПСС. Эти взгляды и анализ чилийской революции нашли отражение в многочисленных документах Международного отдела ЦК КПСС, хранящихся в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ), которые и стали источниковедческой базой представленного ниже исследования. Значение данных документов состоит в том, что многие хорошо известные события того года предстают в них в новом свете, так как советские наблюдатели выделяют те проблемы и обстоятельства, которые оставались малоизвестными или не были подтверждены документально. При работе с архивными документами и исследовательской литературой автор методологически опирается на принципы историзма и научной объективности.

КРИЗИС И ПРЕДВЫБОРНАЯ КАМПАНИЯ 1973 ГОДА

К началу 1973 г. чилийская революция пережила несколько политических кризисов, самым тяжелым из которых была забастовка транспортников, парализовавшая страну в октябре 1972 г. Выходом из нее стало решение пригласить в кабинет министров военных; это, по мнению властей, могло помочь стабилизировать политическую ситуацию. Общая обстановка конфронтации с правым и правоцентристским флангами чилийских политических сил предвещала тяжелый год для правительства С.Альенде — год парламентских выборов, которые могли привести не только к поражению правящей коалиции, но и к смещению президента в случае, если оппозиция получит две трети мест в конгрессе. У советских наблюдателей, как и у их коллег из других стран соцлагеря, которые регулярно проводили политические консультации по ситуации в Чили, сложилось мнение, что мирные возможности развития революции в этой стране исчерпаны, переговоры и поиск компромисса с центристами, с Христианско-демократической партией (*Partido Demócrata Cristiano, PDC*), на которую ориентировалась большая часть электората, зашли в тупик, и следует ждать обострения классовой борьбы. В рамках этого нового этапа, скорее всего, произойдет «полевение компартии» (14, л. 125). В этом «хоре» представи-

телей социалистического блока стран явно преобладала точка зрения кубинцев, которую отличало критическое отношение к «чилийскому пути» как к чисто мирному пути революции.

Конец 1972 г. ознаменовался важным событием — официальным визитом С.Альенде в СССР в декабре 1972 г. С этой поездкой чилийское правительство связывало надежды на спасение страны от экономической катастрофы. Приоритетом правительства *UP* являлась переориентация на торговлю с соцстранами, но это был вопрос недалекого, но будущего, а для решения текущих проблем чилийское правительство рассчитывало на валютный кредит. Члены делегации вернулись в Чили разочарованными, результаты поездки оказались столь же незначительны, сколь велики были надежды: многие просьбы о помощи остались без ответа; кроме того, чилийцам не было предложено «неограниченное», по типу Кубы, сотрудничество (15, л. 22). Безусловно, власти СССР заявляли о полной политической поддержке, дружбе, но при этом ясно давали понять, что пока не рассматривают Чили как «братское», т.е. социалистическое государство, поэтому демонстрировали сдержанный подход. Перед отъездом на родину в посольстве Чили в Москве Альенде сказал: «Никогда в жизни я не был так разочарован» (16, р. 335).

Однако положительный эффект от визита Альенде в СССР все-таки был. Чилийский президент завоевал симпатии советского руководства, и прежде всего Л.И. Брежнева, о чем Москва проинформировала свое посольство в Чили. Теперь посол общался с Альенде как с единомышленником и верным просоветским политиком. Символическим актом полного доверия и поддержки было присуждение Альенде Ленинской премии мира в начале 1973 г. (17, л. 87).

Кроме того, в начале 1973 г. большим облегчением для Чили стало получение кредита в 50 млн долл. от специально образованного консорциума банков социалистических стран. Эти средства позволяли закрыть «дыры» в бюджете и осуществлять важнейшие международные платежи до мая 1973 г. (18, л. 4). Однако столь небольшая сумма не могла изменить ситуацию кардинально.

В первые месяцы 1973 г. все политические проблемы сконцентрировались вокруг мартовских выборов в конгресс, в ходе которых мог решиться вопрос о мирном, конституционном свержении правительства Альенде в случае, если оппозиции удалось бы получить две трети мест. Советскую сторону беспокоила обстановка в лагере левых, где наблюдалось усиление влияния на Альенде «непримиримого», «революционного» крыла или, как тогда писали, ультралевых, в том числе и не входившей в коалицию партии Левое революционное движение (*Movimiento de Izquierda Revolucionaria, MIR*). Президента считали сторонником достижения соглашения с *PDC*, против чего решительно выступала его собственная партия. Перед выборами появились слухи о тайных переговорах между Альенде и *PDC*, которая была фаворитом на предстоявших выборах. Однако в действительности ничего подобного не происходило (19, л. 47).

Христианские демократы рассчитывали получить больше, но ставка делалась именно на конституционное большинство, что многим в партии казалось недостижимым. В беседе с дипломатами соцстран лидеры партии

откровенно признавались, что тогда часть оппозиции (не они, конечно же), скорее всего, делает ставку на насильственное отстранение левых от власти (19, л. 45-46).

Как известно, Альенде занимал двойственную позицию в отношении *MIR*. Одно время его охрана состояла из миристов, его родственники были близки этой группе. Политически он колебался между коммунистами, которые категорически выступали против миристов, и левыми социалистами, которые их поддерживали. Перед выборами в марте 1973 г. в беседе с советским послом Альенде заявил, что нет причин для беспокойства из-за союза с миристами, так как это вопрос тактики накануне выборов, ибо за миристами идут многие трудящиеся, а потом с ними власть разберется (20, л. 17). На самом деле власть уже не контролировала процесс, и после выборов марта 1973 г. политическая ситуация полностью вышла из-под контроля в немалой степени из-за деятельности крайне левых.

В ходе выборов 1973 г. сложилась патовая ситуация: позиции обеих сторон — и *UP*, и оппозиции — усиливались. Правящая коалиция получила меньше мест, чем на предыдущих выборах, но сохраняла такое количество мест, которое не позволяло оппозиции добиться конституционного обвинения президента и отстранения его от власти. Члены *UP* торжествовали, хотя и с ноткой разочарования: выборы свидетельствовали о сохранении прежнего уровня поддержки, и результат ничего не менял в политическом раскладе. Страна переживала период крайней поляризации.

Советские наблюдатели, ожидавшие худшего, вздохнули с облегчением, оценив результаты выборов в чилийский конгресс как безусловную победу *UP*. Судя по тону доклада советского посольства, выборы вернули надежду на успех «чилийского пути» и даже на успех *UP* в президентской электоральной кампании 1976 г. (21, л. 24). При этом советская сторона не могла не заметить крайнюю неустойчивость положения правительства и усиление позиции военных.

После выборов, по мнению советской стороны, произошло худшее из того, чего можно было ожидать: военные покинули правительство, и наметился поворот влево. Это не могло не разочаровывать советских наблюдателей, постоянно высказывавшихся в духе того, что правительство Альенде должно проводить умеренную линию и «переходить к обороне». В Москве считали приглашение военных в правительство после октябрьского кризиса 1972 г. определенной гарантией сохранения власти *UP*, хотя первоначально это противоречило позиции Компартии Чили (*Partido Comunista de Chile, PCCh*). Генерал Карлос Пратс оценивался советскими наблюдателями как самая крупная и влиятельная политическая фигура, и его уход из правительства расценивался как неудачное решение Альенде. Более того, Пратс смог убедить советских дипломатов в своих симпатиях к СССР, его считали самым удобным политиком в Чили для Москвы (21, л. 19). К марту 1973 г. коммунисты также стали положительно оценивать участие военных в кабинете министров, в чем резко расходились с социалистами.

Примечательно, что в Москву поступали и иные сообщения, более критичные и отражавшие глубокое недоверие к некоммунистическим левым силам, прежде всего к социалистам, над которыми постоянно довели клеймо троцкизма времен 30-х годов, а затем и подозрения в симпатиях к

маоизму. Так, например, корреспондент «Правды» В.Н.Боровской, побывавший в Чили в марте 1973 г., в своем докладе в ЦК предрекал «предательство» Альенде и его капитуляцию перед военными, которым он якобы мог передать реальную власть в ущерб левым силам (22, л. 39-40). В Москве опасались и правого тренда или сговора с военными, и левого уклона, о чем предупреждали коммунисты.

После выборов новое правительство декларировало, что его целями являются стабилизация обстановки и решение экономических проблем. Но советские дипломаты оценивали это критически: «Непоследовательность Альенде в вопросе о сохранении военно-гражданского кабинета и его недостаточная твердость в отношении ультралевых вызывает сдержанное отношение военных, их стремление не втягивать себя в политические маневры правительства и не заниматься попустительством левацким провокациям... Факты передачи большинства постов СП Чили и личным сторонникам президента, без учета возросшего политического веса и руководящей роли КПЧ, свидетельствовали об определенной непоследовательности и персонализме Альенде, его стремлении умалить роль друзей [КПЧ]» (21, л. 18-20).

Главной политической проблемой была деятельность ультралевых, в том числе и внутри *UP*, части социалистов, части членов Движения единого народного действия (*Movimiento de Acción Popular Unitaria, MAPU*), выступавших в союзе с *MIR*. Их лозунг создания параллельной народной власти рассматривался советским посольством как дестабилизирующий обстановку в стране (21, л. 21). Советские идеологические работники, например, корреспондент «Правды» В.Н.Боровской, рекомендовал сконцентрировать идейную и пропагандистскую работу КПСС на чилийском направлении на борьбе с *MIR* как агентами империализма и фашизма (22, л. 31-32). «Леваки» представлялись самой большой опасностью для революции.

Однако, несмотря на критический взгляд советских наблюдателей на состав нового кабинета, их общее настроение было оптимистичным. Анализ ситуации, сделанный сотрудниками советского посольства, соответствовал бюрократической логике, когда ответственные за определенный участок, от успеха на котором зависела карьера того или иного чиновника, представляли начальству ситуацию в приукрашенном виде, тем самым приписывая своей политической деятельности часть успеха. В Москве этот оптимизм не разделяли, учитывая объективные возможности поддержки чилийской революции.

ПРЕДЧУВСТВИЕ КАТАСТРОФЫ, ПРЕДДВЕРИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Через два месяца после выборов оптимизм сотрудников советского посольства полностью исчез. В докладе в Москву они описывали картину катастрофы и близкого краха правительства *UP*, неспособного решить основные проблемы, которые продолжали усугубляться. Прежде всего, речь шла об экономических трудностях, о нехватке продовольствия, о хаосе и неуправляемости в стране (23, л. 41-43).

Проблема, связанная с настроениями военных, стояла довольно остро, хотя во всех беседах с советскими представителями Альенде демонстрировал уверенность и в лояльности армии, и в ее верности конституционному порядку. У него была идея привлечь чилийских военных к сотрудничеству с советскими, что представлялось альтернативой традиционным контактам с американцами. Альенде наивно полагал, что такие контакты автоматически сделают чилийских военных левыми, как связи с американцами делали их правыми. Визиты представителей чилийской армии в СССР стали регулярными, а их кульминацией стала поездка в Москву в мае 1973 г. К.Пратса.

Советская дипломатия оценивала визит Пратса как очень позитивный. Пратса принимали с подчеркнутым вниманием и радушием. Генерал остался очень доволен своей поездкой в СССР, что, по мнению дипломатов, стало серьезной помощью правительству *UP* (23, л. 50). Однако они ошибались. В ходе визита один из советских военных начальников, скорее всего, не подумав о серьезности дела, рассказал Пратсу о решении СССР поставить большую партию танков в Перу, в страну, которая не скрывала античилийской направленности при модернизации своих вооружений. Эта информация вызвала скандал в Сантьяго. Генеральный секретарь *PCCh* Луис Корвалан, подбирая выражения, высказал советскому послу недовольство тем, что в *PCCh* узнали об этом не от сотрудников советского посольства, а от третьей стороны. Кроме того, Пратс, как и многие чилийские политики, воспринял упомянутый выше факт как проявление того, что Москва не верит в будущее левого правительства Чили. Корвалан заявил, что советской стороне стоило бы заранее узнать позицию *PCCh* по данному вопросу, а теперь и *PCCh*, и правительство, и Альенде, и Пратс поставлены в сложное положение (24, л. 201-202). Этот скандал добавлял к атмосфере недоверия правительству еще и ноту внешнеполитической наивности или безответственности, не говоря уже об отношении к СССР как союзнику *UP*.

Но даже после того, как Москва предоставила Корвалану детальную информацию о «поставках специмущества в Перу», чилийские коммунисты заявили о своей особой позиции. Они были согласны с тем, что СССР поддерживает прогрессивное военное правительство Хуана Веласко Альварado (1968—1975), но считали, что данные поставки носят явную античилийскую направленность и используются чилийской реакцией во внутриполитической борьбе для того, чтобы настроить военных против коммунистов и СССР (25, л.213). «Танковый скандал» имел символическое значение, учитывая, что именно в тот момент складывалась коалиция высших офицеров против Пратса и лояльных правительству военных. В июньском докладе 1973 г. советское посольство отмечало резкое изменение в настроениях военных и усиление оппозиции в Вооруженных силах Чили, что по-прежнему объяснялось серьезными экономическими трудностями, которые сильно сказывались на положении офицерского и сержантского состава (23, л. 48).

В июньском докладе советских дипломатов уже негативно оценивалась вся деятельность правительства после выборов, в том числе переоценка левыми их успеха и роспуск военно-гражданского кабинета. Посольство считало большой ошибкой решение усилить революционные преобразова-

ния, недооценку возможностей оппозиции и общих трудностей, ответственность за которые ложится на персоналистский, авторитарный стиль правления Альенде и левачество социалистов. Левацким тенденциям противостояла линия коммунистов, которых всецело поддерживали советские товарищи. Общий итог был неутешителен: создавалось впечатление, что «правительство и левый блок пытаются уйти от решения насущных проблем путем искусственного обострения политической борьбы» (23, л. 54). Еще до выборов чилийский министр-социалист Хосе Тоа предупредил советских дипломатов о «левом повороте», который может произойти после выборов, об усилении курса на участие трудящихся в управлении предприятиями и в органах власти, т.е. курса на создание так называемой народной власти, что было лозунгом левой части социалистов и миристов (26, л. 27-28). Прогноз Тоа был пессимистичным, речь шла о вероятности возникновения серьезного внутреннего конфликта правительства с большинством общества, в том числе и с частью рабочего класса.

Левый тренд поддерживали кубинцы. Посетивший Чили в 1973 г. видный партийный деятель Кубы Карлос Рафаэль Родригес в беседе в советском посольстве критиковал *РССЧ* и Корвалана за их увлеченность легальной предвыборной борьбой, ориентированность партии на выборы 1976 г. Родригес говорил о том, что чилийское правительство должно решать задачи, возникавшие из-за «обострения классовой борьбы» в Чили, и расширять государственный сектор экономики. Он считал, что коммунисты не хотели видеть реальности, слепо следуя своей теории мирного движения к социализму (27, л. 105-106). Кубинские коммунисты критически смотрели и на «чилийский путь» к социализму.

В отличие от кубинцев советские наблюдатели полагали, что правительству Альенде следует притормозить революционные преобразования или даже отступить от них: прекратить огосударствление предприятий и конфискацию собственности, дать гарантии неприкосновенности собственности, передать землю крестьянам, а не создавать кооперативы. Политическим вариантом такого отступления и стабилизации ситуации в стране представлялось возвращение к военно-гражданскому правительству и переговоры с оппозицией в лице *РДС* (23, л. 57). Кроме того, учитывая наличие тесных экономических связей между Чили и Соединенными Штатами, в Москве считали, что правительству *УР* необходимо возобновить диалог с США и пойти на уступки в вопросе о компенсациях за национализированные компании. Следовало бы также сделать ставку на привлечение иностранного капитала, а не надеяться только на помощь социалистических стран (23, л. 57-58). Помощь со стороны СССР была ограниченной, однако чилийцы, безусловно, могли полагаться на всемерную политическую поддержку. При этом они должны отдавать себе отчет в том, что при масштабной переориентации экономики на связи с социалистическими странами возникнут серьезные трудности.

После провалившейся в Чили попытки переворота 29 июня 1973 г. советские дипломаты выразили некое удовлетворение ходом развития событий, надеясь, что правительство *УР* сможет воспользоваться этим для усиления своих позиций. Но при этом в советском посольстве по-прежнему полагали, что реальные действия левых противоречат требованиям момен-

та. Неудачей закончились переговоры о создании военно-гражданского правительства, и, по мнению советских товарищей, настроения в стране никак не соответствовали линии на углубление революции. Советские дипломаты считали, что настало время «подморозить» революцию, пойти на тактическое отступление, иначе ее поражение будет неизбежным, и угроза военного переворота по-прежнему существует (28, л. 78-79). Здесь надо отметить, что такое же мнение высказывали и в Пекине во время визита туда чилийского министра иностранных дел Клодомиро Альмейды (26, л. 28).

В июне-июле 1973 г. общество резко повернулось против правительства *UP*, Альенде терял популярность даже среди традиционно левых избирателей, среднего класса. По своему психотипу Альенде комфортно чувствовал себя только в условиях популярности и очень чутко реагировал на изменение общественного мнения. Тогда в июле 1973 г. он попросил комиссию, состоявшую из близких советников — Хуана Грасеса, Педро Вусковича и Гонсало Мартнера, — изучить вопрос о его отставке с поста президента (29, р. 110). Между тем Альенде видел больше негативных последствий такого решения даже по сравнению с насильственным свержением.

Социалисты и даже коммунисты теперь признавали неизбежность гражданской войны. Советских наблюдателей пугал настрой социалистов, которые, осознавая неизбежность насильственной конфронтации, считали необходимым приступить к установлению в той или иной форме диктатуры пролетариата. Если ранее такая решимость социалистов могла порадовать советских коммунистов, то в тех обстоятельствах, когда чилийское правительство все более теряло поддержку населения, а военные открыто требовали отставки Альенде, такой разворот социалистов явно был некстати (30, л. 63).

Последние три месяца перед переворотом 11 сентября напоминали преддверие гражданской войны. Дипломаты социалистических стран, особенно советские, уделяли большое внимание мнению кубинских коллег, которые считали этот период времени решающим в судьбе правительства Альенде и предрекали либо свержение левых, либо стабилизацию и даже гарантию продолжения революции, если *UP* продержится эти месяцы (31, л. 116). Подобное мнение разделяли и советские наблюдатели, информировавшие Москву о внутривнутриполитической ситуации.

В конце июня 1973 г. *РССЧ* сочла своевременным обратиться к КПСС с разъяснительным письмом о ситуации в Чили и с просьбой довести его содержание до других компартий мира. Это письмо было написано в связи с очевидным пессимизмом в отношении будущего *UP*, который стал преобладать среди союзников чилийских левых, в том числе и среди советских руководителей. Не отрицая тяжести положения в стране, Представители *РССЧ* утверждали, что фатальной неизбежности переворота или гражданской войны нет, благодарили за солидарность и указывал на рост своего влияния среди рабочего класса (32, л. 22-24). При всем внешнем боевом настрое заявление звучало как реквием; в нем же давались оценки причин провала чилийского эксперимента.

Уверенность в неизбежности гражданской войны не означала, что левые готовы «сражаться» до победы. Они трезво оценивали состояние общества и настроения своих сторонников. Один из лидеров социалистов Эдмундо Серани признавал, что во второй половине 1973 г. положение изменилось

не в пользу правительства, в частности в том, что касалось настроения народных масс, которые шли за *UP* и еще недавно демонстрировали готовность защищать народное правительство. На многие группы теперь не стоило рассчитывать, «так как они утратили революционное значение». При этом разногласия между левыми партиями практически исчезли (33, л. 70). Ситуация была очень драматичной.

Обострение политической ситуации в середине 1973 г. привело к радикализации не только оппозиции, но и партий, входивших в правительство. Даже коммунисты, не говоря уже о социалистах, стали готовиться к вооруженной борьбе. Перед советскими дипломатами встал сложный вопрос: как реагировать на просьбы чилийских левых партий к посольствам всех социалистических стран поставлять им оружие, рации и т.д. для отрядов самообороны (34, л. 138). Советский посол намекнул на это в разговоре с Альенде, который иронично ответил, что было бы неплохо направить в Чили сотню танков. При этом он не отмежеввался от своих товарищей, просивших оружие, и не осудил их (35, л. 142). Лидер социалистов Карлос Альтамирано в разговоре в посольстве ГДР (социалисты часто обращались именно к восточным немцам, которые по умолчанию считались главными контрагентами в переговорах с социалистами среди соцстран) не только говорил о неизбежности вооруженного столкновения с реакцией, но и о его желательности. Альтамирано признал ошибкой левых тот факт, что они слишком поздно осознали это и не попросили военную помощь у соцстран раньше. Теперь же приходится просить деньги для приобретения оружия в соседних государствах (36, л. 166-168).

В августе ситуация в стране выглядела как предвоенная, ожидание начала гражданской войны или переворота охватило все общество. Даже *РССч* включилась в подготовку к вооруженному столкновению с контрреволюцией. Как признавался в частном разговоре с послом ГДР Корвалан, 50% деятельности партии и ее актива теперь были связаны с подготовкой вооруженного сопротивления и созданием отрядов самообороны. Стороны готовились к вооруженному столкновению, социалисты и коммунисты добывали оружие, раздавали его своим активистам и рабочим отрядам. Во взглядах на этот вопрос между партиями, наконец, возникло полное согласие, хотя *РССч* по-прежнему отвергала сотрудничество с миристами, на чем настаивали социалисты. Корвалан лишь сокрушался по поводу того, что социалисты даже в этом серьезном деле действуют «ребячески», не соблюдая конспирацию, публично демонстрируя вооружение своих партийных отрядов. По мнению лидера *РССч*, большую опасность представляло участие в подготовке отрядов социалистов прибывших с Кубы военных инструкторов (37, л. 155-157).

Советские представители оставались простыми наблюдателями, никак не вмешивались в чилийскую политику и не давали советов. Их место занимали кубинские партийные руководители. Кризисная ситуация, сложившаяся в Чили, стала причиной срочного приезда в Сантьяго в начале августа 1973 г. кубинского партийного руководителя К.Р.Родригеса. Формально причиной визита была подготовка очередной конференции стран Движения неприсоединения. На деле же речь шла о вероятности выхода соцпартии из *UP*, что автоматически означало крах правительства и всего

политического процесса, о чем социалисты сообщили кубинскому посольству в середине июля. Вмешательство именно Кубы в то, что происходило в Чили, а не СССР было вполне логичным, учитывая то, какое влияние кубинцы оказывали на социалистов и миристов, в то время как коммунисты ориентировались на КПСС.

В делегацию Кубы входил легендарный полковник Мануэль Пиньейро («Барбароха») — организатор и куратор школ партизанской борьбы для латиноамериканских революционеров на Кубе в 60-е годы, министр внутренних дел, видная фигура в кубинской политической иерархии. Именно он вел переговоры с миристами, левым социалистами и левой фракцией *MAPU* (Оскара Гарретона). Кубинцы уехали домой, выполнив главную задачу: они сохранили коалицию. Но, безусловно, они не могли сделать то, что должны были сделать сами чилийцы, — начать принимать срочные меры по стабилизации в стране. Разрыва социалистов и коммунистов не произошло, они встречались каждый день, все обсуждали, но не принимали никаких решений. *PCCh* выступала за уступки оппозиции, прежде всего *PDC*, а социалисты настаивали на усилении революционного натиска. Даже генерал Пратс заявил кубинцам, что «сейчас как вооруженные силы, так и народ нацелены в основном на войну». Персонал кубинского посольства уже готовился к самому пессимистическому сценарию, оповестив всех кубинских граждан о том, что каждый из них должен делать в случае фатальных событий. Кубинские дипломаты сообщили советским товарищам, что надежд на мирное разрешение ситуации нет, а развязка наступит очень скоро, так как военные уже не скрывают заговорщической деятельности, а в обществе все готовы и ждут либо войны, либо переворота (38, л. 147-154). В этих обстоятельствах СССР полностью уступала инициативу кубинским союзникам, которые не только лучше разбирались в латиноамериканских делах, но и обладали большим влиянием на чилийских левых.

На одной из своих последних встреч с советским послом 23 августа (на следующий день после заявления конгресса, в котором президента обвиняли в нарушении конституции, а армию призывали вмешаться) Альенде заявил, что не видит политического выхода из кризиса. По его словам, экстремизм социалистов не позволяет найти решение на основе уступок *PDC*, что поддерживает *PCCh*. Альенде размышлял о проведении референдума, который было бы трудно выиграть, но который создавал бы прецедент мирного разрешения кризиса. В течение последних трех месяцев правительство совсем не занималось экономическими проблемами, так как было полностью погружено в политические вопросы. Альенде был настроен пессимистично (35, л. 183-184).

Переворот был неизбежен, за несколько дней до него руководство компартии ушло в подполье*, что было ясным и недвусмысленным знаком для советской стороны, также готовившейся к худшему (39, л. 67-68).

Развязка ситуации наступила 11 сентября. Происходившее выходило за рамки самых пессимистических ожиданий. Тот факт, что военным практически не было оказано сопротивление, слухи о котором распространялись в

* Часть чилийской компартии всегда находилась в подполье. Но это не означало, что ее политические лидеры не участвовали в публичной политике.

советской печати, усугублял драматизм событий. Трагическая смерть президента Альенде превратила его в мученика, героя, которого не судят, которому отдают дань уважения и поклоняются. Кампания солидарности с народом Чили шла параллельно с осмыслением уроков чилийской революции. Сразу после переворота 11 сентября в идеологическом аппарате КПСС озаботились разработкой методических указаний по интерпретации «чилийского опыта» советскими идеологическими структурами.

Был разработан документ для служебного пользования с тем, чтобы ознакомить с его содержанием преподавателей Московской ленинской школы, а также работников идеологического аппарата партии. В этом документе впервые была дана советская оценка чилийской революции. Из текста видно, как изменилась точка зрения советских идеологов. До 11 сентября решительно поддерживалась умеренная позиция *РССЧ*, осуждался левый экстремизм, и чилийскому правительству предлагалось «подморозить» революцию. Теперь констатировались непоследовательность и недостаточность революционного натиска.

Среди критических замечаний советских аналитиков следует отметить следующие: медленная и нерешительная экспроприация буржуазии (именно это всегда говорили представители левого крыла социалистов, позиция которых подвергалась резкой критике до 11 сентября); отсутствие реформы в сфере обращения капиталов: было необходимо провести конфискационную денежную реформу, чтобы лишить буржуазию накоплений; на деле так и не приступили к развертыванию плановой экономики. (40, л. 47-48).

В документе подчеркивалось, что в Чили не было авангарда, вооруженного революционной теорией, способного применять все формы борьбы, в том числе и вооруженную. *УР* не смогло противопоставить реакции в лице конгресса, судебных органов, полиции, армии, средств массовой информации «внепарламентское движение организованных трудящихся». Теперь *УР* критиковалось за неумение создать народные органы власти снизу, которые смогли бы выступить против реакции. Лозунг «Нет гражданской войне!» расценивался как ошибка. (40, л. 53-54). Чилийские революционеры не учитывали диалектику мирных и немирных форм борьбы. Фактически в документе повторялись программные установки социалистов и миристов, полностью противоречившие линии коммунистов до переворота 11 сентября, хотя тех же социалистов продолжали обвинять в форсировании социалистических задач революции.

Анализируя уроки чилийской революции, советские идеологи ставили острую теоретическую проблему: необходимость слома государственного аппарата насилия на этапе, когда речь еще не шла о социалистической революции. Они предлагали разработать эту часть теории «этапов революции» именно с точки зрения своевременности слома старого государства, особенно в рамках несоциалистического этапа (40, л. 60-61).

Одной из проблем революции признавалась географическая удаленность страны от социалистического лагеря, что ограничивало не только возможность оказания быстрой помощи, но и перспективное планирование таковой. Иными словами, в СССР при всей симпатии к Чили понимали, что США не допустят победы социализма в этой стране, а СССР не сможет противостоять этому (40, л. 51-52).

В документе предлагалось характеризовать этап, который переживала чилийская революция, как «эмбриональную форму народно-демократического государства в его первой фазе, когда уже действует революционно-демократическое народное правительство, но еще не сложилась революционно-демократическая диктатура народа» (40, л. 62). Это было типичное применение советской концепции народно-демократических революций в восточноевропейских странах и идеи появления стран «народной демократии» как переходной формы к социализму.

Критический для чилийской революции 1973 г. продемонстрировал советским наблюдателям противоречивость той модели движения к социализму, которую отстаивали чилийские коммунисты и союзные им партии, модели, сочетавшей в себе кардинальную перестройку экономики и общества на некапиталистических основах и сохранение буржуазной демократии и политического плюрализма. Советские партийные функционеры всегда видели это противоречие, мягко критиковали чилийских товарищей с позиций марксизма-ленинизма, принимали чилийскую модель лишь как число тактическую, но никогда не верили в ее успех. Кроме того, в данной модели революции советские коммунисты не видели руководящей силы, которой, по их убеждению, могла быть лишь компартия, и которой искренне и во всем стремились помогать. Действительно, отсутствие единого политического руководства было одной из причин быстрого коллапса процесса, и в этом советские наблюдатели были правы.

События всего 1973 г. показали неспособность чилийских левых осуществлять эффективное политическое руководство, проводить рациональную и взвешенную экономическую политику. Весь год чилийские левые вели пустые дискуссии в поисках единого подхода к острым проблемам страны. СССР предлагал всевозможную помощь, сотрудничество во всех сферах, но не мог стать донором для чилийской экономики, переживавшей сложную ситуацию революционных преобразований. В целом СССР/КПСС был вынужден проводить пассивную политику поддержки, будучи не в силах изменить ни ход событий, ни положительно повлиять на общую политическую и социально-экономическую ситуацию в Чили. 1973 г. показал паралич народного правительства, неспособного воспользоваться даже теми небольшими ресурсами, которые оно получало.

В 1973 г. в СССР пассивно наблюдали за ситуацией в Чили и были готовы к любой политической поддержке, но не спешили давать советы и рекомендациями, предпочитая влиять на чилийских левых политиков через систему «мягкой силы» — обмен делегациями, обучение в партийных школах и на курсах, пропаганда в прессе, научно-культурный обмен. Однако это были инструменты долговременного воздействия, в то время как *УР* было отпущено слишком мало времени, что, собственно, осознавали и в ЦК КПСС, и в «братской» *РССЧ*. По мнению КПСС, в Чили ни до победы Альенде, ни после нее не было достигнуто главного условия успеха — «руководящей роли рабочего класса и его авангарда», т.е. *РССЧ* (11, л. 182). В 1973 г. КПСС даже в политической сфере уступила место кубинским товарищам, признавая тот факт, что у них существует больше возможностей влиять на чилийский политический процесс, а решимость кубинского руководства идти вместе с чилийскими революционерами до конца.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Fernando J. Chile y el mundo: 1970-1973: la política exterior del gobierno de la Unidad popular y el sistema internacional. Santiago: Ediciones Universidad Católica de Chile, 1985.
2. Corvalán L. El gobierno de Salvador Allende. Santiago: LOM, 2003.
3. La Unidad Popular treinta años después / Hugo Fazio et al. Santiago: LOM, 2003.
4. Cuando hicimos historia: la experiencia de la Unidad Popular / Julio Pinto coord. Santiago: LOM, 2005.
5. Álvarez R. Arriba los pobres del mundo. Cultura e identidad del Partido Comunista de Chile entre democracia y dictadura, 1965-1990. Santiago: LOM, 2011.
6. Elgueta Becker B. El socialismo en Chile. Una herencia yacente. Santiago: Tiempo robado ed., 2015.
7. Uliánova O., Fediakova, E. Algunos aspectos de la ayuda financiera del Partido Comunista de la URSS al comunismo chileno durante la Guerra Fría. *Estudios Políticos*. Santiago, 1998, N 72, p. 113-148.
8. Ulianova O. La Unidad Popular y el golpe militar en Chile: percepciones y análisis soviéticos. *Estudios Públicos*. Santiago, 2000, N 79, p. 83-171.
9. Núñez R. El gran desencuentro. Una mirada al socialismo chileno, la Unidad Popular y Salvador Allende. Santiago de Chile: FCE, 2017.
10. Pedemonte R. Guerra por las ideas en América Latina, 1959-1973. Presencia soviética en Cuba y Chile. Santiago: UAH ediciones, 2020.
11. Кудачкин М.Ф., Борисов А.В., Ткаченко В.Г. Чилийская революция: опыт и значение. М., Политиздат, 1977, 204 с. [Kudachkin M.F., Borisov A.V., Tkachenko V.G. Chileskaja revoljucija: opyt i znachenie [The Chilean Revolution: experience and significance]. Moscow, Politizdat, 1977, 204 p.
12. Уроки Чили. / отв. редакторы М.Ф. Кудачкин, А.А. Куценков/. М.: Наука, 1977 [Uroki Chili [Lessons from Chile]. Comp. M.F. Kudachkin, A.A. Kutzenkov. Moscow: Nauka, 1977.
13. Королев Ю.Н. Чилийская революция: проблемы и дискуссии. М., Мысль, 1982, 238 с. [Korolev Ju.N. Chileskaja revoljucija: problemy i diskussii [The Chilean Revolution: problems and discussions]. Moscow, Mysl', 1982, 238 p.
14. Запись беседы с послами стран Варшавского договора 28 сентября 1972 г. РГАНИ. Ф. 5, оп. 64, д. 699. [Conversation with the ambassadors of the Warsaw Pact countries on September 28, 1972]. Russian State Archive of Contemporary History. F. 5, op.64, folder 699.
15. Запись беседы с послом Чехословакии в Чили М. Веселым, 30 января 1973 г. – РГАНИ. Ф. 5, оп.66, д. 1016. [Conversation with the Ambassador of Czechoslovakia to Chile M. Vesely, January 30, 1973]. Russian State Archive of Contemporary History. F. 5, op. 66, folder 1016.
16. Veneros D. Allende. Un ensayo psicobiográfico. Santiago: Sudamericana, 2003.
17. Запись беседы с президентом Республики Чили Сальвадором Альенде, 25 апреля 1973 г. РГАНИ. Ф. 5, оп.66, д. 1016. [Conversation with Salvador Allende, President of the Republic of Chile, April 25, 1973]. Russian State Archive of Contemporary History. F. 5, op. 66, folder 1016.]
18. Запись беседы с вице-президентом Центрального банка У.Фасио, 3 января 1973 г. – РГАНИ. Ф. 5, оп.66, д. 1016. [Conversation with Central Bank Vice President U. Facio, January 3, 1973]. Russian State Archive of Contemporary History. F. 5, op.66, folder 1016.
19. Запись беседы с послами соцстран, 27 февраля 1973 г. РГАНИ. Ф. 5, оп. 66, д. 1016. [Conversation with ambassadors of socialist countries, February 27, 1973]. Russian State Archive of Contemporary History. F. 5, op. 66, folder 1016.
20. Запись беседы с президентом Республики Чили С. Альенде, 6 февраля 1973 г. РГАНИ. Ф. 5, оп.66, д. 1016. [Conversation with President of the Republic of Chile S. Allende, February 6, 1973]. Russian State Archive of Contemporary History. F. 5, op.66, folder 1016.
21. Парламентские выборы и соотношение политических сил в Чили. Политическое письмо. 5 апреля 1973 г. РГАНИ. Ф. 5, оп. 66, д. 1015. [Parliamentary elections and the balance of political power in Chile. Political letter. 5 April 1973]. Russian State Archive of Contemporary History. F. 5, op.66, folder 1015.

22. Записка о поездке в Чили обозревателя отдела американских стран Боровского В.Н., 21 апреля 1973 г. РГАНИ. Ф. 5, оп. 66, д. 1015. [A note on the trip to Chile of the observer of the department of American countries Borovsky V.N., April 21, 1973]. Russian State Archive of Contemporary History. F. 5, op.66, folder 1015.
23. Обстановка в Чили, перспективы народного правительства и возможные шаги в плане нашей поддержки и международной солидарности. Политическое письмо. 7 июня 1973 г. РГАНИ. Ф. 5, оп. 66, д. 1015. [The situation in Chile, the prospects for a popular government and possible steps in terms of our support and international solidarity. Political letter. 7 June 1973]. Russian State Archive of Contemporary History. F. 5, op.66, folder 1015.
24. Запись беседы с Л. Корваланом и В. Диасом 7 июня 1973 г. РГАНИ. Ф. 5, оп.66, д. 1019 [Conversation with L. Corvalán and V. Díaz, June 7, 1973]. Russian State Archive of Contemporary History. F. 5, op.66, folder 1019.
25. Запись беседы с Л. Корваланом 14 июня 1973 г. РГАНИ. Ф. 5, оп.66, д. 1019. [Conversation with L. Corvalán, June 14, 1973]. Russian State Archive of Contemporary History. F. 5, op.66, folder 1019.
26. Запись беседы с министром обороны Хосе Тоа Гонсалес, 22 февраля 1973 г. РГАНИ. Ф. 5, оп. 66, д. 1016. [Conversation with Secretary of Defense José Toa González, February 22, 1973]. Russian State Archive of Contemporary History. F. 5, op.66, folder 1019.
27. Запись беседы с членом секретариата Коммунистической партии Кубы К.Р. Родригесом, 17 апреля 1973 г. РГАНИ. Ф. 5, оп.66, д. 1016. [The talk with member of the secretariat of the communist party of Cuba C.R.Rodriguez on April 17, 1973]. Russian State Archive of Contemporary History. F. 5, op.66, folder 1016.
28. О попытке антиправительственного переворота в Чили. Политическое письмо. 4 июля 1973 г. РГАНИ. Ф. 5, оп. 66, д. 1015. [About the attempted anti-government coup in Chile. Political letter. 4 July 1973]. Russian State Archive of Contemporary History. F. 5, op. 66, folder 1015.
29. Chile, 1973. Los meses previos del Golpe de Estado. / ed. Pedro Milos. Santiago de Chile: ed. Universidad Alberto Urtado, 2013. (электронная книга)
30. Запись беседы с К.Альтамирано 07 июля 1973 г. РГАНИ. Ф. 5, оп.66, д. 1017 [Conversation with C. Altamirano on July 07, 1973]. Russian State Archive of Contemporary History. F. 5, op.66, folder 1017.
31. Запись беседы с послом Кубы в Чили Марио Гарсия Инчаустеги, 23 мая 1973 г. РГАНИ. Ф. 5, оп.66, д. 1016. [Conversation with Cuban Ambassador to Chile Mario García Inchaustegui, May 23, 1973]. Russian State Archive of Contemporary History. F. 5, op.66, folder 1016.
32. КПЧ – КПСС, 26 июня 1973 г. РГАНИ. Ф. 5, оп.66, д. 1018. Л. 22-24. [CPCH to CPUS, Juny, 26, 1973]. Russian State Archive of Contemporary History. F. 5, op.66, folder 1018.
33. Запись беседы с Э.Серани 31 июля 1973 г. РГАНИ. Ф. 5, оп.66, д. 1017. [Conversation with E. Serani on July 31, 1973]. Russian State Archive of Contemporary History. F. 5, op.66, folder 1017.
34. Запись беседы с посолом ЧССР Милошем Веселым, 9 июля 1973 г. РГАНИ. Ф. 5, оп.66, д. 1016. [Conversation with Czechoslovakian Ambassador Miloš Wesely, July 9, 1973]. Russian State Archive of Contemporary History. F. 5, op.66, folder 1016.
35. Запись беседы с президентом С. Альенде, 6 июля 1973 г. РГАНИ. Ф. 5, оп.66, д. 1016. [Conversation with President S. Allende, July 6, 1973]. Russian State Archive of Contemporary History. F. 5, op.66, folder 1016.
36. Запись беседы с послом ГДР в Чили Гарри Шпиндлером, 16 июля 1973 г. РГАНИ. Ф. 5, оп. 66, д. 1016. [Conversation with the GDR Ambassador to Chile, Harry Spindler, July 16, 1973]. Russian State Archive of Contemporary History. F. 5, op.66, folder 1016.
37. Запись беседы с послом ГДР в Чили Гарри Шпиндлером, 9 июля 1973 г. РГАНИ. Ф. 5, оп. 66, д. 1016. [Conversation with the GDR Ambassador to Chile, Harry Spindler, July 9, 1973]. Russian State Archive of Contemporary History. F. 5, op.66, folder 1016.
38. Запись беседы с послом Кубы в Чили Марио Гарсия Инчаустеги, 4 августа 1973 г. РГАНИ. Ф. 5, оп.66, д. 1016. [Conversation with Cuban Ambassador to Chile Mario García Inchaustegui, August 4, 1973]. Russian State Archive of Contemporary History. F. 5, op. .66, folder 1016.

39. Запись беседы с Серхио Иполито, 3 октября 1973 г. РГАНИ. Ф. 5, оп.66, д. 1018. [Conversation with Sergio Hipólito, October 3, 1973]. Russian State Archive of Contemporary History. F. 5, op.66, folder 1018.

40. Значение и уроки революционного процесса в Чили, 10 октября 1973 г. РГАНИ. Ф. 5, оп. 66, д. 1018. Л. 47-48. [The Significance and Lessons of the Revolutionary Process in Chile, October 10, 1973]. Russian State Archive of Contemporary History. F. 5, op.66, folder 1018.

Andrey A.Schelchikov (sch2000@mail.ru)

Doctor in History Studies, investigator of Institute for World History of the RAS,
Saint-Petersburg State University

Leninsky pr., 32a, 119334 Moscow, Russian Federation

1973 — the dramatic collapse of the Chilean revolution. Viewed by the materials of the archive of the Central Committee of the CPSU

Abstract. The Chilean Revolution is one of the most important events in the Latin American history of the XXth century. Its defeat, its dramatic circumstances, and the brutality of the military regime's repression turned it into a symbolic event that marked the collapse of the illusions of a peaceful, democratic transition to socialism. The course of the revolution itself, the "Chilean path to socialism", the actions of various actors have been studied in numerous historical studies. In addition to Chilean actors, parties, politicians, and representatives of society, external political forces took part in this drama, indirectly and directly. One of these was the Soviet Union, which closely observed and analyzed the Chilean events. With the opening of the Soviet archives, documents became available that reveal many little-known or hidden subjects of the short but intense history of Unidad Popular in Chile. In this text, the author relies on the documents of the Central Committee of the CPSU, reflecting the vision of the Soviet authorities of the events of the Chilean revolution in the most dramatic period of its development, in the last year of the government of Salvador Allende, in 1973.

Key words: Chilean path to socialism, Popular Unity, Salvador Allende, USSR, military coup, Chile.

DOI: 10.31857/S0044748X0027279-5

Received 03.04.2023.

Manuel Loyola, Luis Thielemann

La cotidianidad del poder popular: una JAP en la Población Gabriela de Puente Alto. Chile, 1973

Resumen. Este artículo analiza un acta de reuniones de una Junta de Abastecimiento y Precios, de la Población Gabriela de Puente Alto (Chile), cuyos registros abarcan los meses de mayo a agosto de 1973. Se observan y analizan los registros en el documento de los problemas de administración cotidiana de una institución creada en el marco del Poder Popular, y del proceso de construcción socialista del gobierno de la Unidad Popular, abocada a coordinar y vigilar el comercio de bienes y servicios básicos. Se propone que del análisis de la fuente, se desprende que los problemas administrativos fueron abordados por las JAP al nivel de la distribución, como un asunto técnico y no político, y sin un activismo militante notorio. De esta forma, la cotidianidad de una JAP de la periferia urbana, parece haber estado más cerca de las tareas administrativas en la crisis socioeconómica del final del gobierno de la Unidad Popular, y menos del militantismo tradicionalmente asignado a estas organizaciones.

Palabras clave. Juntas de Abastecimiento y Precios, Distribución, Unidad Popular, Desabastecimiento, Vía chilena al socialismo.

DOI: 10.31857/S0044748X0027277-3

Повседневная жизнь народной власти: Совет по снабжению и ценообразованию в поселении Габриэла де Пуэнте-Альто (Чили) в 1973 г.

В статье анализируются записи заседаний Совета по снабжению и ценам (ССЦ) города Габриэла де Пуэнте-Альто (Чили) в период с мая по август 1973 г., посвященные проблемам повседневного управления. Совет был создан в рамках деятельности Народной власти и в контексте процесса социалистического строительства, предпринятого правительством Народного единства. Учреждение занималось координацией и контролем за торговлей основными товарами и услугами. Анализ данного источника позволяет сделать вывод, что административные проблемы

Manuel Loyola — Doctor en Historia, Universidad Finis Terrae (mloyola@uft.cl, orcid.org/0000-0002-2580-8271); **Luis Thielemann** — Doctor en Historia, Universidad Finis Terrae (email: lthielemann@uft.cl, orcid.org/0000-0003-4666-2491).

решались ССЦ в контексте технических, а не политических аспектов, без заметной активности со стороны политических активистов. Таким образом, повседневная жизнь ССЦ на городской периферии акцентировалась, прежде всего, на решении управленческих задач в период социально-экономического кризиса, охватившего страну в конце правления правительства Народного единства, а не на решении политических вопросов, что традиционно приписывается этой организации.

Ключевые слова: Советы по снабжению и ценам; распределение; «Народное единство»; кризис снабжения; чилийский «путь к социализму».

DOI: 10.31857/S0044748X0027277-3

Статья поступила в редакцию 01.04.2023.

INTRODUCCIÓN

Durante el gobierno de Salvador Allende y la alianza de partidos de izquierda “Unidad Popular” (en adelante *UP*), en Chile, entre 1970 y 1973, se desarrollaron diversas formas de movilización y organización revolucionaria, caracterizadas por una activa participación de masas. En un período administrativo que se caracterizó por el acoso opositor a la economía desde dentro y fuera de las fronteras del país, y en que la dinámica de revolución y contrarrevolución [1; 2, p. 9-33] convertía cada centímetro de lo público en un campo en disputa feroz, las instituciones, viejas y nuevas, se politizaron fuertemente. Estas nuevas instituciones creadas en la coyuntura, que tenían tareas públicas y bases masivas, y que apoyaron el proyecto de transformaciones del gobierno de izquierdas, fueron denominadas como constitutivas del “Poder Popular”. Con este concepto se denominó tanto al movimiento de masas que sostenía a la *UP*, como a las instituciones antes definidas y que de todas formas eran la columna vertebral de masas y acciones que por lejos desbordaban lo que los partidos, ya de por sí estresados, podían controlar.

Entre estas nuevas instituciones del Poder Popular, destacó el modelo de coordinaciones de comités de activistas de base que resolvían problemas o dirigían conflictos y movilizaciones sociales, enmarcados en el conflicto mayor que significó la “vía chilena al socialismo” [3]. Así, en la lucha por el control de la producción durante la Unidad Popular, se crearon los Cordones Industriales, organizaciones militantes de los obreros que controlaban fábricas y otras unidades laborales de una zona en específico. Las mismas, afiliadas con Comités de Pobladores (organizaciones de habitantes de las poblaciones urbanas proletarias, muchas de ellas nacidas de tomas y ocupaciones de terrenos) y de Campesinos de zonas cercanas (agitados por el proceso de Reforma Agraria que también se vivía entonces), formaban los Comandos Comunales y ligas populares similares. Una de las más específicas de estas nuevas instituciones, fueron las Juntas de Abastecimiento y Precios (*JAP*). Las *JAP* se dispusieron a incidir y controlar el proceso distributivo de mercancías y materias primas, y que se volvería un área estratégica en la lucha política entre el Gobierno y la oposición.

Мануэль Лойола — доктор наук (история), преподаватель университета *Finis Terae* (Чили, mloyola@uft.cl, orcid.org/0000-0002-2580-8271); Луис Тилеманн — доктор наук (история), преподаватель университета *Finis Terrae* (lthielemann@uft.cl, orcid.org/0000-0003-4666-2491).

En este artículo, se busca analizar un documento de actas de reuniones de una *JAP* en la Provincia de Santiago, en el Departamento de Puente Alto, en un suburbio al sureste de los límites de entonces de la ciudad de Santiago; la *JAP* de la Población Gabriela, en los últimos meses de la *UP*, de mayo a septiembre de 1973. A partir de dicha fuente, se analiza el problema del Poder Popular y sus tareas cotidianas, así como revisar la profundidad de la politización e ideologización presente en las mismas. Se propone que al conocer ciertos aspectos de la cotidianidad del funcionamiento de una institución del Poder Popular, como fueron las *JAP*, parece haber cierta despolitización o irrelevancia de los conflictos de la lucha política general, en la búsqueda de soluciones a problemas propios del abastecimiento y la distribución. Así, la cotidianidad en una *JAP* de la periferia de Santiago en el trienio de 1970 a 1973, lejos de mostrar una discusión respecto del enfrentamiento inmediatamente político y militante, presenta al Poder Popular como un fenómeno histórico de institucionalización de organizaciones democráticas, de base y de masas, para la búsqueda de soluciones a problemas de la reproducción material de la vida.

Las *JAP*, respecto, por ejemplo, de los Cordones Industriales, es un fenómeno muy desconocido. Si la historia de estos últimos cuenta con una bibliografía bastante generosa [entre lo más reciente, destacan 4; 5; 6], no se puede decir lo mismo de las primeras. Como bien indicó Boris Cofré en uno de los primeros estudios monográficos sobre las *JAP* [7, pp. 224-249], publicado recién en 2018, en general se le ha dado poca importancia a las *JAP* en los estudios sobre Allende y la *UP*, incluso en aquellos de historia social del período. Así, existe un estudio pionero y poco conocido de Jorge Giusti, publicado en 1975 [8, pp. 767-778] y del que no hubo continuidad. Desde entonces, además de algunas páginas en trabajos generales sobre el Poder Popular, las *JAP* no fueron tema sino hasta el mencionado estudio de Cofré en 2018, y luego, los trabajos de Joshua Frens-String [9; 10, pp. 471-501] publicados entre 2018 y 2023. En general, estos estudios han puesto atención al carácter militante y político, incluso de sus tareas más específicamente sociales o comerciales, como la distribución de mercaderías. Ahí, se destaca la formación política de larga data, o bien ligada a la lucha secular por el Estado en Chile en un momento de transformaciones socialistas; lo que se ha realizado recientemente y a muy buen nivel.

Así, lo que interesa en este artículo no es reforzar ni desmentir dicha idea relativa a la militancia de las *JAP*. Más bien, se trata de matizarla con el análisis de la cotidiana administración de una *JAP* lejana de los nodos más militantes, de sus problemas y sus eventos más triviales y que ocupaban la mayor parte del tiempo y de las energías del caso estudiado; y así poner atención a la forma más práctica y menos abstracta en que existió el Poder Popular en Chile entre 1970 y 1973. De esta forma, se busca comprender más integralmente el día-a-día de una institucionalidad conformada en un momento de lucha política radical.

I. PROBLEMAS Y POSIBILIDADES DE UN DOCUMENTO PARA EL ESTUDIO DE LAS *JAP*

Las *JAP* tuvieron corta existencia. Su origen es posterior al inicio del gobierno de Allende en noviembre de 1970, y claramente no sobrevivieron al golpe de estado de septiembre de 1973. Según el estudio de Pastrana y Threlfall

sobre el movimiento de pobladores en la Unidad Popular, las *JAP* tuvieron que ver con dos objetivos de la administración de Allende, y que se hicieron crecientemente estratégicos durante su gobierno: primero, tomar control y dar solución a los problemas de distribución de alimentos y otros bienes primarios en Chile; en segundo lugar, aumentar el apoyo popular, especialmente entre mujeres, en temas relativos a la reproducción material de la vida; y entre comerciantes de capas medias, evitando su “fascistización” [11, pp. 89-90]. Fue en julio de 1971, en un encuentro de mujeres adherentes a la Unidad Popular, que el ministro de economía del gobierno de la *UP*, Pedro Vuskovic, convocó a formar masivamente las Juntas de Abastecimiento y Precios. Esto ocurrió cuando saltaron las primeras alarmas del desabastecimiento de ciertos productos en el mercado chileno, específicamente carne y pollo [7, p. 228].

Las primeras *JAP* surgieron con apoyo municipal desde 1971, allí donde las administraciones locales de ese tipo habían sido ganadas por la *UP*. Así, lugares como Conchalí, La Granja o San Miguel, todas comunas de Santiago, fueron los primeros en saber de la existencia de las *JAP* en sus barrios. Pero no fue sino hasta mediados de 1972 que las *JAP* se masificaron. Para mayo de 1972, el Gobierno informó de la existencia de medio millar de *JAP* en Santiago. Durante el “Paro de Octubre” de 1972, movimiento de oposición a Allende que se basó principalmente en las capas medias (y allí, especialmente en los dueños y choferes de camiones de transporte de mercancías) y las clases propietarias y que afectó fuertemente la distribución de bienes y alimentos; las *JAP* tuvieron su impulso más fuerte. Así, para enero de 1973, Boris Cofré calcula entre 1200 y 1300 la cantidad de *JAP* creadas solo en Santiago [7, p. 240].

Como es normal en el estudio de las formas de acción política de las clases subalternas, las fuentes para ello escasean. El caso de las *JAP* no es la excepción. Primero, porque su institucionalidad siempre fue débil. Cuando la Dirección de Industria y Comercio (*DIRINCO*, la entidad estatal dedicada a la vigilancia de precios, stocks, y en general del mercado de bienes y servicios básicos) indicó las tareas y derechos de las *JAP*, estas estaban definidas de forma general y vaga, incluyendo desde la “lucha antiburocrática” hasta la “lucha ideológica” como sus tareas, además del “control de precios” y “facilitar el abastecimiento” [11, pp. 92-93]. Como han señalado Frens-String y, por otra parte, Giusti, las *JAP* reactivaron la memoria de distintas organizaciones de vigilancia de precios y de defensa de consumidores que existieron durante el siglo XX chileno, especialmente desde la década de 1930 [8, p. 767-768; 9, p. 141-145]. De esta forma, a la difusa definición de reglas desde el Estado, se sumó la presencia de una tradición viva de activismo en el consumo que hizo aún más intuitiva y poco formal la construcción y funcionamiento de las *JAP* entre 1971 y 1973. De esta forma, interpretar a las *JAP* desde sus documentos guía, si bien permite una aproximación general al fenómeno, mantiene cierto desconocimiento respecto de su funcionamiento real en las bases, sus usos menos predecibles y más arbitrarios.

En segundo lugar, las *JAP* fueron organizaciones que tuvieron una profusa participación de militantes de base, y que se construyeron a partir de otros espacios de organización popular ya muy politizados hacia 1972, como las Juntas de Vecinos, los Cordones Industriales o los Comités de Pobladores. En ese sentido, compartieron con tales organismos las urgencias políticas de la coyuntura, lo que redundó tanto en la escasa producción de documentación

Fig. 1 Portada del cuaderno

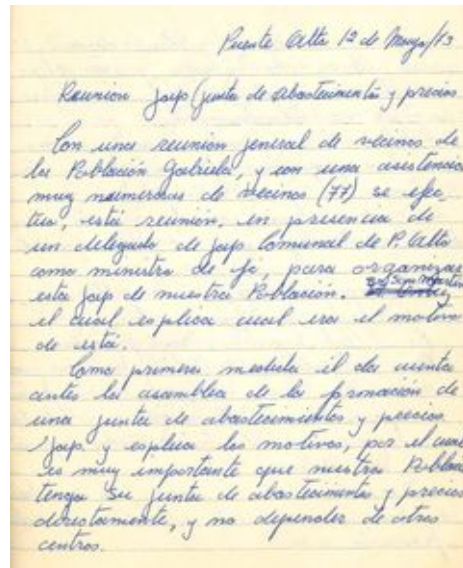

Fig. 2 Interior A

propia (por ejemplo, actas de reuniones o asambleas); como, después del Golpe de Estado, en la rápida destrucción de cualquier registro escrito que pudiese guiar la represión hacia los integrantes de las JAP.

Así, como en otros casos, todo lo que queda en el presente es la memoria de sus protagonistas, siempre dudosa en su formación y contenidos, algunos registros de prensa y estudios parciales hechos por académicos de la época. A veces se encuentran algunos documentos únicos que permiten avanzar más. En un mercado de antigüedades de Santiago, entre un montón de papeles viejos y a muy bajo precio, se encontró un acta de una JAP, correspondiente a la población Gabriela de Puente Alto, y cuyos registros y anotaciones cubren los meses de mayo a agosto de 1973. Un cuaderno de 15 centímetros de ancho y 20 de largo, uno originalmente diseñado para uso escolar, escrito a mano y en lápiz tinta, y que además de actas tiene páginas llenas de cálculos de distinto tipo, probablemente por su uso para las tareas contables de la JAP. No hay numeración de páginas, pero sí hay fechas y referencias de todo tipo sobre el carácter y participantes de cada evento consignado. Es un documento elaborado por cuadros carentes de formación burocrática o profesional, y ello explica las constantes faltas de ortografía en el documento (y que se respetan en las citas textuales que se hacen en las páginas siguientes). Es sobre esta acta, en tanto fuente única, que se trabaja en adelante.

II. UNA JAP EN LA POBLACIÓN GABRIELA, PUENTE ALTO, CHILE, 1973

La JAP de la población Gabriela es una institución de una zona de Santiago bastante nueva. Estaba ubicada en Puente Alto, una zona industrial aunque todavía también semirural. Con una conocida papelera como motor industrial de molinos y otros talleres e industrias de una pequeña ciudad encaramada en la

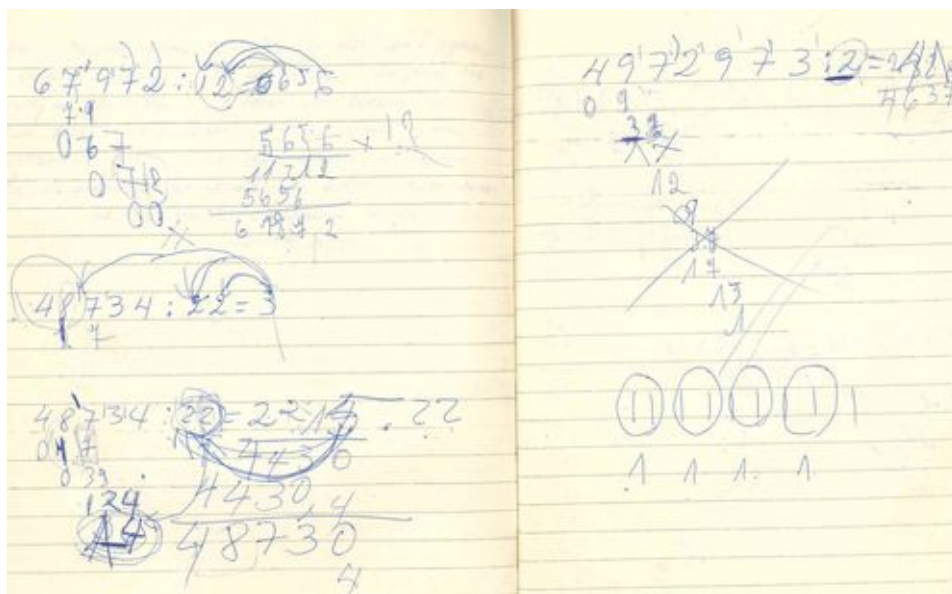

Fig. 3 Interior B

cordillera, tenía los agitados fundos de Pirque al lado, apenas cruzando alguno de los puentes sobre el río Maipo, la frontera entre ambas comunas. De todas formas y aunque era un departamento distinto del de Santiago, para 1970 desde hacía años que se consideraba de alguna forma parte de ese inmenso valle de industrias, chacras y poblaciones que era Santiago Sur en la larga década de 1960 [12; 13].

Además, Puente Alto había sido una zona bastante izquierdista en esos años. Con un alcalde de la UP, tenía no solo la influencia de los movilizados campesinos de sus alrededores durante la Reforma Agraria, sino que su juventud había protagonizado uno de los movimientos más importantes de Santiago antes de la UP. El día 27 de junio de 1970, una movilización estudiantil en Puente Alto termina con un estudiante asesinado a tiros por Carabineros, Claudio Pavez Hidalgo. Los disturbios se desataron por toda la pequeña ciudad, y se prolongaron dos días más, en los que otro estudiante murió luego de una golpiza policial. Finalmente, el día 28 de junio el Gobierno decretó Estado de Emergencia y resolvió militarmente la revuelta. Estudiantil [14]. Puente Alto contenía esa mezcla de reformismo radical en sus campos cercanos, y de revolucionarismo juvenil en sus barrios. Pero, aunque probablemente estos hechos la afectaron, la Población Gabriela estaba algo lejos del centro de Puente Alto. Estaba “ubicada en el paradero 31 de Vicuña Mackenna y 37 de Santa Rosa”*, es decir, a medio camino entre Santiago y Puente Alto, a lo largo de la calle que le daba el nombre a la Junta, Gabriela. Así, el caso que analizamos es uno de una población aislada de la dinámica más intensa del centro de la

* Desde acá y en adelante, todas las citas entre comillas son al “Cuaderno de Actas JAP Población Gabriela”, a menos que explícitamente se indique otra cosa.

ciudad capital, y en una zona de reciente formación*. Así, se trata de una Junta de periferia, y de una población no conocida por su militancia. De ahí, también, que la misión propiamente política asignada a las *JAP*, no estuviese presente en el medio o como prioridad de su fundación, sino más bien las tareas de distribución y abastecimiento.

El acta de fundación de la *JAP* de la población Gabriela es la primera anotación del cuaderno, y está fechada en “el día 12 de mayo, 1973” (ver figura 2). Fue “una actividad masiva, una reunión de la población”, según el documento. La fecha nos indica una *JAP* “tardía”, no surgida ni en el impulso inicial de 1971, ni en la movilización de masas de octubre de 1972. En la periodificación de las *JAP* hecha por Giusti o en aquella más reciente hecha por Cofré, caería en el tercer período, posterior al Paro de Octubre de 1972, y en medio de la crisis general del gobierno de Allende [7, pp. 779-783]. A pesar de esta fundación en el ojo del huracán político de entonces, la coyuntura no fue su principal preocupación.

La asistencia de “vecinos” a la fundación de la *JAP* fue “muy numerosa”, según el acta. Se menciona la participación de 77 personas de la población, de un universo que más adelante se menciona como de “un total de 140”. Esta cifra se refiere probablemente a hogares de la población, y observando la composición de los cargos directivos o de coordinación, eran en su mayoría mujeres. Esto confirma la fuerte feminización de las tareas reproductivas, incluso en momentos de aguda coyuntura política y que ha sido anotado para el período por varias investigaciones [16; 17, pp. 145-160].

En la fundación estuvo presente un “delegado de *JAP* comunal de Puente Alto” y que ofició a modo de “ministro de fe”. Dicha instancia comunal de las Juntas, como se indicó, fue una de las primeras en formarse a nivel nacional. El funcionario en cuestión, según el acta, se le reconoció como el “señor San Martín”, y su rol era ser quien “explica cual era el motivo de esta [la *JAP*]”. En la Población Gabriela aparece aquello del desconocimiento o ambigüedad en los límites y roles que tenían las Juntas.

La “primera medida” que tomó la reunión fundacional, tuvo que ver con la necesidad de crear la Junta. Así, el sentido de contar con una *JAP* en la población se consideró un método de normalizar el abastecimiento y distribución de alimentos, un sistema que para 1973 estaba bastante descompuesto. Así, la reunión comenzó con la “cuenta”, a cargo de “el señor San Martín”, respecto de qué cosa era una Junta de Abastecimiento y Precios. El encargado comunal explicó a la asamblea “los motivos por el cual es muy importante que nuestra población tenga su Junta de Abastecimiento y Precios directamente, y no dependa de otros centros”. La “independencia” de la asamblea de la población para resolver problemas urgentes parece ser una condición relevante, probablemente por la desconfianza en una pronta restauración del ya desarticulado sistema de distribución comercial, y también por el aislamiento del barrio respecto de otras *JAP*. Nuevamente podemos ver que el origen de la *JAP* de la Población Gabriela obedece a motivos cotidianos, o como se anota en el registro de una reunión posterior, “por el bien de nuestra población y porque la

* En los mapas de 1970 de Puente Alto, la mencionada ubicación de la Población Gabriela no aparece como una zona urbanizada, aunque sí están marcadas las calles. Ver: [15].

mercadería sea distribuida en forma oportuna y evitar uno de los problemas más desagradables para nuestras respectivas familias el hacer las colas, para poder conseguir el alimento necesario para nuestros hijos”.

Según el acta, en esta primera reunión fundacional y “después de algunas deliberaciones”, se votó “para elegir de nuestra unidad vecinal e integrar la Junta de Abastecimiento”. Esta se formó a partir de nombrar “a una persona de cada organización formada en nuestra población”, tal y como indicaba el manual de funcionamiento emitido por el Gobierno[8, pp. 767-770]. Así, la *JAP* de la población Gabriela quedó formada por seis personas: “por la Asamblea” fue seleccionada Olga Zárate; “por el club deportivo” se nombró a Mario Bascuñán; por el “Centro de Madres Gabriela” a la señora María Suárez; por el “Centro de Madres Santa Gemita” la señora Silvia Bastías; por la Junta de vecinos, el señor Francisco Espinoza; y en representación del “Centro de Padres y Apoderados”, se nombró a Adriana Astorga. Los cargos se distribuyeron según el principio de representatividad, y así la presidencia recayó en Olga Zárate (con el respaldo de la mayoría de los vecinos reunidos en asamblea), el secretario electo fue Mario Bascuñán; mientras que Espinoza, Suárez, Bastías y Astorga quedaron como directores. Esta directiva supuestamente duraría un año. Sabemos que no alcanzó a cumplirlo, pues apenas cinco meses después de la fundación ocurrió el Golpe de Estado y, con él, la práctica disolución de las *JAP*.

En el afán por conseguir el objetivo de ampliar y mejorar su relación con las clases medias, como se indicó más arriba, la izquierda promovió que las *JAP* integrasen a los comerciantes de las poblaciones en que actuaban. Esto, en general, fue un fracaso [18] y, tal y como se verá en este caso, la distancia o el antagonismo abierto entre comerciantes al detalle y las *JAP* fue un problema sin solución. En la Población Gabriela, el acta indica que se acuerda pedir “que alguno de los 2 comerciantes establecidos también integre esta directiva”. Esto indica que en una primera instancia los comerciantes no fueron incluidos en la convocatoria a la formación de la Junta, y que estos eran comprendidos como parte de la solución más que del problema. Para esta tarea de coordinación, quedó electo Hugo Jara, quien era comerciante de la zona, y así se integró a la directiva de la *JAP* de la Población Gabriela.

Luego de este momento fundacional, la *JAP* se abocó a tareas netamente de construcción de su propia institucionalidad y capacidades, así como a las urgencias propias de la distribución. Así, cuando el 27 de mayo se reunió por primera vez la recién electa directiva de la *JAP* de la Población Gabriela, la primera decisión fue “realizar una nueva encuesta de cada uno de los vecinos y tomar sus datos serios y responsables por parte de ellos, y entregar estos a cada director [de la *JAP*] con fidelidad”. El objetivo parece haber sido establecer un consolidado del total de viviendas y personas que componían la base de la Junta local, pues la directiva anotó que la información que se tenía de anteriores encuestas “no le merecía mayor seguridad”. Así se desprende de un punto aparte del acta de ese día en que se asume como objetivo de la encuesta: “Que se conozca el nº de vecinos que habitan en cada uno de los respectivos domicilios. / Para que así la mercadería que llegue a cualquiera de cada comerciante establecido; se pueda distribuir equitativamente para evitar el problema del desorden y que la mercadería llegue se pueda distribuir con orden para que a sí, cada vecino pueda tocar lo que le corresponde”.

La segunda tarea de la directiva de la *JAP* estuvo en su relación con su simil coordinador de toda la comuna de Puente Alto. El director Espinoza indicó que esta coordinadora se reunía “todos los viernes”, “para a si cada japista informe sobre problemas que aquejan a sus respectivos vecinos sobre la distribución de los alimentos”. A cargo de asistir quedó la presidenta de la *JAP*, Olga Zárate. La directiva consideró dichas reuniones como “de mucha importancia, para saber como y cuando llega mercadería y dar a saber a los comerciantes para su apertura, entrega y distribución de ella”. Como se ve en el acta de la reunión siguiente, esta coordinación no funcionó del todo. Ese día, la presidenta de la *JAP*, Olga Zárate, dio “explicaciones por no haber asistido a la reunión de *JAP* comunal”, argumentando que “en el local de costumbre, la municipalidad, estaba tomada, y en el lugar al cual la enviaron, el salón de actos de Hilos Cadena, no se realizaba, ni se realizaría ninguna reunión”. Por su parte, uno de los directores a cargo de asistir, Espinoza, también de excusó por “motivos de trabajos” y por “tener su vehiculo en panne”. La *JAP* de la Población Gabriela entendía esta relación como fundamentales para “el oportuno envio y distribución de alimentos para nuestra Población”, y les dio esa importancia. Así, se definió que el director Bascuñán acompañaría “a la presidenta para las proximas reuniones, considerando el peligroso retorno al hogar a estas personas”.

Por último, la reunión trató el odioso tema de la “distribución de tarjetas *JAP*”, el que se debía someter a los datos emanados de la nueva encuesta, así “evitar problemas posteriores”. A pesar de eso, la distribución por el momento se haría bajo el criterio de “dar mayor cantidad de mercadería a las familias mas numerosas y a si poder entregar a cada vecino la cantidad según su grupo familiar”. Luego, ese criterio se volvería a revisar. En una reunión registrada el 10 de junio, se acordó una distribución por porcentajes de mercadería según tamaño del grupo familiar, quedando de esta forma: “1) Familia de 10 o mas personas, le corresponde el 150% de la mercadería a repartir. / 2) Familia de 6 a 9 personas, recibían el 100%. / 3) Familia de 3 a 5 personas, el 75%. / 4) Familia de 1 a 2 personas, recibirán el 50% de la mercadería”. De todas formas, esto no solucionó el problema. En las siguientes reuniones se siguen anotando problemas en la distribución de tarjetas, así como acusaciones de corrupción para adelantar puestos en las listas de entrega de las mismas.

Tal vez el único momento en que la *JAP* respondió a una tarea más política, fue cuando fue parte de la expansión del Poder Popular a través de la creación del Comité de Salud local. El director Espinoza, quien parece haber sido bastante activo en las relaciones con las demás organizaciones de base de la comuna de Puente Alto, asistió a una reunión municipal el día 11 de agosto de 1973, y dio su cuenta al día siguiente al directorio de la *JAP* de la Población Gabriela. En ella se tomaron acuerdos “referente a la salud” y “de las necesidades de las poblaciones respecto de las enfermedades y como se tiene que trabajar para poder combatir cualquier emergencia en estos casos”. Así, la *JAP* de la Población Gabriela debía “nombrar algunas personas de la asamblea para poder ocupar los cargos de Director de la Salud”, para lo que fueron electas dos mujeres, confirmando la división de género de las tareas reproductivas, “las señoritas Manuela Ramírez Oshima y la Sta. Marta Ester Celis”. Estos Consejos de Salud fueron instancias que se volvieron muy militantes tras el Paro de Octubre en 1972 y tuvieron un

rol de coordinación y activismo de base, especialmente de izquierda y como parte del Poder Popular [11, p. 96]. Pero en el caso de la Población Gabriela, no se observa una mayor actitud militante.

Como se observa, la *JAP* de la Población Gabriela parece haberle dado escasa importancia a los temas políticos. O bien, sus discusiones políticas no fueron lo suficientemente relevantes como para quedar consignadas en el acta. Como sea, parece haber sido un tema bastante menor respecto de otros, como la distribución de tarjetas, y la consecuente repartición de alimentos y otros bienes; o bien, el problema del pan y la carne, que veremos a continuación. Esto implica discutir la idea de las *JAP* como espacios permanentemente militantes, ya sea en la agitación proclive a la *UP* o en el activismo de denuncia y enfrentamiento a los opositores o “saboteadores” por la base. Por lo menos, en la fuente analizada, las tareas militantes están absolutamente ausentes; mientras que las propiamente administrativas y relativas estrictamente a solucionar problemas distributivos, copan todas sus páginas.

Esta situación no parece haber sido algo exclusivo de la *JAP* de la Población Gabriela. En otras *JAP* al parecer, el análisis se alejaba de la contingencia al punto de desconocer a fondo los problemas políticos que se enfrentaban, como el desabastecimiento más que la mala distribución. Según se registra en el documento, el 28 de julio se realizó una reunión de delegados *JAP* de sus zonas aledañas. La reunión fue “celebrada en la sede de la Población Platina en presencia de todos los delegados de las poblaciones Rendi, Municipal, Platina, Gabriela, Hogar Social (una parte de Villa Las Rosas) y sus pobladores”. La reunión tenía por motivo la carencia de ciertos bienes y servicios en medio de la crisis de abastecimiento que vivió Chile en 1973. Así, la asamblea tomó por acuerdo “solicitar a quienes corresponda una mayor distribución de mercadería debido a que las cantidades entregadas resultan totalmente insuficientes y así lo señalaron los pobladores en su totalidad”. Específicamente, los pobladores se quejaban de “la poca seriedad y de mala distribución del pan señalándose que algunos pobladores quedan sin este vital alimento”. Problemas similares se presentaron con el pollo, y la asamblea determinó “insistir” en “solicitar una mayor cantidad de alimentos como azúcar, arroz y especialmente tratar el grave problema de los detergentes”.

El mismo problema ocurriría con la carne. Una carta enviada por la directiva de la *JAP* de la Población Gabriela al director de SoCoAgro, la empresa estatal que monopolizaba desde 1972 la distribución de casi la totalidad de la carne en Chile y que siempre presentó problemas de funcionamiento durante el gobierno de la *UP* y en su relación con las *JAP* [8, p. 776], planteaba una queja al respecto. La carta reproducida en el acta acá analizada, solicitaba así, que “se provea de carnicería que señala de una mayor existencia de carne que permitiera satisfacer en parte la demanda de las 7 poblaciones [de la zona]”. Aunque la carne escaseaba en Chile desde por lo menos 1972, para la *JAP* de la Población Gabriela, el problema estaba en la distribución y no en el stock.

El desconocimiento de que el problema político estaba en el desabastecimiento de ciertos alimentos, y no en la distribución de los mismos, puede haber sido una consecuencia de la despolitización del desarrollo y actividad de las *JAP* más periféricas. En la última reunión que aparece registrada en el acta antes del Golpe de Estado de 1973, ocurrida el día 12 de agosto, la *JAP* de la

Población Gabriela nuevamente acusa “el grave problema relacionado con la distribución de pan”. Como se indica en el ya citado estudio de Boris Cofré, las dificultades con la harina y el pan en Puente Alto -y en general, en todo el país- eran algo que se arrastraba desde, por lo menos, mediados de 1972, y cuya solución nunca fue satisfactoria [7, p. 233]. La JAP comunal, siempre según el acta, habría informado a la asamblea de la zona de la Población Gabriela, que el pan se repartiría desde las panaderías, las que debían comprometer más de dos tercios de su producción para la distribución en las poblaciones de la comuna de Puente Alto. Solo en un registro de una asamblea, en todos los meses de existencia de la JAP de la Población Gabriela, parece haberse dado un momento de discusión sobre el desabastecimiento como problema basal, cuando los directivos del JAP comunal le dieron “la palabra a la asamblea para saber si están consciente de este desabastecimiento de harina y a que los panaderos se aprovechan en algunas circunstancias para tener mejor utilidad para sus industrias”. No hay otros registros sobre el debate que tal vez sobrevino, o sobre argumentos al respecto. Como se observa en la cita al acta recién hecha, aunque se menciona el desabastecimiento de la materia prima del pan, de inmediato la responsabilidad mayor recae en los panaderos, perdiendo atención. Eso es todo lo que hay respecto de la dificultad nacional de acceso a la harina o a cualquier otro bien, más que de problemas de distribución.

Pero esta solución recién planteada, dependía de dos elementos en los que la JAP tenía particular debilidad. Primero, la escasa formalización de la institucionalidad de las Juntas, hacía difícil ejecutar el complejo plan de distribución. Mientras la asamblea discutía el problema de la cantidad de pan, volvió a emerger el problema de cuánto pan debía ser distribuido por cada hogar o grupo familiar. Así, se propuso decidir las cantidades “por intermedio de una nueva encuesta para saber las necesidades de cada vesino y saber la cantidad de pan que puedan necesitar para sus familias”. Un mes antes del Golpe de Estado y del fin de las JAP y el Gobierno de Allende, las Juntas no parecen haber podido resolver todavía siquiera el problema del universo social que debían asistir y coordinar. En segundo lugar, la apuesta política por producir una alianza de clases con las capas medias, especialmente con el sector de los pequeños comerciantes, como se dijo, terminó en un fracaso. En el caso de la JAP de la Población Gabriela, no hubo mayores diferencias. En las discusiones sobre la distribución de pan y sus problemas, se dejaba en claro que no había mayor acuerdo o coordinación con los comerciantes de la zona. Así, no sabían si el pan que buscaban conseguir en agosto de 1973, sería “traído a nuestra población a un comerciante o a los 3 comerciantes”, pues “todo esto depende según acuerdo que tomen los panaderos para su distribución”. La escasa relación de la JAP con los comerciantes locales se hace visible en la ausencia del delegado electo para estos fines en la primera reunión, y que resultó ser el comerciante Hugo Jara. En la última reunión de la JAP que está en el acta analizada, se da a entender que ese problema no tuvo solución, y se anota que “El sr. Hugo Jara no pudo asistir a esta reunión de japitas, por no habérsele avisado oportunamente”.

Sin anotaciones políticas, sin cierres dramáticos, sin mayores conflictos, el “Cuaderno de actas JAP Población Gabriela” queda vacío desde más o menos un tercio de sus páginas. Se acaba, lo más probable, luego de la última reunión

antes del 11 de septiembre de 1973. Las *JAP* no sobrevivieron a la primera ofensiva antipopular de la Dictadura. Tampoco podrían hacerlo, en la medida que el Estado desde el mismo año de 1973 privatizó o devolvió a privados, las empresas distributivas y de comercio de bienes de consumo básico.

CONCLUSIONES

Como ha indicado Marcelo Casals, la izquierda y el activismo de base que apoyó al Gobierno de la *UP* tuvo escasa comprensión de la radicalización política contrarrevolucionaria que alimentaba la escasez de productos básicos en la población [19, pp. 91-113]. Pero dicho problema parece haber sido más grave en la medida que la ignorancia o desinterés era mayor. Como ha sostenido más recientemente Joshua Frens-String [9], el casi centenario consenso de masas y de partidos políticos de que los problemas de escasez o carestía de ciertos productos y servicios estaba en el momento de la distribución; impedía cualquier aproximación política al problema de la real escasez de ciertos productos importados.

De esta forma, las *JAP*, tal vez por lealtad política, tal vez por ignorancia, no parecen haber sostenido una crítica de base contra el problema de la escasez, ni menos parecen haber realizado como prioridad a una pedagogía del sacrificio. Más bien, en todo momento acusaron los “errores” de las empresas a cargo de la distribución, o bien, simplemente se dispusieron a elaborar métodos de acción que permitiesen perfeccionar la distribución de bienes. Su militatismo, en el caso de la *JAP* de la Población Gabriela, no es un elemento observable, y más bien, se ve cierta búsqueda de una institucionalidad que permita resolver problemas propios del mercado chileno, agravados por el boicot opositor y la crisis política de la Unidad Popular.

Este artículo intentó abordar la cotidianidad del Poder Popular, a través de una fuente muy particular de una organización social del denominado Poder Popular. El objetivo que creemos haber realizado, fue volver a mirar la cotidianidad de los momentos de crisis, así como las organizaciones que se construyen para resolver problemas no políticos y propios de una coyuntura crítica, revolucionaria. Así, como se intentó tratar a lo largo del texto, las tareas administrativas de una institución en medio de una revolución, pueden ser leídas a contrapelo de la clásica lectura sobre la polarización o politización de las instituciones de la vida cotidiana en momentos de conflicto agudo. De esta forma, puede concluirse algo diferente sobre ciertas experiencias de las organizaciones del denominado Poder Popular: existió una persistencia de las tareas administrativas — toda vez que son necesarias para la reproducción material de la vida — ante los llamados a la politización; a la vez que tal polarización política modulaba las formas en que se comprendían dichas tareas, los que lejos de negarlas, las volvían todavía más urgentes. En ello se jugaba también la utilidad del Poder Popular, en mantener y mejorar el estándar de vida de las clases subalternas, en la teoría y práctica las bases sociales de la *UP*, y no solo su carácter de nodo militante de la “Vía chilena al socialismo”.

BIBLIOGRAFÍA / REFERENCES

1. Casals Marcelo. The Chilean counter-revolution: Roots, dynamics and legacies of mass mobilisation against the Unidad Popular. *Radical Americas*. Santiago de Chile, 2021, N 6. Available at: <https://doi.org/10.14324/111.444.ra.2021.v6.1.013>
2. Pinto Vallejos J. Hacer la revolución en Chile // Cuando hicimos historia. Experiencias de la Unidad Popular. Santiago de Chile: LOM, 2005, pp. 9-33.
3. Cancino Troncoso H. Chile: La problemática del poder popular en el proceso de la vía chilena al socialismo 1970-1973. Aarhus, Aarhus University Press, 1988.
4. Gaudichaud F. Chile 1970-1973: mil días que estremecieron al mundo : poder popular, cordones industriales y socialismo durante el gobierno de Salvador Allende. Santiago de Chile: LOM, 2016.
5. Castillo S. Cordones Industriales. Nuevas formas de sociabilidad obrera y organización política popular (Chile, 1970-1973). Concepción: Escapate, 2009.
6. López Dietz, A., Yáñez V. y Muñoz G. Reconstruyendo la Historia con sus protagonistas. Testimonios de los Cordones Industriales. Santiago: IPS, 2015.
7. Cofré Schmeisser B. La lucha por “el pan” y la defensa del “gobierno popular”: las Juntas de Abastecimiento y Control de Precios en la Vía chilena al socialismo». *Izquierdas*. Santiago de Chile, 2018, n.º 41 (agosto), pp. 224-249. Available at: <https://doi.org/10.4067/S0718-50492018000400224>.
8. Giusti J. Participación popular en Chile: antecedentes para su estudio. Las JAP. *Revista Mexicana de Sociología*, México, 1975, 37, pp. 767-788. Available at: <https://doi.org/10.2307/3539742>.
9. Frens-String J. Hungry for Revolution: The Politics of Food and the Making of Modern Chile. Oakland, California: California University Press, 2021.
10. Frens-String J. Communists, Commissars, and Consumers: The Politics of Food on the Chilean Road to Socialism. *Hispanic American Historical Review*, 2018, vol. 98, n.º 3 (1 de agosto de 2018), pp. 471-501. – <https://doi.org/10.1215/00182168-6933567>.
11. Pastrana E. J. y Threlfall M. Pan, techo y poder: el movimiento de pobladores en Chile, 1970-1973. Buenos Aires: Siap-Planteos, 1974.
12. Espinoza V. Para una historia de los pobres de la ciudad. Santiago de Chile: Ediciones Sur, 1988. Available at: <http://www.sitiosur.cl/r.php?id=249>
13. Garcés M. Tomando su sitio: el movimiento de pobladores de Santiago, 1957-1970. Santiago, Chile: LOM Ediciones, 2013.
14. Sáez G. Puente (puño en) Alto el 26 de junio de 1970: De la huelga gremial al levantamiento popular» (Tesis para optar al grado de Licenciado en Historia). Santiago de Chile, Universidad Academia de Humanismo Cristiano, 2021. Available at: <http://bibliotecadigital.academia.cl/xmlui/bitstream/handle/123456789/6560/TLHIS%20228.pdf?sequence=1>.
15. Instituto Geográfico Militar (Chile). San Bernardo [material cartográfico] Instituto Geográfico Militar de Chile. Mapoteca. Disponible en Biblioteca Nacional Digital de Chile. Available at: <http://www.bibliotecanacionaldigital.gob.cl/bnd/635/w3-article-332404.html> Accedido en 30/7/2023.
16. Silva Salinas C. La infancia y el movimiento popular urbano chileno. Una aproximación desde la escuela. CLACSO, 2013. Available at: <http://biblioteca.clacso.edu.ar/clacso/posgrados/20131205122305/Silva.pdf>
17. Iglesias-Vázquez M. La construcción teórica de los movimientos sociales en Chile: El movimiento de pobladores, entre la Sociología y la Historia Social. *Revista Austral de Ciencias Sociales*, 2016, n. 30, pp. 145-60.
18. Casals M. Contrarrevolución, Colaboracionismo y Protesta: La Clase Media Chilena y La Dictadura Militar En La Historia de Chile. Santiago de Chile: Fondo de Cultura Económica, 2022.

19. Casals M. Estado, Contrarrevolución y Autoritarismo En La Trayectoria Política de La Clase Media Profesional Chilena. De La Oposición a La Unidad Popular al Fin de Los Colegios Profesionales (1970-1981). *Izquierdas*, Santiago de Chile, 2018, n.44 (junio), pp. 91-113.

Manuel Loyola (mloyola@uft.cl)

PhD in History, Finis Terrae University, Professor, Chile

Luis Thielemann Hernández (lthielemann@uft.cl)

PhD in History, Finis Terrae University, Professor, Chile

The daily life of popular power: a JAP in the Gabriela neighborhood of Puente Alto. Chile, 1973

Abstract. This article analyzes a record of meetings of a Board of Supply and Prices, of the Gabriela de Puente Alto Town (Chile), whose records cover the months of May to August 1973. The records are observed and analyzed in the document of the problems of daily administration of an institution created within the framework of Popular Power, and of the process of socialist construction of the Popular Unity government, dedicated to coordinating and monitoring the trade of basic goods and services. It is proposed that from the analysis of the source, it can be deduced that the administrative problems were addressed by the JAPs at the distribution level, as a technical and not a political matter, and without noticeable militant activism. In this way, the daily life of a JAP from the urban periphery seems to have been closer to administrative tasks in the socioeconomic crisis at the end of the Popular Unity government, and less to the militancy traditionally assigned to these organizations.

Key words: Supply and Prices Boards; distribution; Popular Unity; shortages; Chilean Road to Socialism.

DOI: 10.31857/S0044748X0027277-3

Received 01.04.2023.

ПОЛИТИКА

В.А.Голиней

Влияние внутренних и внешних факторов на государственность в Латинской Америке

В статье рассматривается понятие «государство» с точки зрения внутренних (каудильизм, неоднородность развития, внутриполитическая борьба) и внешних (межгосударственные войны, интеграционные процессы, политика регионализма и наднациональные институты) факторов, влияющих на его формирование в Латинской Америке. Опираясь на анализ влияния внешних факторов, автор выделяет несколько моделей регионализма, которые, переплетаясь с внутренними факторами, определяют ряд векторов развития государств региона.

Ключевые слова: государство, Латинская Америка, регионализм, политическая интеграция, Mercosur, Тихоокеанский альянс, ALBA.

DOI: 10.31857/S0044748X0027274-0

Статья поступила в редакцию 02.01.2023.

Государство — один из центральных концептов, использующихся в гуманитарных и социальных науках. Несмотря на то, что само понятие «государство» постоянно подвергается всестороннему изучению [1], оно по-прежнему не теряет актуальности в анализе сущностных аспектов и специфических черт, характерных для разных обществ, обладающих уникальным историко-культурным опытом формирования.

Обращение к данной теме неслучайно. В зарубежных и отечественных исследованиях, авторы которых задаются вопросом, что такое государство, существует ли оно само по себе или является производной формой совокупных действий каких-либо акторов [2], можно найти разные подходы. Чаще всего в этом случае затрагиваются отраслевые проблемы, например, аспекты безопасности или административного управления (юридические и нормативно-правовые основы функционирования государства) [3, сс. 425-599],

Владимир Андреевич Голиней — кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИЛА РАН (РФ, 115035, Москва, Б. Ордынка, 21/16, natli2009@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1135-2322>).

различия в идеологических взглядах на «основы» и движущие силы формирования государства (в качестве примера можно привести граммшианскую традицию гегемонизма [4, сс. 18-132]) и т.д. В то же время в западно-европейской политической мысли, в первую очередь в рамках теоретических представлений Макса Вебера [5], развивалось несколько концептов, которые позволяют посмотреть на государство под разными углами зрения. В данной статье речь пойдет о таких понятиях как *state* и *patrimony*, так как, обращаясь именно к ним, можно вычленить ряд особенностей латиноамериканского взгляда на государственность.

В отечественной литературе исследователи чаще обращаются к изучению опыта европейских стран, практически не затрагивая аспекты патриониализма Латинской Америки, который играет большую роль в понимании строительства государства в регионе. Аспекты латиноамериканского регионализма довольно редко рассматриваются с точки зрения их влияния на политику государств в рамках интеграционных процессов и институциональных форм регионального управления. Чаще всего ученые уделяют внимание глобальному контексту и европейскому и североамериканскому опыту. Обращение к анализу вышеописанных аспектов применительно к латиноамериканской действительности определяет актуальность и новизну статьи.

Таким образом, целью данного исследования оказывается выявление сквозь призму регионализма, а также концептов *state* и *patrimony* различных векторов развития государственности в Латинской Америке. Методологической основой работы являются конструктивистский, институциональный и системный подходы, а также анализ концепций регионализма.

ШТРИХИ К ТЕОРЕТИЧЕСКОМУ ПОНИМАНИЮ

Упомянутые выше концепты *state* и *patrimony* оказали прямое воздействие на формирование идей о государственности в Бразилии и бывших испанских колониях, которые, обретя независимость, начали формировать основы собственной государственности. Позже теоретические изыскания были обогащены реальностью, обусловленной человеческой деятельностью. Осмысление этого теоретического и практического наследия дает возможность выделить внутренние и внешние факторы, повлиявшие и продолжающие влиять на процессы государственного строительства в регионе.

Считается, что термин *lo stato*, который стал использоваться для обозначения «государства», впервые употребил итальянский мыслитель и политик Никколо Макиавелли в своем произведении «Государь» в XVI в. Этот термин понимался как выражение некоторого «состояния» и «порядка». «Для Макиавелли государство означало не столько действительность с раздробленностью страны, междоусобицей, сколько состояние, к которому Италии следовало стремиться» [6, с. 42]. При этом некоторые исследователи считают, что концепты «государства» появились в других европейских языках в качестве производных именно от итальянского *lo stato*. На наш взгляд, сами идеи существовали и ранее, хотя касались вопросов территорий. Так, например, привычное английское *state* берет свое начало в XIII в.

от старого французского *estat*, слова, которое напрямую образовалось от латинского *status*, что означает статус, позиция, состояние [7, с. 58]. В политическом контексте *state* стало использоваться как обозначение некоего статуса территории (*condition of the country*) от латинского выражения *status rei publicae* (статус республики) [8]. Уже во времена Вестфальского мира (1648 г.) с развитием философских идей в Англии *state* приобрело окончательное значение как «государство», в которое вкладывалось, в первую очередь, понимание статуса суверенитета правительства, а не просто территории. Для обозначения понятия «территория» чаще стали использовать концепт *country*. Соотношение правительственного и территориального критериев позволило выявить, что основополагающими элементами государства являются не только материальные факторы (земля, общество, его хозяйственная деятельность на этой земле и результаты этой деятельности), но и нематериальные в виде управления [9, с. 94] (форма господства, организации, администрации и политического управления, которые бы определяли суверенитет управляемых территорий). Суверенитет лег в основу понимания любого государства и со временем стал неразрывно связан с посягательствами на него внешних сил, то есть других государств, и также региональных и наднациональных структур.

Другим концептом, раскрывающим сущность государства, следует считать понятие *patrimony*, которое изначально означало «вотчина, наследство» [10]. Это понятие неразрывно связано с патримониализмом, который подробно исследовал М.Вебер, рассматривая различные типы господства и подчинения одной группы людей воле правителя [5, сс. 252-291]. С одной стороны, государство, понимаемое как *patrimony* (вотчина), неразрывно связано с материальным наследием, которое остается от предыдущих эпох и форм развития того или иного общества и наследуется текущим и грядущими поколениями. С другой стороны, патримониализм, будучи «формой политической организации, при которой власть основывается главным образом на личном господстве» [11], актуализирует сущность государственности с точки зрения нематериального наследия и общего достояния — традиции управления (господства и бюрократии). К подобному виду наследия можно отнести «общие институциональные порядки и системы ценностей, которые считаются «унаследованными» от общей власти и обеспечиваются ею» [12, р. 38]. Все эти концептуальные основы *patrimony* подобно внутренним факторам влияют на развитие государственности.

Принимая во внимание переплетение описанных выше концептуальных основ государства и государственности, рассмотрим, как они реализовывались в Латинской Америке.

ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ

Среди внутренних факторов обычно выделяют каудильизм, в рамках которого в одних руках сосредоточены основные факторы производства, что постепенно приводит к формированию местных элит олигархического и авторитарного типа, а в экономике — к созданию больших латифундий. «Любое поместье представляло собой некую модель замкнутого централизованного «государства», в котором асендадо пользовался абсолютной вла-

стью, регулировал все стороны жизни обитателей поместья и требовал от них безоговорочного послушания. Одновременно латифундист выступал в роли покровителя «своих» людей, защищал их интересы, предоставлял работу, пропитание и крышу над головой» [13, с. 164]. При этом, получив власть, местные элиты в первую очередь заботились о личном обогащении и зачастую концентрировались в городах — столицах территориальных образований. Это в свою очередь привело к появлению еще одного труднопреодолимого внутреннего фактора государственного строительства в Латинской Америке — неоднородности территориального развития как стран в целом, так и отдельных районов того или иного государства. Каудильизм и латифундизм, развивавшиеся в XIX и XX в. в Латинской Америке, следует рассматривать не как простой феномен, а как явление, имеющее глубокие корни и причинно-следственные связи для данного региона — своего рода традицию наследия, понимаемую в формате *patrimony*.

В этом же ключе на становление отдельных латиноамериканских государств после обретения ими независимости в XIX в. большое влияние оказала внутренняя борьба элит. Она выражалась в борьбе разных сил за унитарное или федеративное государство, за универсальное единое или конфедеративное пространство. Например, в Объединенных провинциях Рио-де-ла-Платы происходило противостояние между Буэнос-Айресом и прибрежными провинциями с «Лигой внутренних областей» [14], закончившееся образованием Аргентины. В Чили между консервативными и либеральными силами, выступавшими за разные пути развития страны, в 1829—1830 гг. началась гражданская война [15], а в Мексике, от которой начали отделяться центральноамериканские государства, «имея перед собой пример южных вице-королевств и страшась [дальнейшего] распада страны» [16, р. 269], после череды смен унитарного республиканского и монархического управления, в 1824 г. была образована федерация из штатов. В Центральной Америке инициативы по объединению бывших испанских колоний (Гватемала, Гондурас, Коста-Рика, Никарагуа и Сальвадор [17]) в одну территориальную конфедеративную или унитарную страну возникли в первой четверти XIX в., и вплоть до середины XX в. было предпринято восемь попыток объединить разрозненные республики [18, pp. 59-61]. Важную роль в этом процессе играло самоопределение и сознание своей отдельной идентичности и национальности (*patria nacional*) или, напротив, создание единого центральноамериканского отечества (*patria centroamericana* [19, p. 265]).

В итоге во всех новообразованных странах появились политические силы в лице социалистов-утопистов, либералов и консерваторов, которые по-разному видели пути развития своих государств. Представляется, что путь создания национального государства или некоторого «малого Отечества» (по примеру центральноамериканского выбора), которое бы объединяло несколько стран, стало еще одной характерной чертой государственности в Латинской Америке, чертой, которая более столетия приводила к гражданским войнам между основными политическими силами за выбор того или иного вектора развития. Ориентировочно к 1940-м годам внутренняя военная борьба между местными каудильо или иными формированиями сменилась внутренней политической борьбой, т.е.

противостоянием между партиями и их представителями сугубо в рамках политического поля. Это стало возможным в результате длительного идеологического размежевания между собой политических сил и созданием в это время политических систем.

Отдельно стоит упомянуть Бразилию. В XIX — начале XX вв. бразильские интеллектуалы представляли свою страну как самобытное пространство, «безмерный, огромный остров, который сам по себе являлся континентом» [20, р. 13], и отличается от соседей по Западному полушарию не только формой правления (большую часть XIX в. Бразилия была монархией), но и социально-культурными корнями. Имея схожий с другими латиноамериканскими странами набор внутренних факторов и проблем в виде коронелизма* [22], внутренней борьбы элит, которая в первой половине XX в., например, была связана с «политикой кофе с молоком»**, и вызванного вследствие этой борьбы неоднородности территориального развития (например, «в период с 1922 по 1964 г. в стране произошло 16 крупных и средних военных и военно-гражданских переворотов, которые существенно замедлили ее социально-экономическое и политическое развитие» [24, с. 62]), Бразилия все же отличалась особой самобытностью, которую легче воспринять, если обратиться к пониманию патримониализма [25], уходящего корнями в колониальный период.

Португальская колониальная империя отличалась от испанской и представляла собой довольно сложное государство. «Концентрация власти и богатства в руках государя являла собой аналог ассоциации последнего с дворянством, духовенством и «людьми удачи» самой страны и за рубежом [в колониях] в общем военном, экономическом, политическом и религиозном предприятии» [26, р. 34] — строительстве государства. Поэтому не стоит удивляться, что традиции управления в Бразилии, ее бюрократический аппарат и некоторый экономический и политический *ethos**** также были привнесены Португалией. «Бразильская империя строилась на прочной базе патриархальной концепции власти, уходящей корнями в португальскую политическую традицию. Такая основа прекрасно легла на ментальную архитектуру рабовладельческого общества в период империи» [27, сс. 136-137], предопределила развитие бразильского латифундизма и политического стиля государственного строительства, несколько отличающегося от аналогичных процессов, происходивших в соседних латино-

* От порт. *coronel* — «полковник» как «предводитель», «политический лидер». Система коронелизма как власти местных каудильо, сформировавшаяся на Северо-Востоке страны, означала политический контроль соперничавших между собой семейных кланов сельской аристократии над определенными регионами и муниципиями [21, с. 188].

** Смыслом данной политики являлось чередование руководства страны, преимущественно избираемого из штатов Сан-Пауло (где производили кофе) и Минас-Жераис (где производили молоко), для чего требовалась безоговорочная поддержка федеральным правительством руководства штатов в обмен на обеспечение избрания пропрезидентских депутатов в Законодательное собрание [23].

*** Этос (греч. *ἦθος*) — набор убеждений, идей и т.д. о социальном поведении и взаимоотношениях в обществе.

американских странах как в XIX в., так и в XX при строительстве «нового государства» (*Estado Novo*) и современной Бразилии.

ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ

Помимо описанных выше внутренних факторов существовали внешние, которые, как было отмечено в начале статьи, оказывали влияние на такой аспект государства, как суверенитет (*state*). К одним из таких факторов стоит отнести различные войны с интервентами (Великобританией, Испанией, США, Францией) и с соседями.

Самым кровопролитным межгосударственным конфликтом в латиноамериканском регионе считается война Парагвая против Тройственного альянса в составе Аргентины, Бразилии и Уругвая (1864—1870 гг.). Эта война оставила глубочайший след в истории каждой из участвовавших в ней стран и серьезно повлияла на национальную идентичность, государственное и институциональное строительство не только, например, Парагвая [28], но и Бразилии.

Всего же почти за 200 лет в Латинской Америке произошло порядка 28 межгосударственных войн, что, конечно, меньше, чем внутригосударственных — 65 [29, pp. 44-46]. Тем не менее любая война с внешним противником всегда способствовала сплочению людей, проживающих в одной местности, влияла на самоидентификацию народов, формируя историческую память и «лицо» страны.

Другие внешние факторы начали проявляться во второй половине XX в. и связаны с процессом становления региональных интеграционных объединений и международной системы отношений в целом. В ходе развития глобализации и установления более сплоченного мира суверенитет стал размываться из-за деятельности транснациональных компаний и вследствие появления региональных и наднациональных структур. Наличия органов управления регионального или общемирового уровня следует рассматривать как важный фактор, оказывающий существенное влияние на государственность тех или иных стран, особенно в Латинской Америке.

Известно, что для вступления в региональные объединения необходимо соблюдать определенные условия и «правила» функционирования членов внутри организации. В ходе развития интеграционных процессов каждое государство частично теряет суверенитет, который восполняется интеграционными институтами и бюрократическим аппаратом, что в то же время вынуждает страны изменить свою внутреннюю политику, для того чтобы соответствовать выработанным критериям. То есть мы можем предположить, что подобный внешний фактор отображает трансляцию принципов функционирования региональных процессов сверху вниз, что влияет на государственное строительство и суверенитет. Например, принципы функционирования Организации американских государств (*Organization of American States, OAS*) в середине XX в. не предусматривали, что членами организации могут быть коммунистические страны, поэтому из *OAS* было исключено правительство Кубы, а дальнейшие действия США и самой организации были нацелены на смену правящего режима на «Острове Свободы», что напрямую влияло на суверенитет и государственность карибской республики.

В Латинской Америке влияние региональных структур управления также проявляется не просто на примере разных интеграционных объединений, а в ходе реализации тех или иных моделей политики регионализма. Данный концепт (регионализм) часто путают с процессом регионализации, так как многие исследователи видели под регионализмом региональную интеграцию. Однако регионализм необходимо понимать, как «политику и проект, посредством которых государства и негосударственные субъекты сотрудничают и координируют между собой стратегию в рамках конкретного региона» [30, р. 24]. Данная стратегия влияет на суверенитет стран и охватывает несколько процессов, из которых наиболее значимыми являются централизация и автономизация.

Некоторые государства могут образовывать регион в процессе группирования, а другие, в свою очередь, останутся «суверенными», следуя национальным интересам. «Идея автономии [суверенитета], направленная на преодоление подчиненности... стран перед крупными державами международной системы» [31, р. 7], имеет важное значение в регионализме. Эта идея объясняет поведение государств, находящихся в одном пространстве. В случае, когда страны сталкиваются с общими угрозами и проблемами безопасности, то чаще всего происходит сближение, которое приводит к региональному сотрудничеству и формированию структур, фиксирующих правила этого взаимодействия в виде каких-то институтов (организаций). Однако в то же время происходят и центробежные процессы, которые могут «открыть» суверенитет более слабых и мелких стран. Ответом на процесс централизации таких стран является автономизация, когда они создают суверенную «зону интересов» [32, pp. 250-282], фиксируя свою специфику и выбивая себе больше автономных преференций. Оба процесса могут быть отождествлены с регионализацией, которая будет проходить в виде региональной интеграции, в то время как содержательный аспект централизации и автономизации будет представлен политикой государств, то есть регионализмом. Необходимо также учитывать наличие или отсутствие регионального лидера, который будет проводить политику регионализма в той или иной форме.

Исходя из анализа процессов региональной централизации и автономизации, в Латинской Америке можно выделить несколько моделей регионализма, каждая из которых по-своему будет влиять на государство — участника региональных объединений. Первая модель — институционально-централизованная, модель ортодоксального регионализма. Она ориентирована на внутреннее межрегиональное сотрудничество. В рамках этой модели долгое время реализовывалась идея десаррольизма и неodesаррольизма* — экономической теории на основе политики «ускоренной индустриализации с активным участием иностранного капитала, укреплением госсектора, развитием демократических порядков и обеспечением основных гражданских прав и свобод самых широких слоев населения» [33, с. 54]. Эта модель соответствует такому региональному объединению, как

* Десаррольизм (от исп. *desarrollo* — развитие) — теория модернизации в странах Латинской Америки.

Общий рынок стран Южного конуса (*Mercado Común del Sur, Mercosur*), опыт формирования которого был частично скопирован с Европейского союза [34]. В *Mercosur*, как и в Евросоюзе, был создан полноценный таможенный союз, а затем были предприняты попытки создания единого парламента и иных наднациональных структур управления [35], как в Европе. Государства, ставшие участниками *Mercosur* или стремящиеся присоединиться к нему, вынуждены соблюдать определенные критерии. Например, вследствие нарушения одного из таких критериев, как несоблюдение гражданских прав, статус Венесуэлы был понижен до ассоциированного члена. Когда в Венесуэле начался политический кризис, страны — участницы *Mercosur* выступили за необходимость диалога между правительством и оппозицией, однако нормализации ситуации в Венесуэле не последовало, что повлекло за собой включение механизмов Ушуйского протокола *Mercosur*, который предписывал Венесуэле «выполнение всех обязательств в сфере торговли и прав человека» [36, с. 84]. В то же время некоторая идеологическая ангажированность данного решения была продиктована общерегиональным сплочением стран против Венесуэлы и связана с процессом «правового поворота», последствия которого можно считать ярким примером влияния внешнего фактора на строительство «государства» в регионе. Несмотря ни на что, Венесуэле удалось отстоять свое право на существование в той форме, которую она обрела после прихода в 1999 г. к власти Уго Чавеса (1999—2001, 2002—2013 гг.). Именно благодаря этому деятелю Венесуэла также стала одним из немногих государств Латинской Америки, которое начало продвигать свою альтернативную политику регионализма (постгегемонистский регионализм) в виде Боливарианского альянса (*Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América — Tratado de Comercio de los Pueblos, ALBA-TCP*). Формат *ALBA* стоит считать второй централизованной моделью региональных организаций, только в случае с ней речь идет не об институционально-централизованной форме, а о государственно-центричной, так как деятельность *ALBA* целиком и полностью зависит от ресурсов и социально-экономической ситуации лишь одного государства объединения — Венесуэлы. «Каракас всегда был ядром *ALBA* благодаря своему геополитическому авторитету и финансовым вливаниям в экономики партнеров. В июне 2005 г. Венесуэла запустила проект *Petrocaribe*, в рамках которого экспортировала энергоресурсы в страны Центральной Америки и Карибского бассейна на льготных условиях, тем самым заручившись их поддержкой» [37, с. 60]. Сплотив вокруг себя единомышленников, разделяющих принципы «Социализма XXI века», внутрирегионального сотрудничества и ориентации государства на строительство социалистической модели, Венесуэла активно проводила антиимпериалистическую политику. С падением доходов от нефти активность Венесуэлы также стала снижаться, минимизировав функционал *ALBA*, из которого по идеологическим причинам вышел Эквадор, отказавшийся от формата социалистического государства.

Абсолютно иной представляется третья модель регионализма — автономно-открытая (иногда ее именуют постлиберальной [38]), которую выстраивают Мексика, Колумбия, Перу и Чили в рамках Тихоокеанского альянса (*Alianza del Pacífico, AP*). Страны, входящие в альянс, стремятся к со-

зданию многовекторного свободного сотрудничества не столько между собой, сколько в первую очередь с другими внерегиональными государствами через зоны свободной торговли (ЗСТ), полагаясь на идеи экономической либерализации и открытого регионализма. Идеи открытого регионализма в экономической сфере развивались в 1990-е годы и были прямым следствием политических решений в рамках Вашингтонского консенсуса. В то же время «открытость» означала копирование модели регионализма, предлагаемой США, а именно — создание не жестко институционализированных объединений, возникающих путем оформления ЗСТ, например, Североамериканского соглашения о свободной торговле (*North American Free Trade Agreement, NAFTA*), а в дальнейшем нереализованной Всеамериканской зоны свободной торговли (*Free Trade Area For Americas, FTAA*).

Подобная автономно-открытая модель значительно отличалась от более государственно ориентированной формы таможенного союза *Mercosur*, и тем более от антинеолиберальной повестки *ALBA*. Стратегия регионализма *Mercosur* была направлена на сплочение стран внутри Южной Америки, в то время как стратегия *AP* сводилась к тому, чтобы укрепить свои позиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), т.е. «легализовать» большое количество ЗСТ, которые были созданы этими странами с государствами АТР. Краеугольным камнем позиции Мексики, Колумбии, Чили и Перу была ориентация на АТР, чтобы закрепить и улучшить положение стран в этой бурно развивающейся части мира [39, pp. 85-87]. Следовательно, модель *AP* меньше всех затрагивает аспекты корректировки государственности в странах-участницах, так как их основной вектор сотрудничества и политика регионализма — это взаимодействие с внешними международными акторами (азиатскими государствами в первую очередь). Представляется, что вопросы внутригосударственного строительства государств — членов *AP* отходят на второй план, хотя в перспективе тенденции нарастания противоречий в объединении будут связаны именно с этой областью. Следует также отметить нацеленность на институционализацию интеграционных процессов в АТР, где свои «правила» будет диктовать Китай.

ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Если подводить некоторый итог рассматриваемым процессам влияния внешних факторов на государственность в Латинской Америке, то можно отметить, что, учитывая наличие нескольких форм регионализма, государства группируются между собой в зависимости от объединяющей повестки, которая будет различаться в идеологическом плане и влиять на их внутреннюю политику (т.е. патримониализм — политическое устройство и управление). Переплетение внешних и внутренних факторов становится хорошо заметным, когда речь заходит о превалировании тех или иных политических сил внутри той или иной страны (правые, левые и центристы). Политическая ориентация заставляет государства Латинской Америки искать себе союзников в регионе, а также бороться с оппозицией внутри. Поиск союзников (внешняя политика) и борьба (внутренняя политика) напрямую соотносятся с по-

литикой регионализма в Латинской Америке. Таким образом, соединяя внутренние и внешние факторы, мы можем выделить три вектора развития «государства» в регионе.

Первый вектор — «синий» консервативный, которому соответствует институционально-централизованная модель регионализма. Этот вектор подразумевает, что стабильное развитие государства возможно при нахождении точек соприкосновения и компромиссов между правыми и левыми политиками, где основную роль будут играть центристские силы, воплощающие в жизнь, например, в экономике, как рыночные принципы, так и элементы нерыночного характера. Развитие интеграционных процессов в этом случае может происходить по модели *Mercosur* с экстраполяцией на весь регион, например, может быть реанимирован проект *Merconorte*.

Второй вектор — «красный» левый, которому соответствует государственно-центричная модель регионализма. Этот вектор развития социалистического государства возможен в странах, поддерживающих принципы «Социализма XXI века». В то же время стоит отметить, что при вхождении в региональные объединения других моделей, страны данного вектора будут сталкиваться с необходимостью смены своей государственности: в организациях, где будут превалировать центристы, левые могут попадать в ситуацию некоторых требуемых, но не экзистенциальных изменений. А в организациях с превосходящими правыми политическими силами, левым предстоит выбор: или выход, или полная перекройка внутренней системы.

Третий вектор — «желтый» правый, которому соответствует автономно-открытая модель регионализма. Данный вектор подходит тем странам, которые разделяют неолиберальный подход. Ввиду того, что стратегия регионализма данной модели предполагает, в первую очередь, сотрудничество с внерегиональными акторами (в АТР и не только), интеграционные процессы в Латинской Америке в данном случае будут тормозиться, а повестка латиноамериканского единства будет нестабильна. При этом, в случае выстраивания в АТР более институционализированных (наднациональных) структур в виде Транстихоокеанского партнерства (*Trans-Pacific Partnership, TPP*) или Всестороннего регионального экономического партнерства (*Regional Comprehensive Economic Partnership, RCEP*), может случиться так, что макрорегиональная повестка выдвинет свои условия для латиноамериканских государств, что заставит их пересмотреть некоторые внутренние принципы, то есть повлияет на их государственность и суверенитет.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Государство в политической науке и социальной реальности XXI века. М., Весь Мир, 2020, 384 с. [Gosudarstvo v politicheskoy nauke i sotsial'noy real'nosti XXI veka. [State in political science and social reality of the XXI century]. Moscow, Ves Mir, 2020, 384 p. (In Russ.).]
2. Steinberger P.J. The Idea of the State. Cambridge, Cambridge University Press, 2005, 344 p.
3. «25 лет внешней политике России»: сб. материалов X Конвента РАМИ. Т.2: Россия и современный мир: политика и безопасность. Ч.2. М., МГИМО-Университет, 2017, 599 с. [“25 let vneshney politike Rossii”: sb. materialov X Konventa RAMI. T.2: Rossiya i sovremennyy mir: politika i bezopasnost'. Ch.2. [“25 Years of Russia's Foreign Policy”: Sat. materials

of the X RAMI Convention. Vol.2: Russia and the modern world: politics and security. Part 2]. Moscow, MGIMO-University, 2017, 599 p. (In Russ.).

4. Грамши А., Лукач Д. Наука политики. Как управлять народом. М., Алгоритм, 2017, 336 с. [Gramsci A., Lukács G. Nauka politiki. Kak upravlyat' narodom. [The science of politics. How to manage the people]. Moscow, Algoritm, 2017, 336 p. (In Russ.).

5. Вебер М. Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии (в 4-х томах). Т.1. Социология. М., Изд. дом Высшей школы экономики, 2016, 448 с. [Veber M. Khozyaystvo i obshchestvo. Ocherki ponimayushchey sotsiologii (v 4-kh tomakh). [Economy and society. Essays on understanding sociology (in 4 volumes)]. Volume 1. Sociology. Moscow, Ed. House of the "Higher School of Economics", 2016, 448 p. (In Russ.).

6. Мартышин О. В. К истории формирования понятия «государство». *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина*. М., 2018, №4(44), сс.37-48. [Martyshin O.V. K istorii formirovaniya ponyatiya «gosudarstvo» [The History of the Generation of the Concept of "State"]. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. Moscow, 2018, N4, pp. 37-48 (In Russ.).

7. Голиней В.А. Полюс как элемент системы международных отношений в XXI в. *Век глобализации*. М., 2019, №1, сс.55-67. [Golinyey V.A. Polyus kak element sistemy mezhdu-narodnykh otnosheniy v XXI v. [Pole as an element of the system of international relations in the XXI century]. *Vek globalizatsii*. Moscow, 2019, N1, pp. 55-67 (In Russ.).

8. Etymology of «state». Online Etymology Dictionary. Available at: <https://www.etymonline.com/word/state> (accessed 16.03.2023).

9. Челлен Р. Государство как форма жизни. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). [Chellen R. Gosudarstvo kak forma zhizni. [State as a form of life]. Moscow. Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2008, 319 p. (In Russ.).

10. Patrimony definition in Russian. Multitran Dictionary. Available at: <https://www.multitran.com/dictionary/english-russian/patrimony> (accessed 16.03.2023) (In Russ.).

11. Bakker J.I. Patrimonialism. Encyclopaedia Britannica. Available at: <https://www.britannica.com/topic/patrimonialism> (accessed 16.03.2023).

12. Ilyin M. Patrimonialism. What is behind the term: ideal type, category, concept or just a buzzword? *Redescriptions*. Manchester, Spring 2015, Vol. 18, N 1, pp. 26-51.

13. Посконина О.И. История Латинской Америки (до XX века). М., Весь Мир, 2005, 248 с. [Poskonina O.I. Istoriya Latinskoy Ameriki (do XX veka). [History of Latin America (until the 20th century)]. Moscow, Ves Mir, 2005, 248 p. (In Russ.).

14. Herrero F. Conflictos políticos y definición de identidades de facciones. Entre la caída de la presidencia de Rivadavia y el conflicto de las Ligas del Litoral y del Interior, 1827-1831. *Anuario IEHS*. Tandil, vol.36, N 1, 2021, pp. 61-83.

15. Verbal V. La modernidad en disputa: La temprana ruta chilena al constitucionalismo (1823-1833). *Derecho Público Iberoamericano*. Santiago de Chile, 2022, N 20, pp. 43-68.

16. Escalante Gonzalbo P. Nueva Historia Mínima de México. México, Secretaría de Educación del Gobierno del Distrito Federal, El Colegio de México, 2018, 551 p.

17. Taracena Arriola A. Nación y República en Centroamerica (1821-1865). *Identidades nacionales y Estado moderno en Centroamérica* Arturo Taracena Arriola, Jean Piel. Editorial Universidad de Costa Rica, 1995. Available at: <https://books.openedition.org/cemca/3214> (accessed 23.03.2023).

18. Soto Acosta W. y Suárez Ulloa M. Centroamérica: casa común e integración regional. San José, Costa Rica, Lara Segura and Asociados, 2014, 284 p.

19. Vázquez Vicente G. Nacimiento y ocaso de la Federación de Centro América: entre la realidad y el deseo. *Revista Complutense de Historia de América*. Madrid, 2011, vol. 37, pp. 253-275.

20. da Silva Prado E.P. A ilusão americana Brasília. Brasília, Edições do Senado Federal, vol.11, 2010, 120 p. Available at: https://www2.senado.leg.br/bdsf/bitstream/handle/id/1095/000661687_Ilusao_americana.pdf (accessed 23.01.2022).

21. Окунева Л.С. Бразильские правые: краткий очерк исторической траектории в XX – первой четверти XXI в. *Латиноамериканский исторический альманах*. Москва, 2022, № 37, сс. 185-212 [Okuneva L.S. Brazil'skiye pravyye: kratkiy ocherk istoricheskoy

trayektorii v XX – pervoy chetverti XXI vv. [Brazilian Right: brief outline of historical trajectory in the XX – first quarter of the XXI centuries]. *Latin American Historical Almanac*. Moscow, 2022, pp. 185-212 (In Russ.).

22. Oliveira J.F. Origens, desenvolvimento e aspectos do coronelismo. *Revista Sem Aspas*. Araraquara, jan./jun. 2017, vol. 6, N 1, p. 74-84.

23. Лазарев А.В. В тисках элит. Исторический проект «Бразилия». М., Товарищество научных изданий КМК. 2020, 260 с. [Lazarev A.V. V tiskakh elit. Istoricheskiy proyekt «Braziliya». [In the clutches of the elites. Historical project “Brazil”]. Moscow, Association of Scientific Publications KMK, 2020, 260 p. (In Russ.).

24. Мартынов Б.Ф. Бразилия – гигант в глобализирующемся мире. М., Наука, 2008, 320 с. [Martynov B.F. Braziliya – gigant v globaliziruyushchemsya mire. [Brazil as a giant in the globalizing world]. Moscow, Nauka, 2008, 320 p. (In Russ.).

25. Júnior A.P. Florestan Fernandes e o conceito de patrimonialismo na compreensão do Brasil. *Plural - Revista de Ciências Sociais*. São Paulo, vol.19, N 2, 2012, pp. 9-27.

26. Fernandes F. A sociedade escravista no Brasil. *Fernandes Florestan. Circuito Fechado*. 2a ed. São Paulo, Hucitec, 1977, pp. 11-54.

27. Малерба Ж. Бразильское наследие: конструкция и деконструкция Бразилии в XIX и XX вв. *Латиноамериканский исторический альманах*. Москва, 2014, №14, сс.136-155. [Malerba Zh. Brazil'skoye naslediye: konstruktziya idekonstruktziya Brazili v XIX i XX vv. [Brazilian heritage: construction and deconstruction of Brazil in the 19th and 20th centuries]. *Latin American Historical Almanac*. Moscow, 2014, pp. 134-155 (In Russ.).

28. Кудеярова Н.Ю. Война Парагвая против Тройственного альянса. Историческая память и поиск основ идентичности. *Латинская Америка*. Москва, 2022, №1, сс. 23-37. [Kudeyarova N.Yu. Voyna Paragvaya protiv Troystvennogo al'yansa. Istoricheskaya pamyat' i poisk osnov identichnosti. [Paraguay's war against the Triple Alliance. Historical memory and the search for the foundations of identity]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2022, N 1, pp. 23-37 (In Russ.).

29. Centeno M.A. Blood and Debt: War and the Nation-State in Latin America. State College, Penn State Press, 2002, 344 p.

30. Farrell M., Hettne B. and van Langenhove L. Global Politics of Regionalism. London, Pluto Press, 2005, 336 p.

31. Rivarola Puntigliano A. and Briceño Ruiz J. Resilience of Regionalism in Latin America and the Caribbean: Development and Autonomy. London, Palgrave Macmillan, 2013, 273 p.

32. Fawcett L. and Hurrell A. Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order. New York, Oxford University Press, 1995, 356 p.

33. Яковлев П.П. Перед вызовами времени (циклы модернизации и кризисы в Аргентине). М., Прогресс-Традиция, 2010, 464 с. [Yakovlev P.P. Pered vyzovami vremeni (tsikly modernizatsii i krizisy v Argentine). [In front of the challenges of the time (modernization cycles and crises in Argentina)]. Moscow, Progress-Tradicija, 2010, 464 p. (In Russ.).

34. Кузнецов Д.А. Траектории регионального развития Латинской Америки в XXI веке. *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. Москва, 2020, № 2, сс.44-70. [Kuznetsov D.A. Trayektorii regional'nogo razvitiya Latinskoy Ameriki v XXI veke. [Latin America in the 21st century: regional development trajectories]. *Bulletin of Moscow University. Series 25. International Relations and World Politics*. Moscow, 2020, N 2, pp. 44-70 (In Russ.).

35. Instancias Supranacionales en el MERCOSUR. Parlamento MERCOSUR. Available at: <https://www.parlamentomercosur.org/innovaportal/v/884/2/parlasur/instancias-supranacionales-en-el-mercosur.html> (accessed 21.04.2023).

36. Хейфец В.Л., Хадорич Л.В. Кризис в Венесуэле и региональная интеграция. *Мировая экономика и международные отношения*, 2017, т. 61, № 5, сс. 79-87 [Kheifets V.L., Khadorich L.V. Krizis v Venesuele i regional'naya integratsiya. [Venezuelan crisis and regional integration]. *World Economy and International Relations*. Moscow, 2017, vol. 61, N 5, pp. 79-87 (In Russ.).

37. Посашкова А.В. Венесуэльский кризис как угроза региональной интеграции в Латинской Америке. *Латинская Америка*. Москва, 2018, № 3, сс. 56-66 [Posashkova A.V.

Владимир Голиней

Venesuel'skiy krizis kak ugroza regional'noy integratsii v Latinskoy Amerike. [The Venezuelan crisis as a threat to regional integration in Latin America]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2018, N 3, pp. 56-66 (In Russ.).

38. Разумовский Д.В. Конец постлиберального регионализма в Латинской Америке? *Латинская Америка*. Москва, 2018, № 1, сс. 25-44 [Razumovskiy D.V. Konets postliberal'nogo regionalizma v Latinskoy Amerike? [The End of Post-Liberal Regionalism in Latin America?]. *Latin America*. Moscow, 2018, N 1, pp. 25-44 (In Russ.).

39. Marchini G. La Alianza del Pacífico a ocho años de su creación. Balance crítico y perspectivas. *Anuario Latinoamericano – Ciencias Políticas y Relaciones Internacionales*. Lublin, 2019, vol. 7, pp. 75–109.

Vladimir A. Goliney (natli2009@yandex.ru)

Cand. Sci (Politology), Senior researcher at the Department of political studies of Latin America Institute of the Russian Academy of Sciences

B. Ordynka Str., 21/16, 115035, Moscow, Russian Federation

The influence of internal and external factors on statehood in Latin America

Abstract. The current article examines the concept of “state” taking into accounts internal and external factors influencing statehood’s formation in Latin America. Internal factors are caudilism, heterogeneity of development, internal political struggle and external are interstate wars, integration processes, the policy of regionalism and supranational institutions. The author identifies several models of regionalism and vectors of development of states in Latin America, by analyzing the influence of intertwined internal and external factors.

Key words: state, Latin America, regionalism, political integration, MERCOSUR, Pacific Alliance, ALBA.

DOI: 10.31857/S0044748X0027274-0

Received 02.01.2023.

Н.С.Константинова

Культурная политика Луиса Инасиу Лулы да Силвы (2003—2010)

Статья посвящена культурной политике, проводившейся президентом Бразилии Луисом Инасиу Лулой да Силвы в период его нахождения у власти с 2003 по 2010 г. Этот феномен рассматривается в хронологическом порядке — соответственно, на первом (2003—2007 гг.) и втором (2007—2010 гг.) этапах правления Лулы. Предварительно дается краткий исторический экскурс и характеризуются те традиции, которые были заложены в сфере культуры на предшествующих исторических этапах. Подчеркивается принципиально иной подход к политике в области культуры, которая была провозглашена одним из приоритетных направлений деятельности нового президента и его кабинета министров в русле процессов демократизации страны. Особое внимание уделяется роли министерства культуры в реализации тех задач, которые предстояло решить в рамках новой концепции культурной политики, сформулированной главой государства и министром культуры Жилберту Жилом практически сразу после их вступления в должности. Автор отмечает как значительные успехи, достигнутые на протяжении двух мандатов нахождения Лулы у власти, так и проблемы, с которыми пришлось столкнуться на пути осуществления многочисленных планов и проектов.

Ключевые слова: культурная политика, Лула, министерство культуры, культурные центры, демократизация.

DOI: 10.31857/S0044748X0027275-1

Статья поступила в редакцию 05.02.2023.

Культура — это то, что остается, когда все остальное забыто.

Эдуар Эррио

ПЕЧАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ

Победа на выборах в Бразилии в 2023 г. Луиса Инасиу Лулы да Силвы (род. в 1945 г.) вновь вызвала взрыв интереса к фигуре этого политического деятеля, уже находившегося у власти два срока, — с 2003 по 2010 г.

Наталья Сергеевна Константинова — кандидат исторических наук, руководитель Центра культурологических исследований Института Латинской Америки РАН (РФ, 115035 Москва, ул. Б.Ордынка 21, natkonst@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7599-9264>).

Луис Инасиу Лула да Силва

В связи с этим как в самой Бразилии, так и за ее пределами невольно встает вопрос: что можно ждать на новом этапе правления Лулы (так сокращенно принято называть этого человека)? Будет ли его политика продолжением курса, проводившегося на предыдущих президентских сроках, или же она изменится и, если изменится, то насколько кардинально и в каком направлении? Полагаю, что на сегодняшний день дать исчерпывающий ответ на эти вопросы не сможет никто. Как говорится, время покажет.

Однако прогноз сделать можно, так как есть, на что опереться: объективное состояние бразильской экономики, сложившиеся социально-политические условия, не вызывающие серьезных «разночтений», и, наконец, психология личности и сам Лула как личность. Компаративный анализ всех этих факторов и стал методологией, позволившей сделать некоторые выводы, которые будут приведены в конце статьи. Кроме того известно, что программные заявления Лулы в области культурной политики традиционно имели важное значение в его предвыборной борьбе за президентское кресло. Отсюда возникла идея обратиться именно к его политике в сфере культуры.

Представляется, что было бы целесообразно вспомнить о том, что сделал нынешний глава Бразилии на протяжении двух предыдущих мандатов в разных сферах и, в частности, в области культуры. Объективное рассмотрение культурной политики Лулы невозможно без ретроспективного взгляда на те традиции, которые сложились к моменту его вступления в должность в этой сфере и которые авторитетный бразильский исследователь Антониу Анелус Канелус Рубим охарактеризовал не иначе как «печальные». При этом он акцентировал внимание на трех из них, обозначив тремя ключевыми словами: отсутствие, авторитаризм и нестабильность [1, р. 164].

Под отсутствием понимались минимизация роли государства в культурной сфере и отношение к культуре, прежде всего, как к «хорошему бизнесу». Не удивительно, что подобная ситуация напрямую влияла на контент культурной продукции, поскольку, как известно, кто платит, тот и заказывают музыку. В итоге роль государства фактически взял на себя рынок. Такая культурная политика опиралась на принятый в 1991 г. «Закон Руанета», названный по имени его автора — министра культуры в правительстве президента Фернанду Коллора (1990—1992 гг.). Закон предусматривал значительные налоговые льготы юридическим и физическим лицам, вкла-

дывавшим в культуру, что, как показала практика, приносило инвесторам весьма ощутимую прибыль.

Другая «печальная традиция» заключалась в том, что, как это ни парадоксально, до наступления XXI в. наибольшее внимание в культурной политике уделялось в периоды авторитарных режимов, когда власти понимали, что культуру нельзя пускать на самотек, что необходимо максимально ее контролировать и использовать в своих идеологических целях. Так было в период диктатуры Жетулиу Варгаса (1930—1935 гг.), так было и во времена военных режимов 1964—1985 гг.

И, наконец, еще один камень преткновения — нестабильность и, как следствие, отсутствие преемственности. «Сочетание отсутствия и авторитаризма порождало нестабильность — третью печальную традицию национальной культурной политики, которая влекла за собой институциональную непрочность созданных ранее культурных учреждений» [1, р. 190].

Придя к власти, Лула сразу декларировал исключительную важность культурной политики и кардинального пересмотра «наследства», оставленного его предшественником, — сторонником неолиберализма Фернанду Энрики Кардозу (1995—2003 гг.). Взгляд на культуру как на «хороший бизнес» противоречил принципам концепции культурной политики, которая выстраивалась на международном уровне с 1970-х годов и основывалась на совместных действиях и разделении полномочий по принятию решений между государством и гражданским обществом. Именно эти критерии легли в основу культурной политики с самого начала правления Лулы в 2003 г. Еще в период предвыборной кампании он представил проект под названием «Воображение на службе Бразилии» (*A imaginação a serviço do Brasil*) с подзаголовком «Программа государственной культурной политики» (*Programa de Políticas Públicas de Cultura*). В этом проекте были намечены наиболее приоритетные направления деятельности в сфере культуры. При разработке проекта были изучены многочисленные международные документы, в которых культура фигурировала в качестве одного из основных прав человека и, как следствие, декларировалась необходимость сосредоточить культурную политику на развитии и укреплении демократии.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

В своей инаугурационной речи Лула поставил задачу нивелировать дистанцию между министерством культуры и жителями Бразилии, и сделать так, чтобы это министерство работало во всех уголках страны. Портфель министра культуры был вручен Жилберту Жилу (р. 1940) — композитору и исполнителю, чье творчество на тот момент уже пользовалось большой популярностью не только в Бразилии, но и за рубежом. При вступлении в должность 2 января 2003 г. Ж.Жил заявил: «Формулировать культурную политику означает создавать культуру с целью построения Бразилии для всех» [2, р. 22].

Лейтмотивом новой концепции стала идея необходимости налаживания диалога с обществом для преодоления традиций авторитаризма и элитарности в сфере культуры. Иными словами, на повестке дня стояла задача разработки и реализации культурной политики в демократических услови-

ях с тем, чтобы «не ограничиваться высокой (элитарной) культурой и открыть границы иным видам культуры — народной, афро-бразильской, локальной, аудиовизуальной и другим» [3, p. 10].

Новая концепция была названа «антропологической», поскольку предусматривала всеобъемлющий охват сферы культуры во всем многообразии ее проявлений с ориентацией на гражданское общество, интенсивный диалог с которым стал еще одной отличительной чертой администрации министра Жила. В рамках этого диалога подразумевалось проведение многочисленных семинаров и конференций, в том числе подготовка национальной конференции по культуре с тем, чтобы наметить и конкретизировать основные задачи демократически ориентированной культурной политики нового руководства. В этом контексте были разработаны два проекта, предусматривавшие создание Национальной системы культуры (*Sistema Nacional de Cultura, SNC*) и Национального плана культуры (*Plan Nacional de Cultura, PNC*). Оба они формулировались и осуществлялись на практике Министерством культуры Бразилии (*Ministério da Cultura, MinC*) в партнерстве с представителями штатов, муниципалитетов и гражданского общества. *SNC* была утверждена внесенной Национальным конгрессом поправкой к Конституции под номером 48/2005, которая также предусматривала последующую разработку *PNC*. Оба проекта были направлены на преодоление традиции нестабильности, которая мешала последовательной реализации планов и проектов в сфере культуры.

В числе приоритетов новой власти фигурировала и реорганизация *MinC*, поскольку на тот момент его структура была выстроена в соответствии с культурной политикой предшествующей администрации. Само министерство было создано в 1985 г. по проекту Танкреду Невиса (1910—1985 гг.) — избранного президента Бразилии, однако так и не вступившего в должность в связи с внезапной болезнью и смертью. Проект был претворен в жизнь его преемником Жозе Сарнеем (1985—1990 гг.) — первым гражданским президентом страны после двух десятилетий военной диктатуры. В русле административной реформы предусматривалась децентрализация *MinC* для того, чтобы «преодолеть теневые зоны и повысить оперативность министерства и связанных с ним органов» [4, p. 61]. В рамках *MinC* на смену старым пришли новые подразделения, в числе которых — Секретариат институциональной артикуляции; Секретариат культурных программ и проектов; Секретариат по защите идентичности и культурного разнообразия; Секретариат по продвижению культуры и ряд других. Новая структура была утверждена Указом № 4805 от 12 августа 2003 г.

В контексте новой культурной политики была поставлена задача, чтобы такие ключевые сферы, как культурное наследие, литература и искусство, координировались совместными действиями реорганизованного министерства и ряда существовавших ранее учреждений культуры. Речь шла, прежде всего, о Национальном институте исторического и художественно наследия (*O Instituto do Patrimônio Histórico e Artístico Nacional Iphan*), Национальном художественном фонде (*Fundação Nacional de Artes, FUNARTE*) и Национальной библиотеке (*Biblioteca Nacional*).

Что касается финансовой сферы, то одним из важных пунктов повестки дня стал пересмотр «Закона Руанета» с целью его адаптации к новым

национальным реалиям, требовавшим увеличения бюджетного финансирования культуры и дальнейшего совершенствования механизма налоговых льгот. Результаты не заставили себя ждать: если в 2002 г. из федерального бюджета на культуру было выделено 289 млн реалов, то в 2005 г. эта цифра уже составила 513 млн. Увеличились и ресурсы финансирования культурной сферы за счет налоговых льгот — с 345 млн реалов в 2002 г. до 691 млн реалов в 2005 г.

Для поиска альтернативных источников финансирования в 2003 г. сразу в нескольких штатах (Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу, Минас Жерайс, Пернамбуку и Риу-Гранди-ду-Сул) были проведены семинары под лозунгом «Культура для всех». На них проходили отраслевые встречи с секретарями по культуре штатов и муниципалитетов, частными и государственными инвесторами, фондами и физическими лицами — представителями разных областей культуры — продюсерами, творческими деятелями и менеджерами.

Перед участниками семинаров была поставлена задача найти ответы на два ключевых вопроса: каковы основные препятствия на пути обеспечения должного государственного финансирования культурной отрасли, и какие механизмы необходимо задействовать для децентрализации и прозрачности этого финансирования. В поисках ответов представители *MinC* побывали в разных частях страны, в том числе в тех местах, которые ранее практически не были охвачены его деятельностью, и провели опросы местных жителей, тем самым максимально расширив круг респондентов.

На основе полученных результатов был сделан вывод, что ряд выявленных проблем можно было решить в краткосрочной перспективе путем принятия соответствующих министерских указов и постановлений. Речь, в частности, шла о внедрении системы подготовки и переподготовки работников культуры по всей стране, что, в свою очередь, требовало разработки необходимых программ обучения, которой должен был заниматься созданный в структуре *MinC* Секретариат по развитию культуры. В то же время стало очевидно, что для решения многих вопросов потребуется много времени.

Еще одной программой, намеченной на начальном этапе правления Лулы, стала программа под названием «Живая культура» (*Cultura Viva*), утвержденная в 2004 г. министерским указом № 156 от 6 июля. Она была создана для стимулирования культурного творчества населения при опоре на так называемые культурные центры (*Pontos de Cultura*). Такие центры необходимо было создавать как в уже существовавших местных культурных учреждениях, так и в любых иных подходящих местах и пространствах. Это могли быть ближайшая школа, церковь, штаб-квартира того или иного сообщества по интересам, спортклубы и т.д. После подписания соглашения с *MinC* каждый такой центр получал сумму в размере 185 тыс. реалов пятью полугодовыми траншами для осуществления своей культурной деятельности в соответствии с представленным проектом. Часть средств, полученных в первом взносе (не менее 20 тыс. реалов) должна была быть использована на приобретение мультимедийного оборудования: компьютера, мини-студии для записи компакт-дисков, цифровой камеры, помещения для монтажа пленки, т.е. всего того, что было необходимо в каждом конкретном случае.

По мере реализации программы по всей Бразилии значительно расширилась сеть культурных учреждений, появились новые партнеры и новые финансовые источники. Чтобы стимулировать динамичное осуществление программы, *MinC* учредило премии и стипендии для наиболее активных ее участников.

Еще одним важным шагом стало учреждение в рамках *MinC* специального Секретариата по культурной политике, который должен был инициировать диалог с уже существовавшими престижными федеральными исследовательскими учреждениями, в частности, с Бразильским институтом географии и статистики (*Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística, IBGE*) и Институтом прикладных экономических исследований (*Instituto de Pesquisa Econômica Aplicada, IPEA*). Речь шла о необходимости сбора и систематизации информации для получения максимально достоверного представления о реальном положении дел и выявления неиспользованного культурного потенциала.

В течение 2004 и 2005 гг. прошла серия переговоров между представителями *MinC* и *IBGE*, за которыми последовали встречи с профильными специалистами из зарубежных стран (Франции, Колумбии и ряда других). По итогам при *IBGE* была сформирована рабочая группа для обработки информации и создан специальный печатный орган под названием «Система информации и культурных показателей» (*Sistema de Informações e Indicadores Culturais*).

В результате предпринятых инициатив и разработки всех документов появилась новая трактовка самого понятия культурной политики. «Культурная политика — это действия государственной власти, основанные на административных и бюджетных операциях, принципах и процедурах. Эта политика направлена на повышение качества жизни населения благодаря творческой и рекреативной деятельности, призванной обеспечить доступ к культурным благам всех сегментов бразильского общества» [5, p. 132]. На протяжении практически всего 2005 г. шла подготовка к первой национальной конференции по культуре, которая состоялась в декабре и стала отправной точкой для разработки еще одного принципиально важного документа — *PNC*. Задачей конференции был сбор предложений для формулирования основных пунктов *PNC*. На местные органы власти было возложено проведение аналогичных форумов на уровне штатов и муниципалитетов. В итоге, по оценкам *MinC*, состоялось 19 государственных и 1197 муниципальных конференций, в которых по всей стране были задействованы 53 000 человек [6, p. 146].

В августе 2005 г. в Федеральную Конституцию Бразилии была внесена Поправка № 48, предусматривающая необходимость создания *PNC*, который должен был, в числе других, включать в себя такие направления деятельности, как:

- защита бразильского культурного наследия;
- производство и продвижение национальных культурных ценностей;
- подготовка квалифицированного персонала для менеджмента культуры во всех ее многочисленных аспектах;
- демократизация доступа населения к культурным ценностям;
- поддержка этнического и регионального разнообразия [6, p. 149].

План призван был стать своего рода «навигационной картой», которую в случае необходимости можно корректировать.

Создание *PNC* явилось длительным процессом, основная часть работы над которым пришлось на период второго мандата президента Лулы. Документ был окончательно утвержден лишь в декабре 2010 г. Главными целями *PNC* были осуществление и консолидация такой культурной политики, которая была бы полностью созвучна задачам демократического развития страны.

В контексте анализа первого срока правления Лулы следует подчеркнуть, что при разработке новой культурной политики в качестве целевой аудитории фигурировали, прежде всего, те слои населения, которым предыдущие администрации уделяли крайне мало внимание. Кроме того, уже в первые четыре года кардинально повысилась роль *MinC* в политической жизни страны, стимулировавшего появление множества инициатив и программ, которые легли в основу новой культурной политики. Деятельность министерства стала регулярно освещаться в национальных средствах массовой информации. Одновременно значительно увеличился символический капитал министра культуры Жила, иными словами, его престиж и признание в бразильском обществе.

И, конечно же, нельзя не отметить, что *MinC*, вместе с МИД Бразилии, сыграли исключительно важную роль в процессе разработки и утверждения важнейшего международного документа под названием «Конвенции ЮНЕСКО о культурном разнообразии», принятого в октябре 2005 г., который подписали 148 государств — членов этой престижной организации.

ВТОРОЙ МАНДАТ

Многочисленные программы и проекты, как и многие из предложенных нововведений, были реализованы, причем частично, только во время второго срока правления Лулы, поскольку период от их разработки до воплощения в жизнь был довольно длительным. Кроме того, возникали различные трудности. С началом второго мандата Лулы приоритетное внимание уделялось завершению разработки и принятию *PNC*. При этом данный план опирался на три взаимодополняющих измерения культуры — символическое*; юридическое (как одно из прав человека); экономическое (как потенциал экономического развития).

Документ был окончательно утвержден Законом № 12 343 от 2 декабря 2010 г. Его главный постулат заключался в необходимости реализации и консолидации такой культурной политики, которая была бы полностью созвучна задачам демократического развития страны.

Функция координации и контроля за осуществлением *PNC* была возложена на Специальный секретариат по культуре в соответствии с п. 6 ст. 3 Закона № 12.343/2010. Этот закон утвердил *PNC*, создание Национальной системы культурной информации и индикаторов (*Sistema Nacional de Informações e Indicadores Culturais, SNIIC*) и ряд других документов. В законе содержа-

* Знаково-символический подход интерпретирует культуру как мир смыслов либо особую негенетическую «память» человеческого общества, которая кодируется, хранится и передается из поколения в поколение с помощью знаков.

лось требование включить его выполнение в повестку дня руководства муниципалитетов, штатов и всех органов федерального правительства, так или иначе связанных с культурной сферой. Специальный секретариат по культуре, совместно с секретариатом по культурному разнообразию и Национальным советом по культурной политике должны были осуществлять мониторинг и оценку выполнения *PNC*. Закон также предусматривал периодический пересмотр *PNC* с целью обновления и дальнейшей конкретизации целей и механизмов их реализации.

Согласно ст. 216-А Федеральной Конституции Бразилии, была апробирована упоминавшаяся выше *SNC*, регламентирующая процесс управления и продвижения государственной культурной политики, социально ориентированной и непрерывной, согласованной между субъектами федерации (руководством страны, федеральными округами и муниципалитетами) и обществом. В основе *SNC* лежала идея сотрудничества и децентрализации управления в интересах содействия социальному и экономическому развитию при полной реализации культурных прав. *SNC* опиралась на 12 принципов:

- разнообразие форм культурного выражения;
- уравнивание возможностей доступа всех слоев населения к культурным благам и услугам;
- содействие распространению знаний о культуре и культурных ценностях;
- сотрудничество между субъектами федерации и государственными и частными структурами, работающими в сфере культуры;
- интеграция и взаимодействие в ходе реализации разработанных программ и проектов;
- взаимодополняемость деятельности различных акторов в сфере культуры;
- автономия субъектов федерации и институтов гражданского общества;
- прозрачность и обмен информацией;
- демократизация процессов принятия решений и обеспечение общественного контроля;
- согласованная децентрализация управления, ресурсов и действий;
- постепенное увеличение государственных бюджетных ассигнований на культуру.

На втором этапе правления Лулы существенно активизировалась и деятельность культурных центров, которым также отводилась важнейшая роль в контексте новой культурной политики. «Культурные центры, — писал известный бразильский историк Селиу Турину, — должны были оказывать социокультурное воздействие на общество и стать приоритетным элементом программы министерства *Cultura Viva*. Проект финансировался и институционально поддерживался *MinC* и реализовывался совместными усилиями государственных и неправительственных учреждений и структур» [8, р. 63].

В 2007 г., когда *IPEA* проводила первое исследование по работе культурных центров, по всей стране их насчитывалось 526, а в 2010 г. их было это уже 2500. Благодаря подписанным соглашениям между федеральным правительством и правительствами штатов такие центры теперь функционируют практически во всех регионах и уголках страны, включая самые отдаленные.

В период второго мандата Лулы значительное внимание уделялось и расширению спектра субъектов государственной культурной политики как за счет увеличения числа секретариатов в рамках *MinC*, так и путем вовлечения негосударственных организаций, новых юридических и физических лиц, в первую очередь представителей творческой среды. Так, например, Аудиовизуальный секретариат разработал программы, нацеленные на создание кино клубов и альтернативных им пространств для показа аудиовизуального контента, проведения фестивалей и мероприятий, способствующих продвижению национального кинематографа. Параллельно была организована разветвленная сеть обучения для всех, кто хотел работать в этой сфере. В том же секретариате были разработаны несколько инновационных проектов, самым значимым из которых стал проект под названием «Открывая Бразилию» (*Revelando os Brasis*), само название которого указывало на существование «разных Бразилий» в социокультурном плане. Проект был рассчитан на жителей небольших муниципалитетов с населением до 20 тыс. человек и призван содействовать социальной и культурной интеграции населения.

Именно на втором этапе нахождения Лулы у власти был сформулирован ряд важных задач культурной политики, которые предполагалось решить в дальнейшем. Речь, в частности, шла о повсеместном внедрении *SNC*, о новых редакциях Закона об авторском праве, Закона о культуре, Закона о национальной системе информации и культурных показателей и ряда других документов.

ИТОГОВЫЕ СООБРАЖЕНИЯ

Успехи, достигнутые в сфере культурной политики президентом Лулой и его правительством в течение двух сроков нахождения у власти, неоспоримы. Еще несколькими годами ранее сама идея культурной политики как сферы, в которой наряду с государственной властью должны участвовать самые разные слои гражданского общества, казалась утопией. Кардинально изменилась и роль самого государства в разных областях культуры. И тут надо отдать должное министру Ж.Жилу, заявившему в 2003 г.: «Отличительной чертой моей администрации будет полнота охвата всех слоев населения, вопреки всем рекомендациям политиков и специалистов по политическому маркетингу, которые видели в этом опасность. Новая активная роль государства будет касаться, прежде всего, укрепления связи с обществом» [9, р. 239]. Эти слова, как свидетельствует все вышеизложенное, не расходились с делами.

Одновременно стало очевидно, что для консолидации бразильской демократии необходимо расширять культурные права всех слоев социума. В этом направлении тоже были предприняты определенные шаги, о которых в 2011 г. писал бразильский культуролог Фредерику Барбоза: «У Бразилии существуют значимые социальные и культурные движения, альтернативные пространства, локальные культурные рынки и механизмы. Эта культурная динамика была признана в рамках бразильской культурной политике в последние годы» [10, р. 217].

К числу безусловных плюсов следует отнести то, что в конечном счете была сформулирована четкая концепция культурной политики, которая

подразумевала «действия государственной власти, основанные на административных и бюджетных операциях, принципах и процедурах. Эта политика должна быть направлена на повышение качества жизни населения посредством культурной, художественной, социальной и рекреативной деятельности, на обеспечение и расширение доступа к культурным благам и ориентирована на все общество, а не на его отдельные слои» [6, р. 137-156].

Не менее важен и факт преодоления, по крайней мере частичного, тех «печальных традиций», о которых шла речь в самом начале. Так, тема отсутствия культурной политики как таковой полностью потеряла актуальность. В период нахождения Лулы у власти эта политика не только оказалась в фокусе внимания государства, но и стала одним из приоритетных направлений его деятельности.

Было покончено и с авторитарными методами управления культурой, господствовавшими в периоды диктатур. На смену им пришел демократический подход, благодаря которому в процесс разработки концептуальных основ новой социально ориентированной культурной политики и ее последующего воплощения в жизнь, наряду с государственными органами, были вовлечены общественные структуры, а также юридические и физические лица, причастные к этой сфере национальной жизни.

Что касается третьей «печальной традиции» — нестабильности, — то следует отметить, что власти предприняли конкретные шаги для ее преодоления. Лейтмотивом нового дискурса стал тезис о том, что преемственность и последовательность должны стать условием *sine qua non* успешной культурной политики, поскольку она должна основываться на стратегических интересах страны, а не на сиюминутных приоритетах администрации, находящейся в данный момент у власти.

Вместе с тем существовало понимание того, что для закрепления этого тренда требовались аналогичные усилия последующих президентов и правительств, что, как показала практика, оказалось непростой задачей. В этой связи сам факт победы Лулы на выборах 2023 г. позволяет надеяться на то, что преемственность, которая была нарушена, скорее всего, будет восстановлена, так как ее *background* сохранился.

Еще одним важным позитивным моментом было значительное расширение спектра акторов новой модели культурной политики, что повысило уровень ожидания эффективности ее внедрения.

Вместе с тем нельзя не отметить, что восемь лет нахождения Лулы у власти были далеко не безоблачными. Наряду с неоспоримыми успехами существовало немало проблем, которые решить не удалось. Как показала практика, для реализации многих планов и проектов по оптимизации культурной политики требовалось определенное время, часто выходящее за конкретные хронологические рамки. Иными словами, к концу второго мандата Лулы картина в целом выглядела не столь радужной, какой она рисовалась вначале. С одной стороны, появились перспективные инициативы, открылись новые возможности для диалога на разных уровнях, *MinC* значительно расширило свой портфолио, сделав культуру важной составляющей государственной политики. С другой — многие начинания по разным причинам не были реализованы, в их числе, в частности, финансовая составляющая (это, конечно, касается не только Бразилии). Несмотря на то,

что Лула неоднократно заявлял о важности увеличения финансирования сферы культуры, *MinC* не смогло получить даже символического 1% национального бюджета.

Не был должным образом решен и кадровый вопрос. Несмотря на безусловную важность впервые проведенного в начале правления Лулы тендера на формирование штата для *MinC*, потребность в квалифицированных кадрах для этого министерства и других госучреждений культуры по-прежнему оставалась актуальной, так же, как и вопрос систематической подготовки и переподготовки этих кадров.

И, конечно же, не был излечен хронический недуг бразильского общества — то социальное неравенство, которое, увы, является одной из перманентных характеристик бразильской действительности. Причем это неравенство имеет как социальный аспект — зависимость членов социума от принадлежности к тому или иному слою общества, — так и региональный, обусловленный географическим фактором. «Когда мы рисуем карту доступа к финансовым, материальным и одновременно человеческим ресурсам в области культуры, — отмечает бразильский культуролог и историк Лиа Калабре, — мы видим картину неравенства, очень похожую на картину в других областях жизни, с сильной концентрацией ресурсов на юго-востоке в ущерб другим регионам страны» [6, p. 137-156].

Несмотря на все это, на завершающем этапе правления рейтинг Лулы был исключительно высоким. «К концу своего второго мандата, — пишет известный бразильский историк, — он располагал поддержкой 85% населения страны. Социологические опросы свидетельствовали: Лулу поддерживали все социальные слои (не только его традиционный — беднейший — электорат, но и богачи с подчас миллионными состояниями) из всех экономических и географически регионов страны. Редкий итог для уходящего президента...» [10, с. 436].

Действительность практически всегда оказывается намного сложнее и многообразнее, чем любой прогноз. «С 2023 года, — пишет авторитетный российский исследователь Л.С.Окунева, — настанет время внимательного анализа процесса в такой огромной, разнообразной, сложной — и дружественной нам Бразилии» [11, с. 23]. Впрочем, скорее всего, с возвращением Лулы к власти политика в сфере культуры будет проводиться в русле конструктивных проектов, разработанных и частично реализованных в период с 2003 по 2010 г. С большой долей вероятности возобладают прерванные преемственность и последовательность, которые необходимы для консолидации культурной политики, обеспечивающей максимально комфортные условия для творчества исключительно талантливого народа Бразилии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Canelas Rubim. A.A. Políticas culturais do governo Lula / Gil: desafios e enfrentamentos. Intercom – *Revista Brasileira de Ciências da Comunicação* 202, São Paulo, jan./jun. 2008, v. 31, n.1, p. 183-203.
2. Relembre os discursos de Lula nas posses de 2003 e 2007. Available at: <https://www.cnnbrasil.com.br/politica/relembre-os-discursos-de-lula-nas-posses-de-2003-e-2007> (accessed 01.02.2023).
3. Discursos do Ministro da Cultura Gilberto Gil. Brasília. 2003, 86 p.

4. IBGE. Pesquisa de Informações Básicas Municipais – Gestão Pública – Suplemento de Cultura 2006. Rio de Janeiro: IBGE, 2007.
5. Perfil dos Municípios Brasileiros. Rio de Janeiro 2007, 268 p.
6. Calabre L. Política Cultural em tempos de democracia a Era Lula Rev. Inst. Estud. Bras., São Paulo, jun. 2014, n. 58, p. 137-156.
7. Turino C. Pontos de cultura: O Brasil de baixo para cima. Ed Anita Garibaldi, 2ª ed. São Paulo, 2010, 256 p.
8. Almeida, A. Cultura pela palavra: coletânea de artigos, discursos e entrevistas dos ministros da Cultura (2003-2010) Gilberto Gil e Juca Ferreira. Rio de Janeiro: Versal, 2013, 264 p.
9. Barbosa F. A.. O Programa Mais Cultura, o Fundo Nacional de Cultura e o Sistema Nacional de Cultura. As políticas públicas e suas narrativas: o estranho caso entre o Mais Cultura e o Sistema Nacional de Cultura. Brasília: Ipea, 2011, 228 p.
10. Фаусту Б. Краткая история Бразилии. М., Весь Мир, 2018, 448 с. [Faustu B. Kratkaya istoriya Brazili] [A Brief History of Brazil]. Moscow, Ves Mir, 2018, 448 p.
11. Окунева Л.С. Президентские выборы 2022 г. в Бразилии: от «бури и натиска» Болсонару к трудному триумфу Лулы. М., Латинская Америка, 2022, № 12, с. 6-26 [Okuneva L.S. Prezidentskie vybory 2022 v Brazili: ot "buri y natiska" Bolsonaro's k trudnomu triumfu Luly] [Presidential elections 2022 in Brazil: from Bolsonaro's "storm and onslaught" to Lula's difficult triumph]. Moscow, *Latinskaya Amerika*, 2022, N 12, p. 6-26.

Natalia S.Konstantinova (natkonst@hotmail.com)

Candidate of Historical Sciences, Head of the Center for cultural studies of the Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences

B. Ordynka Str., 21, 115035 Moscow, Russian Federation

The cultural policy of Luiz Inacio Lula da Silva, 2003—2010

Abstract. The article is devoted to the cultural policy pursued by the Brazilian President Luiz Inacio Lula da Silva during his term in power from 2003 to 2010. This phenomenon is considered in chronological order - respectively, at the first and second stages of Lula's reign. A brief historical excursus is preliminarily given and those traditions that were laid down in this area at previous historical stages are succinctly characterized. A fundamentally different approach to cultural policy is emphasized, which was proclaimed one of the priority areas for the new president and his cabinet of ministers in line with the country's democratization processes. Particular attention is paid to the role of the Ministry of Culture in the implementation of those tasks and areas of activity that had to be solved within the framework of the new concept of cultural policy. formulated by the Head of State and Minister of Culture Gilberto Gil almost immediately after they took office. It characterizes both the significant successes achieved during the two mandates of Lula's rule of power, and the considerable problems that had to be faced on the way to the implementation of numerous plans and projects, as a result of which they were only partially implemented.

Key words: cultural policy, Lula, Brazilian Ministry of Culture. Cultural centers, democratization.

DOI: 10.31857/S0044748X0027275-1

Received 05.02.2023.

В.А.Кузнецова

Деятельность организаций гражданского общества Бразилии в социальной сфере

В статье анализируется деятельность организаций гражданского общества Бразилии в социальной сфере. В фокусе внимания автора — работа некоммерческих и неправительственных организаций (НКО и НПО) с уязвимыми слоями населения в фавелах Рио-де-Жанейро. Прослеживается эволюция от религиозных филантропических инициатив к масштабным образовательным проектам, ориентированным на различные возрастные категории. Дается характеристика целевой аудитории этих программ, приводятся показатели их эффективности.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что в современном обществе противостоять социальному неравенству и бедности можно лишь применяя комплексный подход, включающий в себя как традиционные методы христианской филантропии, так и новейшие образовательные и культурные инструменты. Деятельность бразильских НКО и НПО в социальной сфере нацелена в первую очередь на то, чтобы смягчать и корректировать недостатки государственной политики.

Ключевые слова: Бразилия, гражданское общество, фавелы, образование, филантропия.

DOI: 10.31857/S0044748X0027273-9

Статья поступила в редакцию 10.02.2023.

По данным Бразильского Института географии и статистики (*Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística, IBGE*) в 2016 г. в Бразилии функционировали 236 950 некоммерческих фондов и ассоциаций* [1, р. 17]. Богатство видов, которое демонстрируют эти организации, можно сравнить разве что с биоразнообразием Амазонии: это — и традиционные локальные некоммерческие организации (НКО), и неправительственные организации (НПО), специализирующиеся на оказании помощи уязвимым категориям

Варвара Александровна Кузнецова — научный сотрудник ИЛА РАН (РФ, 115035 Москва, Б.Ордынка, 21/16, variareoll@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7875-139>).

* Авторы исследования *IBGE* подчеркивают, что говорить о точной статистике в отношении бразильских НКО и НПО сложно, так как многие группы работают анонимно, и учесть результаты их деятельности практически невозможно.

населения «на земле», и амбициозные «фабрики мысли», ставящие перед собой задачи регионального, а подчас и международного масштаба; экологические и правозащитные организации, сфокусированные на «новой повестке», и профессиональные ассоциации, нацеленные на защиту интересов ограниченных групп населения; широчайший спектр образовательных проектов в диапазоне от начальной школы до аспирантских программ или повышения квалификации.

Гражданское общество, под которым мы понимаем «совокупность разнообразных форм социально-политической активности, отражающей свободную, не ограниченную деятельностью государственных органов и не подчиняющуюся государству гражданскую активность, развивающуюся как на уровне крупных НПО, так и в форме небольших волонтерских групп и движений» [2, с. 6], довольно давно стало в Бразилии одним из активных субъектов социальных и политических процессов. Достаточно вспомнить о том, что еще в 40—50 годах XX в. такие важные решения, как вступление Бразилии во Вторую мировую войну на стороне антигитлеровской коалиции или создание государственной нефтегазовой корпорации *Petrobras*, ставшей результатом общественной кампании «Нефть принадлежит нам», принимались если не по причине, то на фоне давления организаций и движений гражданского общества, в частности, таких, как Национальный студенческий союз (*União Nacional Estudantil, UNE*). Говоря о недавних событиях, нельзя не упомянуть о масштабной идеологической работе крупных экспертных групп правого толка по «раскручиванию» политического кризиса накануне импичмента Дилмы Руссефф (2011—2016 гг.) и подготовке почвы для последующей победы на выборах Жаира Болсонару (2019—2023 гг.) [3, р. 34].

Закономерно, что гражданское общество Бразилии — его история, ценностные основы, особенности государственного регулирования, его роль в социальных преобразованиях и влияние на внешние и внутренние политические процессы — стало предметом научной дискуссии, отразившейся в работах таких бразильских исследователей, как Лейла Ландим [4], Флавиу Пайва [5], Фернанду Лима Нету [6], Жозе Эдуарду Сабу Пайс [7], Карлос Эдуардо Гэрра Силва [8] и многих других. В центре внимания ученых находится взаимодействие государства и организаций гражданского общества, констатируются угрозы «филантропизации» социальной сферы, отмечается растущая роль бразильских НКО и НПО в преодолении таких серьезных проблем, как бедность и социальное неравенство.

В российской науке гражданское общество и различные аспекты деятельности НКО и НПО стран Латинской Америки анализировались Б.И.Ковалем [9], Э.Е.Кузнецовой [10], А.А.Канунниковым [11], О.Г.Харитоновой [12]. Специфика Бразилии в той или иной мере была затронута в исследованиях Л.В.Дьяковой [2] и Л.А.Гайнутдиновой [13]. Российские ученые в первую очередь уделяют внимание роли НКО и НПО в процессе перехода от демократии к авторитаризму, а также международным аспектам деятельности этих организаций Бразилии.

Тем не менее гражданское общество Бразилии — его формирование и развитие, структура, взаимодействие с государством и социумом — дает широкий простор для изучения и заслуживает регулярного мониторинга и анализа. Бра-

зильский социум стремительно меняется, и гражданское общество меняется вслед за ним. Кроме того, «новейшая история» НКО и НПО Бразилии и связанные с ней сюжеты и конфликты остаются за рамками упомянутых публикаций.

Цель данной статьи — выявление определенных закономерностей в деятельности образовательных НКО и НПО, работающих с наиболее уязвимыми категориями населения Бразилии. Методологической основой работы является комплексный системный подход с элементами исторического и политико-социального анализа, а также метод включенного наблюдения, использованный автором в ходе полевого исследования, проведенного в ноябре 2022 г.

ЭВОЛЮЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА БРАЗИЛИИ

Бразильское гражданское общество уходит своими корнями в католическую благотворительность. Первый Святой дом милосердия на бразильской земле был основан в 1573 г. в Сантосе португальским дворянином Брасом Кубасом, а первое добровольное пожертвование сделала в 1599 г. сеньора Изабел Фернандес, завещавшая Дому милосердия тысячу рейсов. [14, р. 31]. Христианское милосердие по сей день остается движущей силой многих общественных организаций Бразилии, особенно работающих с уязвимыми категориями населения.

Впоследствии, уже в 1950-х, католическая филантропия и социальный активизм пересеклись и в той или иной мере переплелись с левыми идеями, и этот симбиоз, в свою очередь, породил многие общественные движения, которым предстояло сыграть важную роль после военного переворота 1964 г.*. В течение 1980-х годов — в период демократического транзита, подразумевавшего смену политической и идеологической парадигм, — гражданское общество Бразилии окончательно перешагнуло границы христианской филантропии и приобрело те контуры, которые мы можем наблюдать сегодня.

По мере ослабления военной диктатуры в страну возвращались политические эмигранты, привозившие с собой опыт взаимодействия с международными фондами и финансовыми организациями и новую повестку — правозащитную, гендерную, расовую, экологическую. В 1986 г. на мероприятии, организованном основными существовавшими на тот момент общественными объединениями, впервые прозвучала аббревиатура *ONG* (НПО), так и не превратившаяся в юридический термин, но ставшая абсолютно легитимной в публицистическом и научном дискурсе, посвященном данной тематике.

Сотрудники *IBGE* использует в своих исследованиях аббревиатуру *FASFIL*, которая расшифровывается как «частные фонды и некоммерческие ассоциации» (*Fundações Privadas e Associações sem Fins Lucrativos*). Именно эти две юридические формы некоммерческих организаций могут претендовать на статус организаций гражданского общества, действующей в общественных интересах (*Organizações da Sociedade Civil de Interesse Público, OSCIP*), что дает им право в соответствии со ст. № 9 закона 9.790/99 получать доступ «к государственным ресурсам посредством отношений партнерства между органами власти и *OSCIP*» [15].

* В частности, речь идет о левом движении Народное действие (*Ação Popular*), у истоков которого стояли активисты Университетского католического движения.

В процессе либерализации экономики между организациями гражданского общества и государством установились новые отношения, потребовавшие от НКО и НПО профессионализации менеджмента и способствовавшие ужесточению требований к оценке результатов их деятельности и качеству отчетности. Фонды и ассоциации стали «деловыми партнерами» государства, переложившего на них определенную часть своей ответственности перед обществом. По мнению бразильского исследователя и гражданского активиста Л.Ландим, государство таким образом расписалось в своей неэффективности и создало предпосылки для «меркантилизации и филантропизации социальных услуг» [4, р. 123]. Противоположную оценку дает этому феномену бразильский экономист Клаудия Костин, эксперт либерального экспертного сообщества *Millenium*, занимавшая пост министра управления и государственных реформ в правительстве Фернанду Энрике Кардозу (1995—2003 гг.). Она полагает, что «государство эффективно в социальной политике, когда речь идет об универсальных мерах» [17, р. 126], ориентированных на удовлетворение базовых потребностей разных слоев населения. В частности, К.Костин отмечает, что массовое образование — это прерогатива государства, но «когда нужна ручная, штучная работа, наилучшие результаты достигаются, если государство делегирует эту ответственность третьему сектору»* [17, р. 126].

В сфере образования гражданское общество Бразилии в той или иной форме присутствовало всегда — достаточно вспомнить о скромной номенклатуре католических благотворительных учреждений, в которой неизменно фигурировали воспитательные дома и школы для бедных.

Серьезный импульс деятельности НКО и НПО на этом поле придал международный форум по вопросам образования, прошедший в Дакаре в 2000 г. В ходе подготовки к этому событию началась «Общенациональная кампания за право на образование». Управляющий комитет проекта, в состав которого вошли такие бразильские организации, как *Ação Educativa*, *Centro de Cultura Luiz Freire*, *Centro de Criação e Imagem Popular*, *Ibase*, *Fórum Nacional da Juventude*, а также британская *ActionAid*, провозгласил своей миссией борьбу за реализацию «всеобщего права на образование, гарантированного Конституцией», а также за то, чтобы все граждане страны получили равный «доступ к качественной государственной школе» [18, р. 61]. В 2008 г. кампания объединяла около 120 НКО и НПО по всей стране.

В 2016 г., согласно исследованию *IBGE*, в Бразилии функционировали 15 828 организаций гражданского общества, работающих в сфере образования, что составило 6,7% от общего количества зарегистрированных некоммерческих фондов и ассоциаций [1, р. 31]. На первый взгляд, это — немного, учитывая, что образовательное неравенство было и остается одной из главных проблем бразильского социума.

* Сам термин «третий сектор», впервые озвученный в 1978 г. в США предпринимателем Джоном Д. Рокфеллером III, в Бразилии появился с подачи Фонда Роберту Маринью. Л.Ландим подчеркивает происхождение этого понятия — «северо-американское, связанное с определенным контекстом и гражданской и политической культурой, основанной на либеральном индивидуализме» [4, р. 109].

Однако необходимо учитывать, что классификация *IBGE*, относящая одни организации к категории образовательных, в то же время помещая другие в разряд культурных (составляют 13,6% от общего количества *FASFIL*) [1, р. 31] или социальных (10,2%), является более или менее условной. Практика показывает, что большая часть некоммерческих организаций, входящих в эти три категории, считают своей основной задачей разорвать порочный круг бедности и, так или иначе, используют для этого образование в качестве основного инструмента. Характерно, что значительная часть филантропических инициатив, ориентированных на работу с наиболее уязвимыми категориями населения, начиналась с раздачи бесплатной еды или оказания базовой социальной поддержки и впоследствии эволюционировала в образовательные проекты, будь то курсы профессиональной подготовки для взрослых или детский сад в одной из многочисленных фавел Рио-де-Жанейро.

ФАВЕЛЫ: ТАМ, ГДЕ НУЖНА «РУЧНАЯ РАБОТА»

По данным переписи, проведенной в 2010 г., Рио-де-Жанейро держит пальму первенства среди городов Бразилии по численности населения так называемых фавел*: 1 393 314 человек; это — 22,03% от общего количества жителей [19]. Здесь же находится самая большая фавела страны — Росинья. Само явление, впоследствии распространившееся во многих городах Бразилии, зародилось именно в Рио, когда солдаты, вернувшиеся после подавления восстания в Канудосе**, заселили холм Провиденсия, впоследствии получивший название «холм фавелы» в честь растения-эндемика, характерного для окружавшей лагерь мятежников бразильской каатинги*** [20].

Сегодняшняя фавела, согласно определению *IBGE*, представляет собой «субнормальный кластер, состоящий из не менее чем 51-й единицы жилья, на которое не зарегистрировано право собственности» [21, р. 3]. В качестве дополнительных характеристик фигурируют неопределенные форма и размер участков, а также отсутствие основных коммунальных услуг, таких, как вывоз мусора, водоснабжение, электроснабжение и уличное освещение.

Согласно расхожему стереотипу в фавелах живут бандиты, наркоторговцы, проститутки и прочие деклассированные элементы. Но это правда лишь отчасти. Есть и те, кто честно выполняет низкоквалифицированную и, как следствие, низкооплачиваемую работу: домработницы, поденщики,

* Рассмотрению различных аспектов жизни бразильских фавел посвящены такие русскоязычные публикации, как «Фанк Кариока как инструмент сопротивления и конструирования идентичности молодежи бразильских фавел» [22] и «Фавелы Рио-де-Жанейро и их интеграция в городское культурное пространство» М.С.Осиповой [23], «Мейреллес Р., Атаиди С. Страна под названием фавела: самое полное исследование о бразильской фавеле» А.Д. Кузнецовой [24].

** Один из наиболее значительных внутренних вооруженных конфликтов в истории Бразилии, длившийся с ноября 1896 по октябрь 1897 гг.

*** Каатинга — один из уникальных биомов Бразилии, охватывающий часть северо-востока страны.

уличные торговцы. Жители фавел вовсе не обязательно прозябают в крайней нищете: они активно пользуются кредитными картами, современными электроприборами и цифровыми технологиями, что свидетельствует о «возросшей покупательской способности местного населения» [25, р. 123]. Причины этого роста в каждом конкретном случае могут быть разными — от адресных программ помощи правительства Партии трудящихся (*Partido dos Trabalhadores, PT*) до доходов от наркоторговли, однако суть от этого не меняется. Жители фавел были и остаются в самом низу социальной пирамиды, образовавшейся после отмены рабства в 1888 г., и, несмотря на все потрясения и перемены XX в., сохранившей свои основные структурные элементы до сегодняшнего дня.

Согласно концепции, предложенной социологом Жессе Соуза, жители фавел — это так называемый ралé (*ralé brasileira* — сброд) [26, р. 48], составляющий один из самых старых классов бразильского общества. Это — потомки бывших рабов, которых «Золотой закон»* предоставил их самим себе в условиях жесточайшей конкуренции с европейскими иммигрантами на рынке труда. Они закономерно проиграли в этом соревновании, так как уже на старте у европейцев было серьезное преимущество: для итальянца, а тем более для немца «труд изначально был главным поводом для гордости и краеугольным камнем самоуважения» [26, р. 48], тогда как для вчерашнего раба, которого «триста лет использовали как тягловый скот» [26, р. 48], и для уже нескольких поколений его потомков любая физическая работа была «символом унижения и расчеловечивания» [23, р. 48]. По мнению Соуза, именно это толкнуло многих мужчин к преступности как извращенному способу «отстоять свое достоинство свободного человека» [26, р. 48]. Женщины составили настоящую армию домработниц — недаром именно в Бразилии сформировался самый большой рынок подобных услуг в обеих Америках [27].

Фавелы как места компактного проживания ралé появились после запрета и уничтожения «кортикус» — заброшенных аристократических особняков в центре Рио-де-Жанейро, превращенных бывшими рабами в своеобразные сквоты конца XIX в. Бездомные, не желая удаляться от богатых районов, где жили главные потребители их услуг, стихийно заселили окрестные холмы. Власти закрыли глаза на самострой и появление целых районов без малейших признаков инфраструктуры и контроля, и тем самым сняли с себя ответственность за тех, кто в них живет.

BANCO DA PROVIDÊNCIA — «ЧТОБЫ ДАЖЕ У САМЫХ ОБЕЗДОЛЕННЫХ БЫЛ СВОЙ БАНК»

Первой в фавелы пришла католическая церковь — «чтобы не пустить туда коммунистов» [28, р. 75]. В 1947 г. был создан Фонд Льва XIII, целью которого были «оказание материальной помощи и моральной поддержки жителям фавел Рио-де-Жанейро посредством строительства школ, детских садов, диспансеров, столовых и жилых комплексов» [29, р. 76].

* Закон от 13 мая 1888 г., подписанный принцессой Изабел, дочерью императора Педру II (1831—1889 гг.), который окончательно отменил рабство в Бразилии.

Церковь стала главным связующим звеном между фавелами и государственной властью. По словам одного из жителей района Фламенгу, расположенного вблизи фавелы Морру Азул, еще 30 лет назад местный приходской священник «держал фавелу в ежовых рукавицах, и все его уважали, даже бандиты» [28, p. 76].

НКО *Banco da Providência* (Банк Провидения) была основана в 1959 г. католическим епископом Элдером Пессоа Камара, известным своей правозащитной деятельностью в период военной диктатуры, единственным бразильцем, четыре раза номинированным на Нобелевскую премию мира. Название организации отражает главную идею дона Элдера: «Банк Провидения был создан, чтобы привнести в общество равенство, чтобы даже у самых обездоленных был свой банк» [31]. Кроме того, очевидна отсылка к холму Провиденсия, где появилась первая фавела Рио-де-Жанейро.

В настоящий момент *Banco da Providência* осуществляет проекты, нацеленные на передачу своего богатого опыта другим НКО и НПО Бразилии, а также на взаимодействие с органами власти. Однако основной фокус деятельности направлен на прямую работу с социально уязвимыми слоями населения. Изначально главным методом *Banco da Providência* было оказание базовой помощи, например, раздача продуктов питания голодающим. Однако в процессе своей эволюции организация, которая существует уже больше 60 лет, перешла «к программам, которые должны способствовать более глубокой трансформации общества» [32].

Главные проекты *Banco da Providência* — образовательные. Программа «Продуктивная социальная инклюзия» направлена на включение в рынок труда и социализацию взрослых, и с 2022 г. ее главной целевой аудиторией стали женщины. Это, помимо общего для западных НКО гендерного тренда, связано с матрифокальностью большинства семей, проживающих в бразильских фавелах. Повышение благосостояния женщин автоматически оказывает влияние на их семьи, тем самым в разы повышая результативность программы.

Специалисты *Banco da Providência* разработали методику, состоящую из трех этапов. Первый предполагает работу над социально-эмоциональными навыками, которые у представителей уязвимых слоев населения в силу ряда факторов, как правило, развиты недостаточно. «Эти женщины приходят к нам с очень низкой самооценкой и благодаря нашей программе начинают верить в себя. Мы работаем с ними, чтобы позволить им по-другому посмотреть на самих себя, увидеть в себе человека» [32], — рассказывает координатор проектов *Banco da Providência* Синтия Рамирес.

Второй этап представляет собой непосредственное освоение выбранной профессии (в программах, ориентированных на женщин, это — парикмахерское искусство, кулинария, дизайн и пошив одежды), а также получение первичных предпринимательских навыков. В частности, речь идет об умении разработать бизнес-план, способности осуществлять финансовое управление и определять стратегию продаж. На этой стадии *Banco da Providência* выбирает наиболее перспективные проекты для первоначальных инвестиций. И, наконец, третий этап — это мониторинг и сопровождение бизнес-проекта в течение шести месяцев.

По итогам 2022 г. «Продуктивная социальная инклюзия» охватила 544 семьи (1 748 человек). 71% семей, получивших поддержку в рамках этой программы, преодолели черту крайней бедности: если до участия в проекте среднедушевой доход составлял 34,83 реала в месяц, то на выходе — 341,30 реал. 72% из 500 женщин, прошедших профессиональную подготовку в рамках программы, являются главами матрифокальных семей [31].

В рамках второго образовательного проекта «Провидение для молодежи» молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет могут получить базовое и профессиональное образование, а также дополнительные навыки, позволяющие начать полноценную легальную трудовую жизнь. Курс, который длится шесть месяцев, предполагает, помимо профессиональной подготовки по тем или иным специальностям, обучение навыкам самопрезентации, подготовку к прохождению собеседования, занятия по математике, обществознанию, английскому и португальскому языкам в объеме, необходимом для успешного поиска работы. «У нас партнерские отношения со многими компаниями, в которые мы можем направлять наших выпускников, таким образом позволяя им сразу включиться в рынок труда», — рассказывает С.Рамирес [32]. По результатам 2022 г. 150 молодых людей приняли участие в программе «Провидение для молодежи», и 66 из них успешно включились в рынок труда [31].

GOL DE LETRA — ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ МОЛОДЫХ

Безработица молодежи — это действительно проблема общенационального масштаба: в 2023 г. треть молодых бразильцев не учатся и не работают [31]. Свой вклад в ее решение вносит НКО *Gol de Letra* [33], основанная в 1998 г. как образовательная организация, ориентированная на детей и молодежь огромного комплекса фавел Кажу.

Для целевой аудитории от 16 лет команда *Gol de Letra* разработала программу «Возможности для молодых», рассчитанную на 450 мест и включающую в себя три основных вектора. Первый функционирует в формате «благотворительного профессионально-технического училища», позволяя молодым людям получить навыки в сфере логистики, управления, кузовного ремонта автомобилей и обслуживания электрических сетей, чтобы впоследствии успешно включиться в рынок труда. Подготовка осуществляется в сотрудничестве с Национальной службой профессионального образования (*Serviço Nacional de Aprendizagem Industrial, SENAI*)* — крупнейшей в Латинской Америке частной сетью учреждений профессионального образования. Кроме того, программа «Возможности для молодых» позволяет подготовиться к сдаче единого государственного экзамена, что дает возможность поступить в университет. И, наконец, третий вектор направлен на личностное развитие учащихся и включает в себя менторинг, карьерное планирование, расширение культурных горизонтов.

* Сеть *SENAI* была основана в 1942 г. и с тех пор подготовила 73 млн специалистов по 28-и профессиональным направлениям. На сегодняшний день образовательные учреждения *SENAI* функционируют в 2000 муниципалитетов Бразилии.

Основатели *Gol de Letra* — четырехкратные чемпионы мира по футболу Раи ди Оливейра и Леонарду ди Араужо — видели основой своего проекта спорт как инструмент социальной инклюзии. Присутствие спорта чувствуется здесь повсюду — от оформления помещений до тематики программ «Открытая игра Кажу» и «Два броска», ориентированных на детей и подростков от 6 до 17 лет. Дзюдо, теннис, настольный теннис, баскетбол, волейбол, гандбол, капоэйра — это неполный список видов спорта, доступных в *Gol de Letra*. Кроме того, в рамках программы «Два броска» у детей есть возможность обучиться базовым навыкам чтения и письма, что не заменяет общеобразовательную школу, но частично позволяет компенсировать проблемы неграмотности среди несовершеннолетних.

Дошкольная группа в *Solar*

Ведется активная воспитательная работа: еженедельные дискуссии на выбранную тему — от защиты окружающей среды и осознанного потребления до разрешения конфликтов; особый день *D*, когда участники программы собираются, обсуждают и утверждают правила взаимодействия в коллективе; экскурсии, культурные мероприятия, спортивные фестивали.

Новая этика оказывает определенное влияние на повестку: среди буклетов и методических пособий *Gol de Letra* фигурирует руководство по гендерным вопросам, а 40% мест в образовательных программах зарезервированы для девочек.

SOLAR: БОЛЬШЕ ВРЕМЕНИ В ШКОЛЕ — МЕНЬШЕ ВРЕМЕНИ НА УЛИЦЕ

«Оградить от воздействия дисгармоничной социальной среды детей и молодежь общин* Кантагалу и Павау-Паваузинью... предоставив «детям асфальта» равные условия в конкурсе за учебные места в университетах и вакансии на рынке труда» [34] — такова стратегическая цель образовательной НКО *Solar*. Тактическая задача выражена слоганом «Больше времени в школе — меньше времени на улице» [34], которая в фавеле часто ведет в тюрьму или в могилу.

Пока матери — зачастую в фавелах роль кормильца и главы семьи отведена именно женщине — ухаживают за чужими детьми, убирают и готовят

* Так в современном публичном дискурсе Бразилии называют фавелы.

Балетный класс в *Solar*

в домах среднего класса и элиты, их собственные дети либо погибают в подростковом возрасте, либо пополняют ряды ралё, систематически прогуливая школу и лишая себя каких-либо перспектив* [35, p. 174].

Несмотря на то, что закон № 150 от 1 июня 2015 г. [36], так называемый закон о домработницах, защитил трудовые права домашнего персонала, средний класс «от-

реагировал на него с возмущением» [26, p. 62], продолжая делать вид, что принцесса Изабел забыла отменить рабство. Известны случаи, когда во время пандемии *COVID-19* «хозяева» буквально не отпускали домработниц к их семьям, принуждая работать круглосуточно и без выходных [27]. В этих обстоятельствах неудивительно, что история *Solar* началась 40 лет назад именно с благотворительного детского сада, который открыла на холме Кантагалу жившая неподалеку Иоланда Мартароли. Прямо под фавелой расположен престижный район Копакабана, а совсем рядом находится знаменитый Леблон.

«Накануне Рождества 1983 г. случилась ужасная авария. Шел сильный дождь, и там, наверху, разорвало бак для сбора дождевой воды. Были жертвы, люди остались без крова. И это накануне Рождества!» [38], — рассказывает Алессандра Алмейда, координатор дополнительного образования, которая работает в *Solar* уже 26 лет. В тот день И.Мартароли услышала доносившиеся с холма крики пострадавших при аварии и поднялась наверх, чтобы оказать помощь. В то время это было не самое очевидное и легкое решение: до сих пор таксисты отказываются заезжать на территорию фавелы, несмотря на то, что среди населения уже давно ведется серьезная социальная работа.

Организовав медицинскую помощь и раздачу питания семьям погибших, раненых и оставшихся без крова жителей, донна Иоланда продолжила оказывать поддержку, занимаясь с детьми, в то время как родители пытались восстановить свои разрушенные аварией дома. В процессе работы она поняла, что в первую очередь нужно фавеле, это — детский сад, который позволил бы матерям работать, не оставляя детей без присмотра. Очень скоро стало понятно, что для решения проблем общины необходим комплексный подход, и детский сад *Solar Meninos de Luz* («Солар — дети све-

* Подробно тема материнства в фавелах освещена в статье Габриэла Боржиса да Силва и Фабиу Медина Гомиса «Я убираю, глажу, готовлю в ее доме и для ее детей, а мой сын в это время брошен в фавеле»: размышления о предубеждениях и социальной незащищенности «детей фавел» и домработниц».

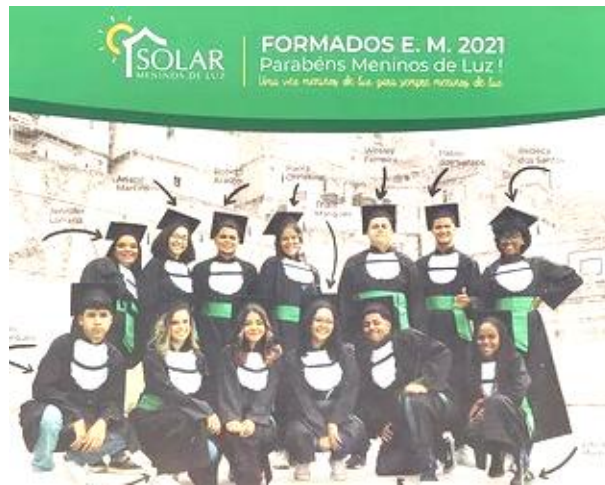
та») превратился в полноценную школу. На сегодняшний день это — комплекс из нескольких зданий, расположенных прямо посреди фавелы, и только сетка отделяет школьный стадион от бетонно-жестяного муравейника, в котором живут 400 учеников возрасте от 6 месяцев до 17/18 лет. Хотя можно сказать, что живут они в школе, где проводят 10 часов каждый день, получая трехразовое питание, медицинское и пси-

хологическое сопровождение и широкий спектр дополнительных занятий — от арт-мастерских и библиотеки до дзюдо и балета.

Продолжением комплексного подхода *Solar* является «Школа родителей». Это — часть программы «Семья/Школа», которая охватывает 300 семей, то есть 900 жителей комплекса фавел Кантагалу и Павау-Паваузинью, население которых составляет около 11 тыс. человек [39]. Работая с родителями, специалисты *Solar* проводят необходимый ликбез, объясняя простые, хотя и не очевидные для слушателей вещи: необходимость отправлять ребенка на занятия в школьной форме, давать ему одежду для кружков, посещать родительские собрания. Кроме того, каждый месяц родители сами выбирают темы, которые хотели бы обсудить: от гигиены ребенка до борьбы с травлей в школе.

«Школа родителей» также решает проблемы неблагополучных семей, при необходимости оказывает экстренную материальную поддержку, мотивирует взрослых продолжать оставленную когда-то учебу в рамках проекта «Снова за парту». «Воспитывать нужно не только детей, но и родителей. Родители должны учиться быть родителями. Школа дает огромное количество возможностей, но это — работа, которую нужно делать в сотрудничестве с семьей. Дома родители должны продолжать то, что мы делаем в школе, и, если семья не помогает, нам сложно добиться результата», — рассказывает Алессандра Алмейда. Родители также получают оценки. И если они в достаточной степени не вовлечены в жизнь ребенка, то семья не набирает необходимого количества баллов, и ученика могут оставить на второй год.

Один из принципов *Solar* — разделять ответственность с семьями учеников, избегая излишней опеки, приводящей к утрате инициативы. Семья рассматривается как источник «эмоционального капитала» [26, р. 54], благодаря которому, по мнению Ж.Соуза, воспроизводятся социальные классы и от которого во многом зависит возможность достойно конкурировать на рынке труда. На входе в административное здание *Solar* помещено большое фото счастливых выпускников 2021 г., многие из которых поступили в универ-

Выпускники *Solar*

ситеты, а остальные нашли работу. Главная цель *Solar* — дать детям фавелы возможность выбрать нормальный образ жизни. Рассмотрев деятельность трех крупных, давно существующих и объективно успешных* бразильских НКО, работающих с социально уязвимыми категориями населения, мы можем выделить свойственные им общие черты.

Приоритетной проблемой, которую решают организации гражданского общества в социальной сфере, была и остается бедность: по данным исследования «Карта бедности» (*Mapa de pobreza*) Института Жетулиу Варгаса (*Instituto Getulio Vargas, IGV*) за 2021 г. 62 млн бразильцев являются бедными, а 19 млн человек живут за чертой бедности (9,1% населения страны) [30]. Противостоять социальному неравенству и бедности в современном обществе можно, лишь применяя комплексный подход, включающий в себя как традиционные методы христианской филантропии, так и образовательные и культурные инициативы, использующие новейшие инструменты. Деятельность социальных НКО и НПО в бразильских фавелах подразумевает три фундаментальных шага: накормить, научить и вернуть человеческое достоинство и веру в возможность иного будущего.

Работа НКО и НПО дает осязаемые результаты: молодые жители фавел приобретают специальность и возможность легального трудоустройства, матери-одиночки зарабатывают на жизнь, зная, что их сыновья и дочери не на улице и не занимаются проституцией и наркоторговлей, взрослые учатся быть родителями, а дети получают полноценное детство — безопасность, школу, шанс развить свои способности и таланты.

Счет историй успеха идет на десятки и даже на сотни. Эти цифры кажутся скромными на фоне масштаба проблемы, однако организации гражданского общества не ставят перед собой задачу трансформировать социальное устройство или заменить государство. Они могут лишь смягчать и корректировать недостатки государственной политики, занимаясь кропотливой и методичной «ручной работой» в серой зоне, где иные методы неэффективны.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. As fundações privadas e associações sem fins lucrativos no Brasil. Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística. Available at: <https://www.ibge.gov.br/estatisticas/economicas/outras-estatisticas-economicas/9023-as-fundacoes-privadas-e-associacoes-sem-fins-lucrativos-no-brasil.html> (accessed 15.01.2023).
2. Дьякова Л.В. Гражданское общество Латинской Америки перед вызовами времени и практики социальной солидарности в период COVID-19. *Латинская Америка*. М., 2022, № 1, сс. 6-22. [Diakova L.V. Grazhdanskoe obshhestvo Latinskoj Ameriki pered vyzovami vremeni i praktiki social'noj solidarnosti v period COVID-19. [Latin American civil society facing the challenges of the time and the practice of social solidarity in the period of COVID-19]. *Latinskaia Amerika*. Moscow, 2022, N1, pp. 6-22 (In Russ.).]
3. Carvalho Ferreira E. Think tanks da nova direita e suas estratégias de cooptação: o caso do programa Imil (Instituto Millenium) na sala de aula. *Crítica Educativa* (Sorocaba/SP), vol.4, N2, jul./dez.2018, pp.24-40. Available at: <https://www.criticaeducativa.ufscar.br/index.php/criticaedu-cativa/article/view/338> (accessed 15.01.2023).

* *Banco da Providência*, *Gol de letra* и *Solar* неоднократно становились победителями престижной национальной премии в сфере организаций гражданского общества «Сто лучших НКО» (100 melhores ONGs).

4. Landim L. As ONGs são terceiro setor, in *ONGs no Brasil: Perfil de um mundo em mudança*. Fundação Konrad Adenauer, Fortaleza, Ceará, 2003, pp. 107-134.
5. Paiva F, O papel político das ONGs, in *ONGs no Brasil: Perfil de um mundo em mudança*. Fundação Konrad Adenauer, Fortaleza, Ceará, 2003, pp. 67-106.
6. Lima Neto F. Relação com o estado na visão das ONGs: uma sociologia das percepções. Instituto de Pesquisa Econômica Aplicada. 2013, 32 p. Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/91234/1/745124925.pdf> (accessed 16.01.2023).
7. Paes J.E.S. Fundações, associações e entidades de interesse social: aspectos jurídicos, administrativos, contábeis, trabalhistas e tributários. Rio de Janeiro, Forense, 2018, 877 p.
8. Guerra Silva C. E. Gestão, legislação e fontes de recursos no terceiro setor brasileiro: uma perspectiva histórica. *RAP*. Rio de Janeiro, nov./dez. 2010, pp. 1301-1325. Available at: <https://www.scielo.br/jrap/a/dmgXfwLTwhKpbCpHxgnpqcx/abstract/?lang=pt> (accessed 25.12.2022).
9. Коваль Б.И., Кузнецова Э.Е. и др. Человек и общество в современной латиноамериканской цивилизации. *Аналитические тетради ИЛА РАН*. М., 2000, вып.10, 133 с. [Koval` B.I., Kuznecova E. E. i dr. Chelovek i obshchestvo v sovremennoj latinoamerikanskoj civilizacii. [Man and Society in the Modern Latin American Civilization]. *Analiticheskie tetrad ILA RAN*. Moscow, 2000, N 10, 133 p.
10. Кузнецова Э.Е. Латинская Америка на рубеже тысячелетий: опыт социально-политических исследований. Избранные труды, М., 2017, 342 с. [Kuznecova Je. E. Latinskaja Amerika na rubezhe tysjacheletij: opyt social'no-politicheskikh issledovanij. Izbrannye Trudy. [Latin America at the turn of the Millennium: the experience of socio-political research. Selected works]. Moscow, 2017, 342 p.
11. Канунников А.А. Диалог гражданского общества стран Латинской Америки и Европейского союза. *Латинская Америка*, М., 2021, № 6, сс. 6-18. [Kanunnikov A.A. Dialog grazhdanskogo obshhestva stran Latinskoj Ameriki i Evropejskogo sojuza. [Latin American and European Union Civil Society Dialogue]. *Latinskaia Amerika*. Moscow, 2021, N 1, pp. 6-18. (In Russ.).
12. Малашенкова А.А., Харитонов О.Г., Президенты-популисты и гражданское общество в латиноамериканских демократиях, *Вестник РУДН. Серия: Политология*. 2022, т.24. №2. сс. 247–267 [Malashenkova A.A., Haritonova O.G., Prezidenty-populisty i grazhdanskoe obshhestvo v latinoamerikanskih demokratijah. [Populist Presidents and civil society in Latin American democracies], *Vestnik RUDN. Serija: Politologija*, 2022, vol. 24, N 2, pp. 247-267. (In Russ.).
13. Гайнутдинова Л.А. Гражданское общество в Аргентине и Бразилии. *Латинская Америка*. М., 2009, № 11, сс. 72-79. [Gajnutdinova L.A. Grazhdanskoe obshhestvo v Argentine i Brazili. [Civil society in Argentina and Brazil. *Latinskaja Amerika*. Moscow, 2009, N 11, pp. 72-79 (In Russ.).
14. Almeida Luca C. O Terceiro setor na economia brasileira. Florianopolis, 2008, 91 p.
15. Lei № 9.790, de 23 de março de 1999. Available at: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/l9790.htm (accessed 25.12.2022).
16. Gonzaga Alves M.T. Caracterização das desigualdades educacionais com dados públicos: desafios para conceituação e operacionalização empírica. *Lua Nova*, São Paulo, 2020, pp. 189-216. Available at: <https://www.scielo.br/jln/a/Kgn3rk4gnpRT3XhNCDMLTsF/?lang=pt> (accessed 26.12.2022).
17. Silva da J.T. Por entre percursos e narrativas: Maneiras de construir a profissionalidade docente: quais as rotas, percursos e percalços (im)possíveis?, Available at: <https://anped.org.br/news/v-seminario-vozes-da-educacao-formacao-docente-experiencias-politicas-e-memorias-polifonicas> (accessed 27.12.2022).
18. Ghanem E. As ONGs e a responsabilidade governamental com a escola básica no Brasil. *Pro-Posições*, Campinas, v. 23, n. 2 (68), maio/ago. 2012, p. 51-65. Available at: <https://www.scielo.br/jpp/a/bLH5S4fCzq6jxQ7txDz5mh/abstract/?lang=pt> (accessed 25.11.2022).
19. Rio é a cidade com maior população em favelas do Brasil. *O Globo*. 21.XII.2021. Available at: <https://oglobo.globo.com/politica/rio-a-cidade-com-maior-populacao-em-favelas-do-brasil-3489272> (accessed 02.12.2022).

20. A escola e a interculturalidade nas favelas do Rio de Janeiro. Available at: <https://educacaopublica.cecierj.edu.br/artigos/20/19/a-escola-e-a-interculturalidade-nas-favelas-do-rio-de-janeiro> (accessed 05.06.2022).
21. Toledo de B.B. A formação das favelas na cidade do Rio de Janeiro: uma análise baseada na segregação populacional e exclusão social, Anais do 16º Encontro Nacional de Pesquisadores em Serviço Social. Available at: <https://periodicos.ufes.br/abepss/article/view/22211> (accessed 05.06.2022).
22. Осипова М.С. Фанк Кариока как инструмент сопротивления и конструирования идентичности молодежи бразильских фавел. *Гуманитарный акцент*. М., 2019, № 1, сс. 32-37. [Osipova M. S. Fank Karioka kak instrument soprotivlenija i konstruirovaniya identichnosti molodjozhi brazil'skih favel. [Funk Carioca as a tool of resistance and constructing the identity of the youth of Brazilian favelas]. *Gumanitarnyj accent*. Moscow, 2019, N 1, pp. 32-37. (In Russ.).]
23. Осипова М.С. Фавелы Рио-де-Жанейро и их интеграция в городское культурное пространство, *Сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции молодых ученых*. М., 2018, сс. 105-112. [Osipova M.S. Favely Rio-de-Zhaneiro i ih integracija v gorodskoe kul'turnoe prostranstvo [Favelas of Rio de Janeiro and their integration into the urban cultural space]. *Sbornik materialov XVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii molodyh uchjonyh*. Moscow, 2018, pp. 105-112. (In Russ.).]
24. Кузнецова А.Д., Мейреллес Р., Атаиди С. Страна под названием фавела: самое полное исследование о бразильской фавеле. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия: История*, М., 2017, № 2, сс.156-161 [Kuznecova A. D., Meirelles R., Ataidi S. Strana pod nazvanijem favela: самое полное issledovanie o brazil'skoj favela. [The country called Favela: the most complete study about the Brazilian favela]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zurubezhnaja literatura. Serija: Istorija*. Moscow, 2017, N 2, pp. 156-161. (In Russ.).]
25. Valladares L. Favela.com. *Ana Fernandes, Angela Gordilho Souza (Orgs). Habitação popular no Brasil: reflexões, avaliações e propostas*. Salvador, FAUFBA /PPGAU, 2004, pp. 121-136.
26. Souza J., A elite do atraso: da escravidão à Lava Jato, Rio de Janeiro, Leya, 2007, 140 p. Available at: https://edisciplinas.usp.br/pluginfile.php/4411236/mod_resource/content/0/Jessé-Souza-A-Elite-do-Atraso.pdf (accessed 05.06.2022).
27. 'Tinha patrão, hoje tenho cliente': as diferenças de ser doméstica no Brasil e nos EUA. Available at: <https://noticias.uol.com.br/ultimas-noticias/bbc/2021/07/16/as-diferencas-de-ser-domestica-no-brasil-e-nos-eua.htm> (accessed 15.06.2022).
28. Nascimento da M.S., A favela como expressão de conflitos no espaço urbano do Rio de Janeiro: o exemplo da zona sul carioca, PUC-RIO, 2010, pp.154. Available at: https://www.maxwell.vrac.puc-rio.br/16168/16168_1.PDF (accessed 15.06.2022).
29. Valladares L. A invenção da favela: do mito de origem a favela.com. Rio de Janeiro, Editora FGV, 2005, 204 p.
30. *Bancodaprovidencia*. Available at: <https://www.bancodaprovidencia.org.br/> (accessed 20.06.2023).
31. Интервью с Синтией Рамирес, координатором проектов НКО. *Banco da providencia*, ноябрь 2022 [Interv'ju s Sintiej Ramires, koordinatorom proektov NKO Banco da providencia. [Interview with Cynthia Ramirez, Project Coordinator of the NGO Banco da providencia].
32. *Goldeletra*. Available at: <https://goldeletra.org.br/> (accessed 20.04.2023).
33. *Meninosdeluz*. Available at: <https://www.meninosdeluz.org.br/> (accessed 25.04.2023).
34. Silva da G.B., Gomes F.M., “Lavo, Passo e Cozinho na sua Casa e pros seus Filhos, mas meu Filho que Mora Comigo Fica Largado na Favela”: Reflexões sobre Suspeição e Precariedade nos Casos do “Cria de Favela” e da “Empregada Doméstica”, *Revista Antropolítica*, n. 50, Niterói, 2020, 3. quadri., pp. 173-196. Available at: <https://periodicos.uff.br/antropolitica/article/view/43310> (accessed 15.06.2022).
35. Lei complementar №150, de primeiro de junho de 2015. Available at: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/lcp/lcp150.htm (accessed 20.06.2022).

36. Интервью с Алессандрой Алмейда, координатором дополнительного образования НКО *Solar*, ноябрь 2022 [Interv'ju s Alessandroj Almeida, koordinatorom proektov NKO Solar [Interview with Alessandra Almeida, Project Coordinator of the NGO Solar].

37. Reportagem: O Cantagalo é um inferno pacificado. Available at: <https://www.publico.pt/2010/04/04/mundo/noticia/reportagem-o-cantagalo-e-um-inferno-pacificado-1430734> (accessed 23.06.2022).

Varvara A. Kuznetsova (*variarell@inbox.ru*)
Researcher of Institute of Latin American Studies of RAS

B. Ordynka, 21/16, 115035 Moscow, Russian Federation

Activities of civil society organizations of Brazil in the social sphere

Abstract. The article analyzes the activities of Brazilian civil society organizations in the social sphere. The NGOs' activities with vulnerable segments are highlighted in the article. The evolution is traced from religious philanthropic initiatives to large-scale educational projects focused on various age categories. The paper describes the target audience of these programs as well as provides the effectiveness indicators of such.

The results of this study show that in modern society, social inequality and poverty can be counteracted only by applying a comprehensive approach that includes both traditional methods of Christian philanthropy and the latest educational and cultural tools. At the same time, the activities of Brazilian NGOs in the social sphere are primarily aimed at mitigating and correcting the shortcomings of public policy.

Key words: Brazil, civil society, favelas, education, philanthropy.

DOI: 10.31857/S0044748X0027273-9

Received 10.02.2023.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

О.Н.Старжинская

Беспорядки в губернаторстве Рио-де-ла-Плата в 1750—1754 гг.

Взгляд иезуитов на перенос семи миссий

В статье подробно рассматриваются события, связанные с передачей Португалии территорий семи иезуитских миссий, происходившие в губернаторстве Рио-де-ла-Плата в период между подписанием Мадридского договора 1750 г. и началом Войны гуарани (1754—1756) с войсками метрополий. Те события показывают, что за время жизни в миссиях коренные народы не только не утратили своей идентичности, но и окрепли настолько, что смогли и морально, и физически противостоять и иезуитам, и колонистам, и войскам метрополии. Все это подтверждают рассмотренные источники, благодаря которым образ иезуитов, мифологизация которого политическими и антирелигиозными противниками Общества Иисуса повлияла на судьбы ордена и гуарани, предстает совершенно в ином свете.

Ключевые слова: иезуиты, Парагвай, перенос семи миссий, Банда Ориенталь, Барреда.

DOI: 10.31857/S0044748X0027278-4

Статья поступила в редакцию 05.01.2023.

«Проще было взгромоздить Оссу на Пелион, чем вдруг и мгновенно заставить переселиться через горы, джунгли и непроходимые болота около тридцати тысяч человек, выселив их из благоустроенных городов».

*Хосе Барреда, глава Иезуитской провинции
Парагвай, 1754 г. [1, p.721].*

Мадридский договор Испании и Португалии 1750 г. предполагал передел колониальных владений между этими странами. В соответствии с документом семь миссий Общества Иисуса на восточном берегу р. Уругвай, а именно Сан-Николас, Сан-Луис, Сан-Лоренцо, Сан-Хуан, Санто-Анхель, Сан-Франциско Борха и Сан-Мигель, передавались португальцам, а они в свою очередь уступали испанцам Колонию-дель-Сакраменто. Передача земель миссий не могла пройти без конфликтов: жившие там коренные

Ольга Николаевна Старжинская — аспирант Белорусского государственного университета, ведущий научный сотрудник национального исторического музея Республики Беларусь (semper_spero@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1472-3720>).

народы не были согласны с договором и не желали покидать эти территории. За своих подопечных вступились миссионеры, пытаясь предотвратить передачу земель миссий португальцам, однако это не только не помогло предотвратить переселение, но и стало одним из поводов для изгнания иезуитов из колоний. А конфликт интересов метрополии и коренных жителей был настолько серьезен, что перерос в войну, которой, по мнению иезуитов, можно было избежать.

Цели данной статьи — конкретизация и гуманизация, раскрытие «человеческого образа» гуарани; демифологизация причин Войны гуарани, изгнания иезуитов и прочих смежных вопросов путем рассмотрения и анализа подробностей переноса миссий, выявления причинно-следственных связей на основании трудов, написанных миссионерами Общества Иисуса, а также формирование альтернативного взгляда на них. Для этого необходимо было перевести источники на русский язык, а также сопоставить и сверить их с исследованиями зарубежных авторов. Анализ подробностей переноса миссий дает возможность рассматривать историю не только с точки зрения глобальных процессов и большой политики, но и «снизу», с точки зрения миссионеров-очевидцев и коренных жителей, судьбы которых изменило это решение; увидеть в них людей [2], принимая во внимание их интересы, в чем им было отказано метрополией. Такую возможность дает обращение к ранним источникам Общества Иисуса. Эта статья актуальна как в свете заинтересованности общества в сохранении наследия коренных народов, выраженной ООН, так и в русле переосмысления их образа, которое происходит в культурной жизни Латинской Америки и по всему миру.

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

В русскоязычной историографии вопрос переноса миссий кратко упоминался как вынужденная мера в рамках большой политики и в переводной литературе конца XIX [3, сс. 95-98] — начала XX в. [4, с. 48], и в оригинальной монографии В.В.Святловского [5, с. 702]. В трудах советских историков [6, с. 57], [7, сс. 173-180] о переносе миссий говорилось в контексте изгнания иезуитов из колоний, иезуитского заговора, обвинений иезуитов в желании иметь свою колониальную империю. Наиболее подробно события, происходившие перед Войной гуарани, анализировал И.Р.Григулевич [7, сс. 173-180]. Несмотря на обращение к достоверным фактам, ученый не принимал во внимание местные предпосылки Войны гуарани и обстоятельства отказа коренных народов покинуть свои территории; проблемы коренных народов обезличивались, уходили в тень, а на первом плане были обвинения против иезуитов. В целом в контексте переноса миссий в русскоязычной историографии складывается негативный образ иезуитов. В зарубежных исследованиях эта тема представлена шире, заслуживают внимания работы К.А.Пейджа, П.О.Свриц-Вучерера [8], Д.Мюриэля [9], Х.Х.Артеаги [10], Р.Ферейры Маурера [11], Л.Куарлери [12] и прочие. Опубликованы многие источники [1; 9] и их анализ [13]. В трудах, где подробно рассматривается перенос миссий [9], в первую очередь подчеркивается их роль в удержании границы испанских колоний. Наличие обширной источниковой базы стало поводом для многочислен-

ных исследований, авторы которых в основном сосредоточили свое внимание на геополитических, демографических, территориальных и военных вопросах, а также на роли иезуитов, динамике приграничного конфликта и поставленных на карту политических и экономических интересов (Э.Маэдер [14], Х.Коуто [15], А.Барселос [16]). В недавних исследованиях рассматривается участие восточных народов Уругвая в восстании и войне против армий Испании и Португалии (Б.Гансон [17], Х.Л.Эрнандес [18], Э.Неуман [19], Г.Уайлд [20]). Как отмечал Н.В.Ракуц, в русскоязычной историографии долго не принимали всерьез источники и труды, написанные иезуитами, а «советская этнография фактически полностью обходила своеобразие этнокультурных процессов в редукциях, так как говорить об иезуитах что-либо положительное было не принято» [21, с. 103]. Эти этнокультурные процессы (гомогенизация и развитие самосознания коренных народов в системе миссий [22, р. 2]) как раз и сыграли ключевую роль в рассматриваемом вопросе. Тот факт, что иезуитские источники не изучались в ходе исследований, существенно искажал картину. Ведь именно иезуиты были непосредственными участниками жизни коренных народов, изучали их языки и особенности, получая в итоге взаимно обогащенную культуру, и могли многое рассказать о жизни коренных народов в миссиях [13, р. 163]. Принимая во внимание эту специфику иезуитских источников, зарубежные авторы отводят значительную роль антропологическому подходу (Э.Неуман [19], Г.Уайлд [20]), подчеркивается «хищнический характер иберийского колониализма перед альтернативным социальным опытом миссий» [22, р. 3].

События, связанные с переносом миссий, также рассматриваются в контексте проблемы территориальной принадлежности восточного берега р. Уругвай (*Banda Oriental*). Крайне важным для изучения этой темы фактором является публикация в 2016 г. *Litterae Annuae Provinciae Paraquariae* в переводе на испанский язык [1], оцифровка и наличие этого труда в свободном доступе в Интернете, что дало возможность исследователям всего мира узнать много нового о миссионерах Общества Иисуса и их подопечных. Использование большого количества цитат делает приводимые комментарии и выводы не голословными, а участникам событий позволяет обрести человеческое лицо. В данной статье большое внимание уделено наглядности: путем анализа большого количества карт была выбрана и переведена наиболее достоверная и информативная для данной темы карта.

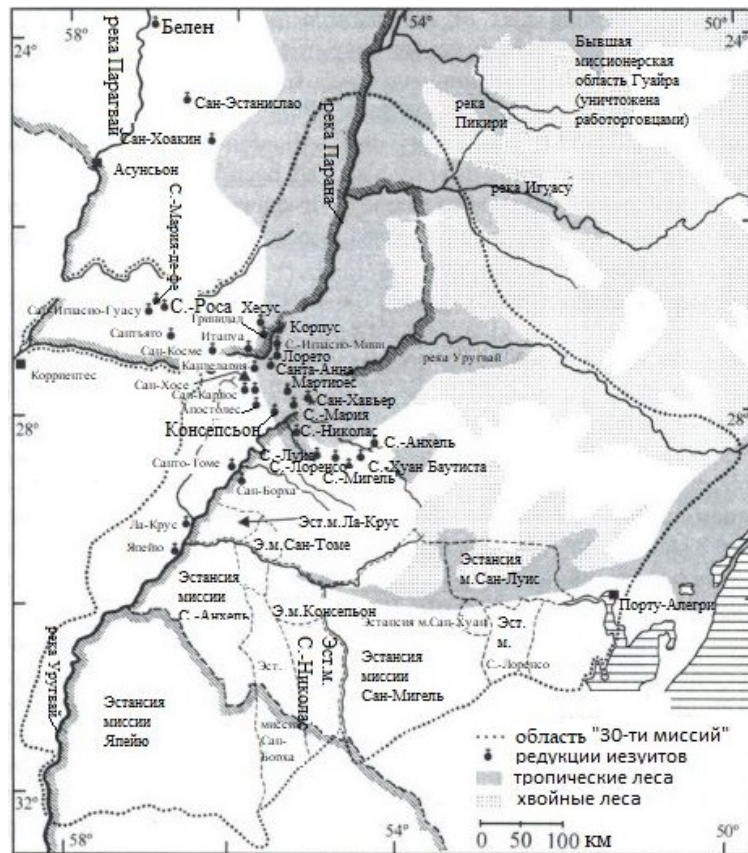
«Ежегодные письма» [1] — один из наиболее важных источников о миссиях иезуитов [13, р. 162] и о событиях, происходивших при попытках их перенести. Этот источник был выбран в качестве основного, в том числе потому, что русскоязычные авторы долгое время считали источники, созданные членами ордена, ненадежными и не обращались к ним для получения информации. В этих письмах провинциал (глава) иезуитской провинции Парагвай, в ведомстве которого находились миссии, подробно отчитывается обо всем Генералу Общества.

ПОПЫТКИ ПЕРЕНОСА МИССИЙ

Для понимания масштабов проблемы, о которой пойдет речь, прежде всего стоит взглянуть на карту миссионерской области «Тридцати миссий» (рис. 1).

Сами города, в которых проживали неопиты, располагались довольно компактно вдоль основных водных путей, зато сельскохозяйственные угодья многих из них находились на восточном берегу р. Уругвай, что стало одной из главных проблем при переселении. Кроме того, непосредственная близость португальцев к остальным миссиям, учитывая опыт предыдущих ста лет, ставила бы их под угрозу разграбления и порабощения, как это произошло, например, с миссиями миссионерской области Гуайра.

**Рис 1. МИССИОНЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ «ТРИДЦАТИ МИССИЙ»
С СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫМИ УГОДЬЯМИ (ЭСТАНСИЯМИ)**

Источник: перевод карты из книги P.O.Svriz Wucherer [8, p. 233].

Изложение событий 1751—1754 гг., представленное иезуитами, отличается от широко известной историографической традиции, сформированной их противниками (иезуиты изображаются виновниками войны, желающими копить богатства и безраздельно властвовать в собственной империи [7, с. 197], и готовыми ради этого жертвовать жизнями подопечных [23, с. 44; 24]). Это изложение является более подробным и представляет собой альтернативную версию для исторического анализа. Такой анализ проводит, например, К.Пейдж в своей книге «Рассказы из изгнания. Воспоминания иезуитов, изгнанных из старинной

провинции Парагвай» [25], рассматривая, в том числе, истоки формирования различных обвинений и политические обстоятельства их появления [25, р. 29].

Глава Иезуитской провинции Парагвай Хосе Барреда начинает свой отчет о переносе миссий с того, как в 1750 г. в миссии пришла информация об этом, и как она была воспринята: «Когда слух об этом дошел до самих миссий, то сложилось мнение, что это все — безрассудное хвастовство лузитан [т.е. португальцев], ибо они долгое время стремились заполучить те города. В то время настоятелем миссий был отец Бернардо Нисдорфер. Застигнув врасплох каких-то лузитанских шпионов, которые под видом беглецов пришли исследовать территорию миссий, он заподозрил, что слухи ходили неспроста. А посему немедленно распорядился о следующем: никто ничего не говорил об этом в присутствии индейцев. Поскольку для индейцев нет ничего более ненавистного, чем оставление могил своих старейшин, следовало ожидать, что поднимется большой шум, если до них дойдет известие о том, что речь идет о таком серьезном деле... Он узнал из уст лузитанского дворянина, что было решено между королями относительно миссий, кто был посредником, и как дело будет осуществлено.

В следующем, 1751 году, мой предшественник отец Мануэль Керини приехал в Буэнос-Айрес в ожидании письменных распоряжений Общества. И они действительно прибыли, сопровождаемые письмом от нашего преподобного отца Франсиско Ретца, в котором он уведомлял о пограничном договоре между королями и передаче городов, в то же время приказывая отцу провинциалу строго настаивать на переселении индейцев...» [1, р. 716].

Далее провинциал подробно рассказывал о том, какое количество попыток иезуиты предприняли, чтобы предотвратить это переселение. В то же время на приказы Рима миссионеры ответили, что «несмотря на понимание трудности дела, они со всем усердием будут стараться, чтобы индейцы повиновались своему благодетелю королю Фердинанду VI» [1, р. 718]. Миссионеры предпринимали все возможное, чтобы решить вопрос дипломатично, предлагали желающим остаться. Но индейские касики и кабиљдо уверяли, что все подчинится приказу о переселении: «...После столь многих обид, нанесенных лузитанами, неужели мы могли бы предпочесть их испанцам? Мы предпочли бы тысячу раз пережить любое несчастье, чем сдаться лузитанам» [1, р. 718]. «Настоятель миссий, с одной стороны, был доволен готовностью индейцев к покорности, но, с другой стороны, несколько опасался их легкомыслия и непостоянства» [1, р. 719].

Далее мы узнаем, что ввиду серьезности дела Генеральный настоятель Общества Иисуса в 1752 г. прислал для исполнения Договора о границах комиссара — отца Луиса Лопе Альтамирано и его заместителя Рафаэля де Кордоба. Эти люди теперь должны были вести все дела миссий Иезуитской провинции Парагвай, а все остальные иезуиты отстранялись, в том числе и провинциал. «Кроме того, они получили от Рима право: в случае, если кто-либо в провинции Перу и Парагвай совершит ошибку в отношении миссий, освободить его от занимаемой должности и даже исключить из Общества» [1, р. 720]. Настоятель миссий отец Нисдорфер заверял, что все будут послушны, однако миссионеры все же сомневались в удачном исходе предприятия, как и сам провинциал, написавший в отчете фразу, приведенную в качестве эпиграфа к этой статье. Тем не менее под руководством комис-

сара были начаты приготовления к переселению: перевозилось имущество, на месте будущих поселений сооружались хозяйственные постройки. На переселение было отведено три года, однако дело началось так хорошо, что казалось, получится уложиться и в полгода.

СПЕШКА И НАЧАЛО БУНТА

Историк-иезуит Доминго Мюриэль писал, что Гаспар де Миниве, маркиз де Вальделириос, глава королевских комиссаров, «более благоразумный в своем деле, чем Альтамирано, воздержался от определения времени переноса миссий. Альтамирано неосторожно назначил шесть месяцев на переезд, на который едва хватило бы шести лет. И он упрямо не думал о себе в этом году, а, следовательно, и о жатве того, что будет пропитанием в следующем. Уехав в миссии, он начал двигать эту махину с таким порывом, что сам черт не мог бы обвинить его в небрежности, как он говорил. Но он не боялся обвинения в безрассудстве...» [9, p. 617].

Требование скорейшего выселения, выдвинутое Альтамирано, было очень негативно воспринято гуарани: «Невозможно описать то дурное впечатление, которое это письмо произвело на них — настолько, что, казалось, в них вселился дьявол... Этого я и боялся с самого начала и делал все возможное, чтобы этого избежать. Итак, поскольку комиссары не хотели или не могли дать нам необходимого времени, я обратился к королю, извещая его письмом о своих обязательствах и обязательствах всех, кто относится к этой Провинции, о наших намерениях и усердии в выполнении всех пожелания короля... Я указал, что индейцы будут в добром расположении духа если, как было оговорено ранее, король в своем милосердии дарует им трехлетний срок, столь необходимый для решения стольких дел. Для обретения сей благосклонности я заверил его, что я и все мои компаньоны падаем ниц, умоляя его об этом от имени индейцев.

Наш добрый король, ознакомившись с содержанием письма, благосклонно ответил: «Мы весьма довольны Вашим письмом от 30 апреля, и причиной тому покорность, быстрота и воодушевление, с которым Вы отстаиваете наши указы и помогаете нашим посланникам... Об остальном мы были извещены другим путем, что Вы, как мы и желали и надеялись, в самом деле проявляете с величайшим усердием свое послушание Нашим приказам...» [1, pp. 722-723].

Далее отец Барреда рассказывал о фактическом начале бунта — отказе жителей Сан-Николаса переселяться «с земель, которые принадлежали их предкам», и где у них «уже были города, хорошая церковь и дома, построенные с большим трудом». Они несколько раз отвергали предложения по конкретным землям, которые им были предложены, в городе начались беспорядки, обитатели миссий хватались «за свои луки, колчаны и дубины, дико крича, что их древние стоянки ни в коем случае не должны быть оставлены» [1, p. 725]. Они проявляли доселе неслыханное непослушание приходскому священнику и настоятелю миссий, отцу Нисдорферу, которые пытались их убедить переселиться. Примеру жителей Сан-Николаса последовали жители Сан-Мигеля: «Когда их приходской священник отец Диего Паласиос был готов совершить переселение, уже отправив часть вещей и подготовив к

отправке священные облачения, и жители Сан-Мигеля увидели, что у них отнимают храм, великолепные облачения и картины, которые они купили за большие деньги, они стали приходить в ярость и кричать, что якобы все их имущество и храм, и население будут переданы отцами лузитанам» [1, p. 726].

Далее Барреда рассказывал о том, что пока иезуиты пытались увеличить срок переселения, обитатели миссий уже потеряли терпение и открыто сопротивлялись. Некоторые, наиболее привязанные к своим приходским священникам, следовали за ними. Так, Барреда говорит о том, что жители Сан-Луиса после месяца тяжелого путешествия натолкнулись на некрещенных чарруа, которые не желали уступать свои земли. Заявив своему приходскому священнику-иезуиту, что «король отправил их в новые земли, а не на войну», они просто повернули назад [1, p. 728]. Отец Барреда объяснил этот инцидент поспешностью, с которой их вынудили отправиться в путь и сообщил, что позже комиссарам удалось договориться с чарруа.

Жители Сан-Лоренцо и Сан-Борха прошли свой путь без препятствий и возмущений [1, p. 729]. Жители из Сан-Николаса, наоборот, говорили о готовности остаться и принять любые последствия и надеялись, что остальные миссии к ним присоединятся. Однако большинство обращенных все же подчинялись вдохновенным проповедям о необходимости переселения. Обрадовавшись их решимости подчиниться, комиссар Альтамирано стал торопиться, чтобы сделать все побыстрее, хотя настоятель миссий отец Нисдорфер «не упускал случая снова и снова советовать комиссару не торопиться и продвигать это дело спокойно» [1, p. 731].

«Описанное выше произошло в конце 1752 г. Дата начала переселения определялась 1 или, самое позднее, 5 января нового года. Жители Сан-Мигеля жаловались на проливные дожди и просили пятилетний срок. Поскольку им было отказано в этом и предоставлено всего несколько дней, они снова открыто заявили о бунте...» [1, p. 731]. Жители Сан-Хуана подчинились и вышли со всем имуществом, однако в ночь перед назначенным переходом через реку Уругвай они почти все сбежали. В Санто-Анхель произошло подобное этому: 100 отобранных для показательного переселения индейцев проследовали за своим священником до брода на р. Уругвай, «а затем все одновременно повернули назад» [1, p. 732].

Индейцы Сан-Луиса, выступив во второй раз, вновь были вынуждены вернуться: хотя земля для миссии была куплена у чарруа, «неверные» стали бунтовать и оказали вооруженное сопротивление. Несмотря на вооруженное сопровождение из редукций Япейю и Крус, обращенные индейцы решили не идти дальше, хотя прошли уже 350 лье.

Затем опять стали бунтовать жители Сан-Мигеля. Когда священнику удалось убедить 300 человек из них переселиться, мятежники крайне разъярились. «19 января под звуки барабанов и труб, как по военной тревоге, они вышли на площадь... Напуганные суматохой, отцы вышли и закричали: “Что все это значит, несчастные? Куда, безголовые? Что с вами происходит?”». Когда иезуитам, казалось, удалось вернуть контроль над ситуацией, мятежники заявили, что «переселение народов выдумал отец-комиссар и что все их несчастья исходят только от него», в связи с чем решили отправиться в Сан-Томе, откуда он рассылал свои письма, «и прикончить его наконец» [1, p. 733]. Иезуиты приложили все силы, чтобы

спасти комиссара Альтамирано от недальновидных мятежников и объяснить им, что такое убийство им не поможет, после чего комиссар вскоре покинул миссии. Он опасался не только мятежников, но и вновь взбунтовавшихся чарруа. Королевские демаркаторы не смогли приблизиться к миссии Сан-Мигель и, не получив должного обеспечения благодаря хитрости индейцев, вернулись в Буэнос-Айрес. Провинциалу иезуитской провинции Парагвай Барреде пришлось отказаться от власти над семью миссиями и над прочими, которые присоединятся к мятежу, в пользу губернатора Парагвая. На все упреки Барреда отвечал, что отцы-иезуиты с 1618 г. верно служат уругвайцам, Христу и королю Испании, зато лояльность местных и их крепкая вера зиждились на том, что они оставались на своей земле; что всегда служили королю, обеспечивая военную помощь и снабжение его людей продовольствием. Вынужденный оправдываться из-за многочисленных обвинений в свой адрес Барреда говорил, что беспорядки при переселении «были не виной отцов, а следствием либо непостоянства индейцев, либо чрезмерной поспешности... восстание индейцев произошло не от жадности иезуитов, словно они хотели во что бы то ни стало сохранить свое мнимое состояние, и не от моего спонтанного ухода из этих городов, как я уже упоминал перед губернатором и епископом. Я просил их обоих заменить нас другими, которые могли бы вести дела более усердно и продвигать их быстрее, потому что у них были другие монахи и священнослужители. Но мне сказали, что им некого посылать. И правда, не было никого, кто захотел или смог бы нести такое бремя, хотя многие пытались...» [1, р. 737].

ПОПЫТКИ ПЕРЕГОВОРОВ И ОБОСТРЕНИЕ СИТУАЦИИ

Королевские комиссары, видя, что индейцы не слушали мольбы иезуитов, представили губернатору Рио-де-ла-Платы Хосе де Андонаэги королевскую седулу, в которой говорилось, что при оказании вооруженного сопротивления индейцев приказано изгнать силой [1, р. 738]. Губернатор не хотел вести войну и послал индейцам письмо. «Он посоветовал им не действовать безрассудно, — писал далее отец Барреда, — успокоиться и перестать оказывать вооруженное сопротивление, что было в их интересах, потому что в противном случае, если они не захотят его услышать, он будет считать их заклятыми врагами и будет преследовать их, проливая кровь и предавая их огню.

Индейцы ответили губернатору, что они, вследствие несправедливо чинимого им притеснения, обратятся к королю. Ибо то, чего ему было приказано требовать, абсолютно невозможно. Они никогда не допустят, чтобы города и поля, данные им Богом, были переданы их врагам — лузитанам. Что их предки не были побеждены в войне, но подчинились королям Испании, чтобы стать христианами, и теперь, когда они уже христиане, почему же они должны быть в худшем положении, чем раньше, и потерять свою землю, которая принадлежала им, когда они еще были неверными?...» [1, р. 739].

Затем отец Барреда приводит переведенный им с гуарани на испанский текст письма Николаса Неенгиру, индейца-алькальда редукции Косепсьон, к Андонаэги, губернатору Буэнос-Айреса. Консепсьон не находился в зоне переселения, однако эта миссия пользовалась эстансиями и рощами йербамате на восточном берегу Уругвая. В этом письме он описывал, как пораб-

жены индейцы требованием о переселении, как не верят в то, что это — воля всегда благоволившего к ним короля, но думают, что все это происки португальцев. Говорил, что собратья не слушают ни его, алькальда, ни кабильдо [1, р. 740], «...ибо сей прекрасный храм, красивый город, эти эстансии со скотом, эти поля, эти заросли йербы и хлопковые поля, которые нас кормят, — все это существует благодаря нашему труду. Почему же тогда то, что принадлежит нам, у нас отнимают? Они хотят посмеяться над нами? Этого ни Бог не допустит, ни наш король. Мы ни в чем не виноваты и ничего не крали у лузитанцев... Все это мерзко пред Богом, говорят наши, и недостойно христиан. Мы тоже христиане и законные чада нашей святой Матери Церкви, перед которой ни в чем не провинились, как и перед королем. Кто обвиняет нас в оскорблении короля, тот пусть поищет виновного в горах и полях — по крайней мере почувствует, что такое работать, и насколько тяжела наша жизнь, и возможно, пожалеет нас... Мы не совершили против него [короля] ничего, что дало бы ему право действовать таким образом против нас» [1, р. 741]. Письмо, датированное 20-м июня 1753 г., заканчивается заверением в покорности королю и, в то же время, мольбой о милосердии, поскольку это переселение влекло за собой серьезные проблемы. Далее Барреда сообщает, что письма с подобным содержанием присылали многие алькальды.

Видя бесполезность переписок и понимая, что вокруг них идет подготовка к войне, индейцы стали делать чучела португальцев и тренировались, стреляя по ним. Иезуиты потеряли контроль над ситуацией. Барреду «глубоко тронула судьба многих тысяч индейцев, обреченных на смерть, и возможно, вечную смерть. Душа мучилась из-за презрения, с которым были отвергнуты письма индейцев и содержащиеся в них справедливые претензии» [1, р. 743]. Затем Барреда сокращенно приводит содержание письма, которое отправил главному из королевских комиссаров — Гаспару де Миниве, маркизу де Вальделириос, умоляя остановить войну. В этом письме он предоставлял список предпринятых усилий по переселению и вновь подчеркивал, что полгода — слишком маленький срок, ругал спешку, несвойственную индейцам, описывал трудности переселения «по ухабам и горам, рекам и болотам». Барреда пересказывал и аргументы индейцев о том, что они давно владеют землями, говорил об усилиях по постройке городов и организации хозяйств, о тяготах путешествий с детьми, об опасности нападения неверных. Провинциал демонстрирует ту же наивную веру в короля, что и подопечные его миссий: «Если эта война не будет приостановлена — тем временем, пока король, извещенный о делах индейцев, не отменит свой предыдущий указ, издав новые указы, — то я лично донесу королю имена истинных провокаторов войны». Барреда взывает и к христианской совести комиссара, подчеркивая, что индейцы оставят веру, уйдут в горы и смешаются с неверными, видя такую несправедливость христиан. «Поэтому я становлюсь перед маркизом во имя ста тысяч индейцев [из тридцати городов] и во имя крови Иисуса Христа, пролитой за них, вместе с индейцами и их Ангелами-хранителями, возвышая свой голос к Вечному Судии и Царю Царей, чтобы маркиз не мобилизовывал войско, чтобы приостановил войну, чтобы дождался новых распоряжений короля. Если маркиз поступит иначе, я буду протестовать против этого

и сниму с себя всякую ответственность за то несчастье и негодование, которые это вызовет в душах индейцев!...». [1, pp. 745-746].

Затем отец Барреда рассказывает, что комиссар-иезуит Альтамирано 17 августа созвал всех приходских священников в миссию Канделария на совещание. Он вручил им две королевские грамоты, данные в Мадриде 16 февраля 1753 г., письмо губернатора Буэнос-Айреса и предписания королевского комиссара. В королевских грамотах было сказано, что в случае послушания индейцев король освободит их от налогов на десять лет, комиссар маркиз обозначит места для переселения, а губернатор даст конвой для защиты в поездке от возможных нападений. Затем отец Барреда приводит в своем отчете некоторые предписания комиссара, которые «можно было бы перечислять бесконечно». Первым требованием было уничтожение запаса пороха в миссиях, приказ закрыть фабрику по его производству и запрет на покупку пороха; запрет на изготовление традиционных видов оружия. Другие предписания касались переселения, которое было назначено на 15 августа. От приходских священников требовали выдать всех бунтовщиков и после выселения уйти в отставку. Когда эти требования дошли до индейцев миссии Сан-Николас, они пришли в ярость, потребовав от приходского священника ключ от арсенала. Когда он оказался, они силой захватили оружие.

Чтобы покрыть большие расходы на переселение, король Испании приказал раздать индейцам каждого города по 4 тыс. песо. Однако прошел слух, что миссионеры за эти суммы продали миссионерские поселения португальцам. Португальцы тем временем разграбили эстансию Сан-Луиса, а индейцы тут же напали на них. В других городах, когда стало известно, что комиссар хочет забрать у них их приходских священников, индейцы приставили к ним часовых и кричали, что они разделят общую судьбу. Из-за беспорядков не сразу и не везде удалось обнародовать королевские указы, письмо губернатора и приказы комиссара, поэтому переселение перенесли на 20 сентября 1754 г. Жители миссий отказывались принимать такие послания: они выслеживали гонцов и уничтожали документы. В миссиях, в которые бумаги не доходили, было спокойнее. Стараясь окончательно подорвать доверие к иезуитам, их враги пускали слух о том, что отцы разместили на р. Паране батареи пушек, башни, траншеи и укрепления, чтобы мобилизовать все миссии.

Чтобы выяснить правду, в миссии был направлен помощник комиссара с отрядом из Санта-Фе. «По Буэнос-Айресу ходило некое коварное письмо. Там сообщалось о весьма серьезных вещах, которые должны были привлечь внимание, особенно королевских министров, так как речь шла о размещении армии из 40 тысяч индейцев у подходов к миссиям, дабы предотвратить открытие богатых золотых приисков, эксплуатируемых иезуитами и не платящими за это налоги в королевскую казну. Но им было мало этого. Нам также приписывали создание империи. Это были голландцы, как мы позже узнали по письмам из Европы. По их словам, в миссиях существовала империя, а ее главой являлся Николас I. Были также отчеканены монеты с надписью «Иисус и Николас», врученные и самому Фернанду VI, который, как говорили, бросил ненавистную монету на землю, заявив, что не понимает, как иезуиты дошли до такой дерзости. Другие превратили эту басню в трагедию, утверждая, что иезуит Николас I, захватив империю,

убил остальных иезуитов... Эта басня вызывает у нас скорее смех, чем гнев... Губернатор Буэнос-Айреса и другие военачальники, только что триумфально прошедшие по территориям миссий, не найдя ни следа этого знаменитого короля Николая, были поражены легкомыслием некоторых, веривших в это... Только одно смущало нас по этому поводу: даже в Америке есть люди, которые, имея перед глазами провинцию Парагвай, тем не менее, охотно верят подобным басням, поощряют их и до сих пор их раздувают...» [1, pp. 756-757]. Далее отец Барреда рассказывал, что индейцев, обвиненных в бунте, угрозами и подарками вынуждали давать показания о том, что зачинщиками беспорядков были иезуиты. Но большинство индейцев активно готовились к войне, для чего, среди прочего, заключали союзы с «неверными» индейцами геноа, минуано и чарруа; занимали дороги, которые еще были проходимы. Далее Барреда говорит о 29 февраля 1754 г. как о дате начала активных боевых действий, позже названных Войной гуарани, события которой заслуживают отдельного исследования.

Перенос семи миссий на другие территории для иезуитов и коренных народов был трагедией, несправедливым решением, которое, тем не менее, они были готовы принять. Однако люди, плохо разбиравшиеся в местной специфике и не ставившие перед собой цель осуществить переселение индейцев мирно, слишком торопились закончить дело. Иезуиты в этой ситуации проявили себя не просто как миссионеры и управленцы, но и как борцы за социальную справедливость, отстаивая миссии перед представителями власти. Кроме того, иезуиты продемонстрировали дипломатические способности, пытаясь найти компромисс и сохранить своим подопечным жизнь и ее привычный уклад, понимая, что родная земля, ее история и вложенный в нее труд поколений были для коренных народов важнее любых обещаний о получении привилегий на новом месте. Оказаться в распоряжении португальцев было даже хуже, чем потерять наследие, и означало для обитателей миссий лишь рабство и смерть. Гуарани поднялись на войну, и их путь к этой войне свидетельствует о трансформации их самоидентификации от навязанного им испанского подданства до осознания себя в качестве сильного, в том числе в военном отношении, и самостоятельного народа, у которого может быть свой путь и который готов защищать его и свои земли. Войну и разрушение системы миссий, по мнению иезуитов, можно было предотвратить. Но из-за предательства со стороны метрополии и насилия обитатели миссий перестали быть союзниками и опорой короля, осознав пустую декларативность своего «полноправного положения» в качестве поданных. Доверие «неверных» народов к испанской монархии и к христианству в регионе также было окончательно подорвано, хотя королю это уже было не столь важно. В этих обстоятельствах новую форму обретают толки об «империи» иезуитов, которые распространяли те, кто хотел скомпрометировать иезуитов в глазах короля. Возникшее в результате этих, казалось бы, незначительных в мировом масштабе событий отношение к иезуитам как к заговорщикам и бунтовщикам существенно подорвало их имидж, положение в мире и стало одним из поводов для повсеместного запрета, а затем и роспуска Общества Иисуса. Подробное рассмотрение предвоенных событий 1750—1754 гг., сделанное

на основе иезуитских источников, позволило раскрыть позитивный и конкретный образ коренных народов и иезуитов применительно к ситуации, которую их противники излагали совершенно иначе, что привело к мифологизации этой темы в историографии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Cartas Anuas de la Provincia Jesuítica del Paraguay 1714-1720. 1720-1730. 1730-1735. 1735-1743. 1750-1756. 1756-1762. Salinas M.L., Folkenand J. (introducción). Asunción, Centro de Estudios Antropológicos de la Universidad Católica (CEADUC), 2016, 902 p.
2. Коренные народы: уважение, а не дегуманизация [Korennyye narody: uvazhenie, a ne degumanizatsiya. [Indigenous peoples: respect, not dehumanization]. Available at: <https://www.un.org/ru/fight-racism/vulnerable-groups/indigenous-peoples> (accessed 20.08.2023). (In Russ.)
3. Гризингер Т. Иезуиты. Полная история их явных и тайных деяний от основания ордена до настоящего времени, в двух томах. СПб.-М., 1868-1869, т. 2, 47 с. [Grizinger T. Iezuity. Polnaia istoriia ikh iavnykh i tainykh deianii ot osnovaniia ordena do nastoiashchego vremeni, v dvukh tomakh. [Jesuits. A complete history of their public and secret affairs from the founding of the order to the present, in 2 volumes]. Saint-Petersburg-Moscow, 1868-1869, vol.1, 47 p. (In Russ.).
4. Каутский К. История социализма. Предтечи новейшего социализма. СПб, 1906, 845 с. [Kautsky K. Istoriia sotsializma. Predtechi noveishego sotsializma. [History of socialism. Forerunners of modern socialism]. Saint-Petersburg, 1906, 845 p. (In Russ.).
5. Святловский В.В. Коммунистическое государство иезуитов в Парагвае в XVII и XVIII ст., Петроград, Путь к знанию, 1924, 54 с. [Sviatlovskii V.V. Kommunisticheskoe gosudarstvo iezuitov v Paragvae v XVII i XVIII st. [The communist state of the Jesuits in Paraguay in the 17th and 18th centuries]. Petrograd, 1924, 54 p. (In Russ.).
6. Селиванов В.Н. Латинская Америка: от конкистадоров до независимости. М., Наука, 1984, 176 с. [Selivanov V.N. Latinskaia Amerika: ot konkistadorov do nezavisimosti. [Latin America: from conquistadors to independence]. Moscow, 1984, 176 p. (In Russ.).
7. Григулевич И.Р. Крест и меч. Католическая церковь в Испанской Америке, XVI-XVIII вв., М., Наука, 1977, 295 с. [I.R. Grigulevich. Krest i mech. Katolicheskaiia tserkov' v Ispanskoi Amerike, XVI-XVIII vv. [A cross and a sword. Catholic Church in Spanish America, XVI-XVIII centuries]. Moscow, 1977, 295 p. (In Russ.).
8. Svřiz Wucherer P.M.O. Resistencia y negociación. Milicias guaraníes, jesuitas y cambios socioeconómicos en la frontera del imperio global hispánico: ss. XVII-XVIII, 1a ed., Rosario, Prohistoria Ediciones, 2019, 352 p.
9. Muriel D. SJ. Historia del Paraguay desde 1747 hasta 1767. Obra latina traducida al Castellano por el P. Pablo Hernández SJ. Madrid, Librería General de Victoriano Suarez, 1918, 661 p.
10. Arteaga J.J. Conflicto y Jesuitas en las fronteras del imperio: Las Misiones guaraníes. Lima, El Virrey, 2015, 2a.ed., 386 p., mapas.
11. Maurer R.F., Das necessidades as intrigas: O Caso de San borja frente os processos político-sociais dos anos de 1750 a 1759. *Revista de História*, N8 (15), Topoi, 2007, pp. 49-79.
12. Quarleri, L. Crónicas de un conflicto: encrucijadas metodológicas a partir del estudio de la “guerra guaranítica”. *Missões em mosaico: da interpretação à prática: um conjunto de experiências*. Org. Colvero R., Maurer R.F. Porto Alegre, Editora Faith Ltda, 2011, 306 p.
13. Maeder E. Las fuentes de información sobre las misiones jesuíticas. *Teología: revista de la Facultad de Teología de la Pontificia Universidad Católica Argentina*, N50, Buenos Aires, 1987, pp. 143-164.
14. Maeder E. Los problemas de límites entre España y Portugal de 1750 y las misiones del Paraguay. *Misionalia Hispanica*. 31, Madrid, 1954, pp. 523-563.
15. Couto J. Tratado de los límites de 1750 na perspectiva portuguesa. *Congresso Internacional de Historia. El Tratado de Tordesillas y su Época*. Valladolid, Junta de Castilla y León, 1995, pp. 1593-1610.
16. Barcelos A. Os jesuítas e a ocupação do espaço platino nos séculos XVII e XVIII. *Revista Complutense de Historia de America*, vol. 26, Madrid, 2000, pp. 7-37.
17. Ganson B. ‘Si los portugueses quieren nuestros pueblos y nuestra tierra entonces paguen por ellos con su sangre’: resistencia guaraní e ideología durante la guerra de las Siete Reducciones

- (1753-1756). *Los jesuitas y la modernidad en Iberoamerica, 1549-1773, tercera parte*, ed. M. Marzal y L. Bacigalupo. Lima, Pontificia Universidad Católica del Perú, 2007, pp. 217-228.
18. Hernández J. L. *Los pueblos guaraníes situados entre 1750 y 1820*. Tese de Duotoramento. Buenos Aires, Facultad de filosofía y Letras, Universidad de Buenos Aires, 1996, 266 p.
19. Neumann E.S. Fronteira e identidade: confrontos luso-guarani na Banda Oriental 1680-1757. *Revista Complutense de História de América*, vol. 26, Madrid, 2000, pp. 73-92.
20. Wilde G. Religión y poder en las misiones de guaraníes. Buenos Aires, SB, 2009, 512 p.
21. Ракуц Н.В. Иезуитские миссии (редукции) испанской Южной Америки в контексте проблемы симбиоза культур. *Этнографическое обозрение*. М., 2013, №3, сс. 102-116 [Rakuts, N.V. Iezuitskie missii (reduksii) ispanskoi Yuzhnoi Ameriki v kontekste problemy simbioza kul'tur. [Jesuit missions (reductions) of Spanish South America in the context of the problem of symbiosis of cultures]. *Etnograficheskoe obozrenie*. Moscow, 2013, N 3, pp. 102-116 (In Russ.).
22. Fontella L.G. A Guerra Guaranítica num contexto de Cultura de Contato: uma interpretação sobre o caráter das interações entre guaranis missioneiros e sociedades ibéricas. *Anos 90*, Rio Grande do Sul, 2020, 27, 1–20. (<https://doi.org/10.22456/1983-201X.99461>).
23. Матвеева Н.Р. Иезуитское государство в Парагвае 1610-1768. Большая советская энциклопедия (в 30 томах). Гл. ред. А.М. Прохоров. Т.10. Ива – Италики. Москва, Советская Энциклопедия, 592 с. [Matveeva, N.R. Iezuitskoe gosudarstvo v Paragvae 1610-1768 [Jesuit state in Paraguay 1610-1768] Great Soviet Encyclopedia (in 30 volumes). Ch. ed. A.M. Prokhorov, V.10. Iva – Italiki. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya, 1972, 592 p. (In Russ.).
24. Starzhynskaya O.N. Problemas de las misiones de la provincia jesuítica del Paraguay en el espacio científico de habla rusa. *Antiguos jesuitas en Iberoamérica*. Centro de Investigaciones y Estudios sobre Cultura y Sociedad (CIECS), CONICET, Universidad Nacional de Córdoba (UNC), 2023, N 11, pp. 1-18. (DOI: <https://doi.org/10.31057/2314.3908.v11.42270>).
25. Page C.A. Relatos desde el exilio. Memorias de los jesuitas expulsos de la antigua Provincia del Paraguay. CSIC, Fundación Carolina y CONICET, Asunción del Paraguay, ServiLibros, 2011, 644 p.

Olga N. Starzhynskaya (semper_spero@mail.ru)

Postgraduate, Belarusian State University, Leading Researcher, National Historical Museum of the Republic of Belarus

Riots in the governorate of the Río de la Plata in 1750-1754. Transmigration of the seven missions according to the Jesuit sources

Abstract. The article examines in detail the events associated with the transfer of territories of 7 Jesuit missions to Portugal, that took place in the governorate of Rio de la Plata between the signing of the Treaty of Madrid in 1750 and the beginning of the Guaraní War with the troops of the metropolitan countries, which clearly show that during their life in the missions, the indigenous peoples not only did not lose their identity, but also strengthened so much, that they could resist, morally and physically, both to the Jesuits, as well as to the colonists and the troops of the metropolitan countries, which is clearly confirmed by the considered primary sources. In its light the image of the Jesuits, mythologized by political and anti-religious opponents of the Society of Jesus, the distortion of which influenced the fate of the order and the Guaraní, is cleared of many accusations.

Key words: Jesuit missions, Paraguay, Banda Oriental, Barreda.

DOI: 10.31857/S0044748X0027278-4

Received 05.01.2023.

ИНСТИТУТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ РАН

реализует свои книги через

Межиздательский дистрибьюторский центр при издательстве

Тел.: +7 (499) 135-42-46, +7 (499) 135-44-23

E-mail: urss@urss.ru · <http://urss.ru>

УРСС

- Латинская Америка: политический ландшафт на фоне турбулентности. Отв. ред. *Ивановский З.В.*
- Испания и Латинская Америка: динамика культурных процессов в конце XX — начале XXI веков. Отв. ред. *Константинова Н.С.*
- Мексика: парадоксы модернизации. Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Дьякова Л.В. Чилийская демократия: преемственность и перемены.
- Латинская Америка на пути экономической модернизации. Отв. ред. *Симонова Л.Н.*
- БРИКС — Латинская Америка: позиционирование и взаимодействие. Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Ермольева Э.Г. Образование в Латинской Америке: адаптация к вызовам времени.
- Иberoамериканская культура: инновационные процессы и государственная культурная политика. Отв. ред. *Константинова Н.С.*
- *Ивановский З.В.* Латинская Америка: электоральное законодательство и властные структуры (справочник).
- Латинская Америка на мировом рынке продовольствия. Отв. ред. *Яковлев П.П.*
- *Яковлева Н.М.* Португалия: история политической модернизации.
- Современная культура Испании и Португалии: полилог традиций. Отв. ред. *Константинова Н.С.*
- Латинская Америка на переломе глобальных и региональных трендов. Отв. ред. *Сударев В.П., Симонова Л.Н.*
- Современная организованная преступность в Латинской Америке и в странах Карибского бассейна. Отв. ред. *Мартынов Б.Ф.*
- Испания и Португалия в эпоху глобальных трансформаций. Отв. ред. *Яковлева Н.М.*
- Возможности и пределы инновационного развития Латинской Америки. Отв. ред. *Симонова Л.Н.*
- Политические конфликты в Латинской Америке. Отв. ред. *Ивановский З.В.*
- *Ракуц Н.В.* Культура индейских народов и политика государства.
- Куба накануне смены поколений. Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Куба Si. 60 лет Революции. Отв. ред. *Калашников Н.В.*
- Иberoамерика: культурная идентичность в эпоху глобализации. Отв. ред. *Константинова Н.С.*
- *Давыдов В.М.* Перспектива устойчивого развития в новом глобальном и региональном контексте.
- *Кодзоев М.А.-М.* США — Куба: эхо холодной войны.
- *Яковлев П.П.* Глобальные головоломки: Иberoамерика в меняющемся мире.
- Испания в новой национальной и международной реальности. Отв. ред. *Яковлев П.П., Куракина-Дамир А.А.*
- Латинская Америка в системе международных экономических отношений. Отв. ред. *Симонова Л.Н.*
- Никарагуа: эволюция революции. Серия «Саммит». Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Гордиев узел венесуэльского кризиса. Серия «Саммит». Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Перспектива устойчивого развития. Апелляция к общемировым и латиноамериканским реалиям. Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Испания: трудный выбор в условиях неопределенности. Серия «Саммит». Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- *Rusia y España: el ciclo de incertidumbre pandémico. Violetta Tayar, Eleonora Ermólieva (coord.).*
- Иberoамерика: роль культуры в формировании и эволюции национальной идентичности. Отв. ред. *Константинова Н.С.*

Уважаемые читатели!

Институт Латинской Америки РАН
планирует в 2023 г. выпустить в свет следующие книги:

- Цифровая трансформация в Латинской Америке.
Отв. ред. *Симонова Л.Н.*
- Антарктида и Южный океан в контексте интересов
латиноамериканских стран. Отв. ред. *Кудеярова Н.Ю.*
 - Испания в третьем десятилетии XXI века.
Отв. ред. *Тайар В.М., Куракина-Дамир А.А.*

**По вопросам приобретения через систему «Книга почтой»
обращаться в Институт Латинской Америки
(E-mail: iberoamerica@ilaran.ru, факс 953-40-70);
в Издательство УРСС (тел: (499) 135-44-23, E-mail: urss@urss.ru),
а также в магазины:**

«Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (495) 925-2457); «Московский дом
книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-8242); «Аргумент» (м. Универси-
тет, 2 гум. корп. МГУ. Тел. (495) 939-2206); Киоск МГИМО, Пр-т Вернадского, 76;
«Фаланстер» (Малый Гнезниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21);
Киоск РУДН, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 (8-964-630-14-34)

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА
ежемесячный научный и общественно-политический
журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ № 0110358 от 02.03.1993 г.)

Адрес редакции журнала «Латинская Америка»: 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21;
тел. (495) 951-01-67; факс (495) 953-40-70; e-mail: revistala@mtu-net.ru